

Эрих фон

ДЭНИКЕН

БОГИ МАЙЯ

ТАЙНЫЕ ПОСЛАНИЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Annotation

Книга Эриха фон Дэникена посвящена загадкам цивилизации майя. Может быть, удивительные знания и умения принесли древнему народу разумные существа из Вселенной?

Последние звенья в цепи доказательств: прежде людей на Земле побывали боги. Новые находки Эриха фон Дэникена более волнующи, увлекательны, чем когда-либо. Он уверен: календарные циклы доказывают, что когда-то существовала планета богов, с которой «ужасные создания» прибыли на Землю. Дэникен рассказывает о таинственных городах и постройках майя, их совершенных дорогах, каналах, обсерваториях, о наблюдениях, длившихся тысячи лет, о календарях майя, один из которых был предназначен для богов, а другой — для людей.

Erich von Daniken

DER TAG AN DEM DIE GOTTER KAMEN

© C. Bertelsman Verlag, a division of Verlagsgruppe Random House GmbH, München, Germany

---

Эрих фон Дэникен

БОГИ МАЙЯ

[День, когда явились боги]

ВООБРАЖАЕМАЯ ПОЕЗДКА В КАМЕННЫЙ ВЕК

Бесконечны две вещи: Вселенная и глупость человеческая.

Альберт Эйнштейн (1879—1955)

Тикаль, древнейший город майя на равнине — Монументальные реликвии — Даже боги смеются! — Дороги, по которым не ездили? — Беседы над крышами Тикаля — Начало поездки в прошлое — Финки, имеющие, помимо маиса и кофе, бесценные сокровища — Ноктюрн — Окольный путь в Копан — В Копане, самом южном из крупных городов майя — Уникальный городок Ксочикалько — Четыре летающих индейца из Эль-Тахина

В первый же вечер в Гватемала-сити произошло то, чего я терпеть не могу, когда намереваюсь беспрепятственно заниматься поисками в чужой стране. В холле отеля «Эльдорадо» прозвучало мое имя: телеканал № 3 попросил об интервью.

Я не был в Гватемале пять лет. С тех пор столица очень разрослась. Хотя центр со сверкающей неоновой рекламой и величественным силуэтом почти не изменился, все же чувствовалось, что город, насчитывающий около 600000 жителей и расположенный на высокогорном плато на высоте 1493 м над уровнем моря между вулканами Агуа и Фуэго, искритесь новой жизнью. Республика Гватемала больше не хочет оставаться развивающейся страной, она стремится выйти из изоляции, в которой находятся малые нации. На каждом шагу ощущается здоровое честолюбие. 60 % населения составляют индейцы, 25 % — метисы, остальные — потомки белых переселенцев, которые осели в этой стране уже несколько поколений назад.

Гватемала-сити на протяжении ближайших дней должен был стать нашей базой для поездок в древние города майя, и первой целью был Тикаль. На следующий день в полдень самолетом фирмы «Авиатека» мы отправились в город Флорес на озере Петен-Ица. В новом здании аэропорта Флореса нас встретила неподвижная жара, превратившая зал, похожий на ангар под шиферной крышей, в духовку. Машины повышенной проходимости не было, и я нанял микроавтобус «датсун», при этом меня убеждали, что в Тикаль ведет отличная дорога.

Мне часто приходилось слышать подобное. На каждом километре я ожидал, что лента асфальта внезапно кончится, но она продолжалась, как было обещано, легко шла через пышную тропическую растительность, мимо обширных поместий (финок) с маисовыми и кофейными плантациями. На протяжении 60 км до Тикаля не было ни одного ухаба, и если бы не ливень, мы были бы в Тикале через час. А так лишь поздним вечером мы достигли шлагбаума, обозначавшего границу Национального археологического парка Тикаль.

Вместе с Ральфом, будущим химиком, который меня сопровождал, мы начали искать «Джангл лодж» — отель-бунгало, в котором 17 лет назад я провел несколько дней. Я отлично помнил, что тогда путь был помечен несколькими указателями. Теперь мы не обнаружили ни одного.

— Сеньоры! — окликнул я трех сидевших на земле индейцев. — Вы не скажете, где «Джангл лодж»?

Они тупо посмотрели на меня. Был ли им непонятен мой испанский или они владели лишь

одним из шестнадцати языков, на которых в Гватемале и сегодня говорят индейцы? Я осторожно нажал на газ, и «датсун» медленно покатылся.

На следующее утро оказалось, что некогда довольно симпатичный отель «Джангл лодж» больше не был привлекателен и снаружи

Из-за иссиня-черных дождевых туч ночь наступила раньше обычного. То тут, то там в узких оконных проемах появился красноватый свет электрических лампочек, перед убогими хижинами коптили масляные факелы. Мы ощутили знакомый запах горящего древесного угля. Вдруг «датсун» загромыхал по грунтовой дороге, я направил его в сторону, между огромных реликтовых деревьев сейба^[1], на свет. Под козырьком над дверями своей деревянной хижины курил трубку старик, ему не мешал дождь, барабанивший по крыше нашей машины и превративший дорогу в болото.

— Скажите, как нам найти «Джангл лодж»? — спросил я на испанском и на английском. Старик покачал головой из стороны в сторону, но он, скорее всего, делал так постоянно, потому что это не было ответом. Из глубины памяти у меня появилась картина небольшого холма, на котором стоял «Джангл лодж».

Дорога невероятно быстро превратилась в ручей.

— Вода прибывает сверху! — Ральф не терял чувства юмора, и я свернул прямо в ручей. Скрипя на камнях и корнях, «датсун» карабкался вверх по склону, свет фар выхватил обшарпанную деревянную табличку с красными буквами: «Джангл лодж». Машина лавировала между деревьями и кустами — где-то здесь скрывались административное здание и бунгало.

Я остановил «датсун», выключил фары. Когда глаза привыкли к темноте, мы увидели неосвещенный, крытый соломой и пальмовыми листьями длинный дом, из которого слышались мужские голоса. Стало жутковато.

— Эй! — крикнул я. — Буэнос тардес! Добрый день! Шаги. У двери чиркнула зажигалка, зажглась свеча. Два язычка пламени, танцующая в воздухе, приблизились к нам, ослепили, осветили наши лица. Огромный мужчина окинул нас дружелюбным взглядом.

— Бьенвенидос, сеньор фон Дэникен? — Он внимательно оглядел меня. — Бьенвенидос,

дои Эрик! — сказал великан глухим, как мне показалось, немного печальным голосом. Ярким светом загорелся карманный фонарик. Я увидел открытое лицо с длинным узким носом; это был мужчина лет пятидесяти, на нем была коричневая в крупную желтую клетку хлопчатобумажная рубаша поверх слишком узких, вечность нестиранных зеленых вельветовых брюк.

— Откуда вы меня знаете?

Пока мы стояли под соломенной крышей, с которой лились струи дождя, великан представился:

— Я Хулио Чавес. Прошу, зовите меня Хулио. — Он выговаривал «х» как твердый горловой звук. — Можно мне называть вас дон Эрик?

— Зовите меня Эрик! — предложил я, но он и дальше продолжал называть меня дон Эрик.

Хулио вкратце пояснил, что он гватемалец европейского происхождения, по профессии горный инженер, что, увлекшись археологией, он много лет изучал Тикаль и другие центры майя, знает все испанские издания моих книг, видел меня в них на снимках, а вчера вечером на канале № 3. — Почему нигде не горит свет?

— Из-за москитов, — беспомощно объяснил великан; попытавшись согнать коричневое насекомое величиной с майского жука, запутавшееся у меня в волосах, Хулио попал мне по голове своей большой ладонью. — Пардон! — сказал он, щелчком отправил жука под дождь и жестом пригласил нас в дом. Один из трех мужчин, которые были вместе с Хулио, зажег старинный фонарь.

— Где же гости? — осведомился я, сразу заметив, что прежнее великолепие изрядно поблекло.

— Кроме нас, никого нет. Здесь останавливаются на ночевку лишь в случае крайней необходимости, — пояснил Хулио.

17 лет назад отель «Джангл лодж» был новым, здесь жили археологи, студенты и туристы. Однако с тех пор, как Тикаль и Флорес соединила асфальтированная дорога, туристы предпочитают ночевать в красивых городских отелях, а археологи отсутствуют, поскольку раскопки в Тикале практически не ведутся. Непосещаемые отели во всем мире приходят в упадок даже быстрее, чем их строили. Во влажных же тропических лесах зубы времени жадно перемальвают все, что только можно уничтожить. Ныне в «Джангл лодж» москитные сетки на окнах были в дырах, матрасы и постельное белье влажные, а душ протекал.

Мы сидели с Хулио и мужчинами в «столовой» вокруг свечи. Раздался грохот, сопровождаемый вибрацией: где-то включили генератор. Загорелись лампочки без абажуров.

Декорация, которая подошла бы для съемок убийства в духе Альфреда Хичкока! Тусклый свет. У стола шестеро мужчин, трое из них, с давно небритыми лицами, передают по кругу бутылку рома, отхлебывая из горлышка. На стене за стойкой висят заржавевшие ключи от комнат и трехлетней давности пожелтевший календарь с рекламой страховой компании. Большое желтое полотно, на котором еще видны изображения построек майя, делит продолговатое помещение на две части. Множество покрашенных в коричневый цвет столов. Зазор между стенами и крышей обеспечивает свежий воздух и беспрепятственный доступ всевозможным насекомым. Вокруг нас жужжат москиты, ощупывают своими усиками стены, пол и столы, чтобы затем с наслаждением впиться в человеческую плоть.

Девушка-индианка — где она была раньше? — подает на стол шницели из говядины и рис. Проголодавшиеся, мы набрасываемся на еду. На безрыбье и рак рыба. (Когда на следующий день я попал на кухню, мне стало дурно. На столе лежали куски мяса, фрукты, овощи, по которым ползали полчища муравьев, а над ними роились мухи; кастрюли и сковородки были покрыты слоем грязи. Четыре дня, проведенных в Тикале, мы питались орешками из банок и колдой.)

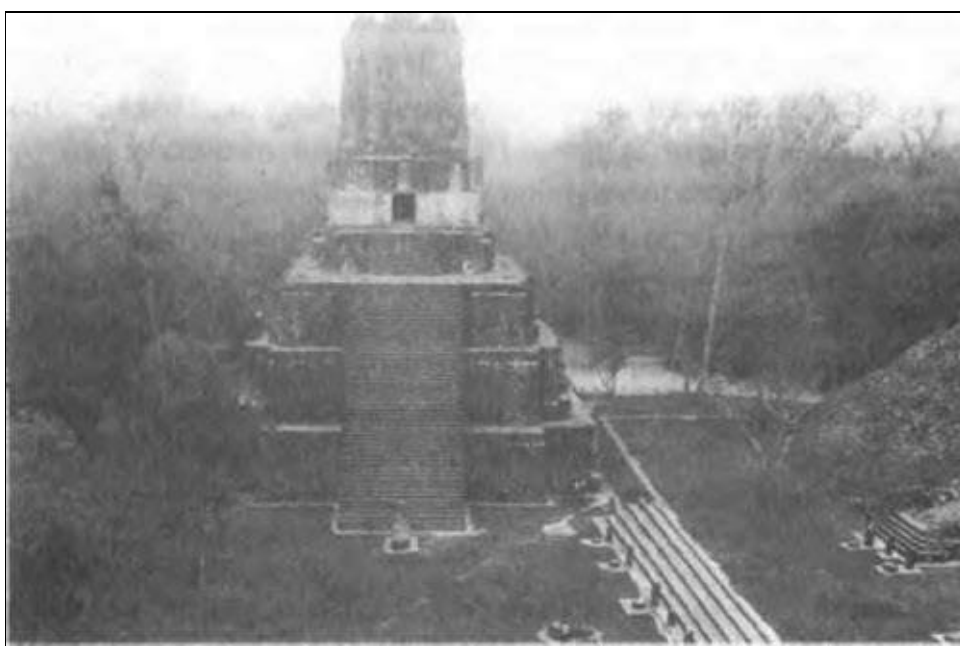
Хулио и небритые мужчины отнесли наш багаж в бунгало № 3. Мы договорились на девять

часов утра. Если от усталости еще можно было смириться с сырой, затхлой постелью, то взаимопонимания с насекомыми достичь было невозможно. Щели под дверью и дыры в оконных сетках я заклеил скотчем, который для таких целей всегда вожу с собой большими бобинами, но от клопов и других подобных паразитов, находящихся в комнате, он не помог. Эти ужасные твари кусали нас за икры, бедра и более благородные мягкие части. Похоже, швейцарская плоть им понравилась. Мы надели джинсы и завязали их на щиколотках шнурками. Снаружи были слышны голоса ночных животных. Навязчивое ууурх... ууурх... терзало наши барабанные перепонки. Жуки со стуком ударялись в сетки на окнах. Удалось ли нам вообще заснуть? Если да, то на мгновения, под наркозом усталости. Как только забрезжил свет, мы встали, позавтракали орешками из банки, уселись, едва шевеля усталыми конечностями, в «датсун» и затряслись на первой передаче по ухабам вчерашнего русла реки, которое снова превратилось в дорогу, по направлению к Тикалю.

В этот ранний час Тикаль напоминал город-призрак. Над центральным акрополем вершины пирамид окутывала серая пелена. Ящерицы разбегались у нас из-под ног. В кустах издавала звук гремучая змея, которую мы отогнали, кинув несколько камней.

Тикаль — древнейший город майя; обнаруженные там находки датируются VIII в. до н. э. Говорят, древний Рим был основан в 753 г. до н. э. Даты сопоставимые, а вот размеры Тикаля не поддаются никакому сравнению ни с одним другим крупным дохристианским центром.

Территория, объявленная правительством Гватемалы Национальным археологическим парком Тикаль, охватывает 576 км². На этой огромной площади были сосредоточены покрытые растительностью, сравнительно немногочисленные раскопанные развалины — каменные остатки некогда «современных» сооружений. В «городе», зоне развалин, занимающей 16 км, расположены около 3000 построек, некоторые из них раскопаны: жилые дома и дворцы, административные здания, террасы, платформы, пирамиды и алтари. Соединены они мощными улицами, на которых располагались большие площадки для игры в мяч. Изображения, полученные с помощью радиолокационной съемки с самолетов, выявили каналы системы орошения, которая покрывает весь полуостров Юкатан. Такая инфраструктура водоводов была необходима, поскольку рядом с Тикалем нет ни озера, ни реки. Этой же цели служили и огромные, сооруженные по плану водохранилища, семь из которых были расположены во внутренней зоне, а три — во внешней. Эксперты оценивают численность населения древнего Тикаля в 50–90 тыс. человек, однако размеры метрополии таковы, что вполне вероятно получение в ходе исследований новых данных, безусловно, измененных в сторону увеличения.

В ранний час Тикаль напоминал город-призрак

— Почему Тикаль был построен здесь, в диких лесах, а не на берегу расположенного всего в 40 км отсюда озера Петен-Ица, дон Эрик? Вы можете мне сказать, почему именно здесь?

Дон Эрик не знал.

— Возможно, случайно, — произнес я, чтобы дать потееющему великану хоть какой-то ответ. Загорелой тыльной стороной ладони Хулио сердито провел по покрытому потом лбу.

— Ерунда! Это не случайность! Тикаль — это математический и астрономический монстр... — Хулио стал неожиданно красноречив. Жестом превосходства он указал на 70метровую пирамиду справа от нас. — Это храм IV! — Он указал налево, где стояла пирамида высотой «всего» 44 м. — Это храм I. Если из центра храма IV вы проведете линию к центру храма I, она точно укажет азимут^[2] захода солнца 13 августа. Да, а перед нами храм III. Прямая между храмами I и III показывает равноденствие, а еще одна прямая — между храмами III и IV — восход солнца в первый день зимы. Что вы скажете об этом, дон Эрик!

Дон Эрик молчал, но Хулио поймал его скептический взгляд.

— Храм V — он находится там, позади, — расположен точно под прямым углом к храмам I и IV! — сверкнул он глазами.

— Ну и что? Найдутся и другие здания, расположенные между собой под прямым углом. Что в этом особенного? Хулио угрожающе подступил ко мне: — У вас есть с собой компас?

Я достал компас из кофра камеры, Хулио взял его в свои огромные ручищи и предложил мне взглянуть на положение красной стрелки, которая неизменно показывала на север.

— Вы можете найти пирамиду, которая сориентирована на север, юг, восток или запад? — спросил Хулио.

Я посмотрел по красной стрелке на грани пирамиды.

— Нет, — сказал я.

Хулио высокомерно улыбнулся:

— Хорошо. Тогда давайте залезем на храм I!

Храм IV — крутая пирамида высотой 70 м

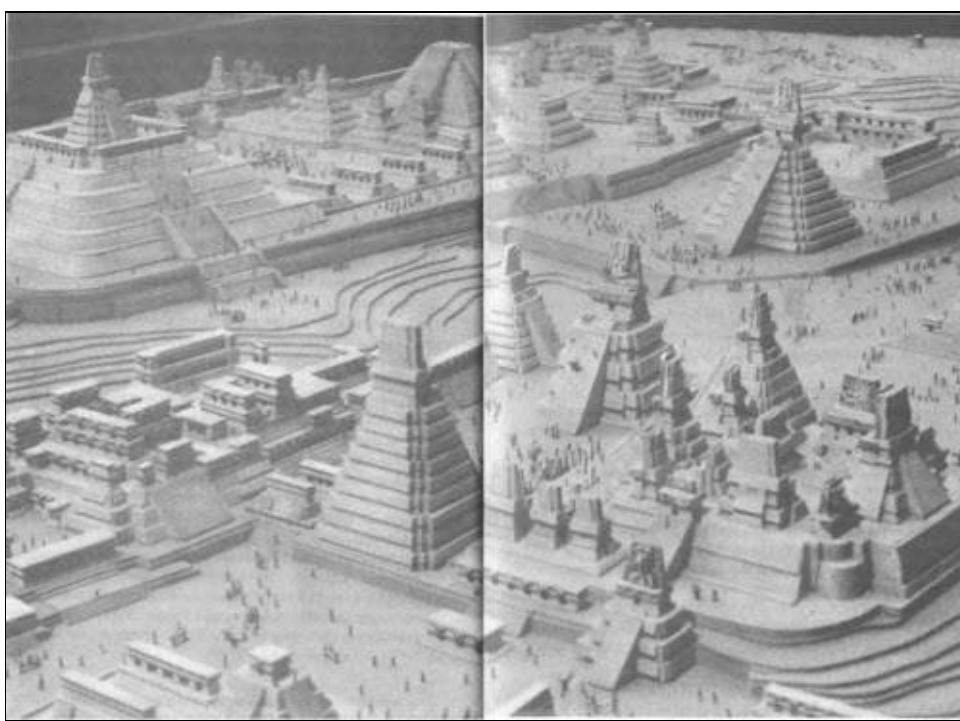
Мы взвалили камеры на плечи и послушно последовали за великаном. Хулио ловко взошел на нижнюю ступень храма; многие годы он часто взбирался вверх с компасом и измерительными приборами, для нас же подъем оказался отчаянным мероприятием. Ступени были высотой по колено и настолько круто расположены одна над другой, что мне вспомнились альпинисты на отвесных скалах наших гор в Швейцарии. Под нами лежала поросшая травой площадь, окруженная пирамидами и храмами. Пятеро ранних туристов, для перестраховки одетые в разноцветные дождевики, стали крошечными, как усердные муравьи, которым их ленивая матка дала задание сфотографировать все стелы — каменные шtukовины, прежнее назначение которых является спорным.

Запыхавшись, мы поднялись на самую высокую платформу пирамиды, которую археологи называют храмом I.

Воздух как в парнике и издает магическое звонкое жужжание, вокруг нас носятся москиты. Пятеро туристов задирают головы и смотрят вверх, на нас. Один крикнул по-английски:

— Как там наверху?

— Дурацкий вопрос, — пробормотал Ральф и крикнул в ответ: — Почти как на вершине Маттерхорн! — Он держался за прочную стальную цепь, на всякий случай прикрепленную к каменным руинам. — Тот, кто полетит отсюда кувырком, уже не встанет, правда, дон Хулио?

Эту реконструкцию древнего Тикаля я сфотографировал в Антропологическом музее Гватемала-сити

— Переломы срастаются, — равнодушно ответил Хулио. — Хуже свалиться с 70метрового храма IV. В прошлом году двое туристов и местный гид разбились насмерть.

— На Маттерхорне каждый год погибают четверо альпинистов, — привел Ральф отечественные данные.

— С кроссовками на ногах! — добавил я, потому что как раз думал о том, насколько легче было бы карабкаться в кроссовках.

Слово взял Хулио:

— Дон Эрик, посмотрите сюда, на храм V! Он находится под прямым углом к храму I или IV?

Храмы I, III и IV расположены между собой под прямым углом

Мы стояли на храме I. Я взглянул на лестницы и боковые стены, посмотрел прямо на храм

V, потом на более удаленный храм IV. Компас подтверждал то, что я и так видел: храмы IV, I и V образовывали прямоугольный треугольник. Что могло здесь волновать? Почему их не могли случайно построить под прямым углом между собой? Так я и сказал.

— Не в этом дело, — разъяснил мне Хулио. — Вы установили, что ни один храм не сориентирован по странам света, и как раз согласились с тем, что храмами IV, I и V обозначен прямоугольный треугольник. В каком направлении отклоняются стороны V и I от оси север — юг?

Улыбаясь, Хулио протянул мне мой компас. Я сориентировал его на храм V.

— Примерно от 15 до 17° к северо-востоку, — нерешительно снял я показания, — но может быть, мой старый компас не совсем точен...

— Ровно 17°! — возликовал Хулио Чавес, горный инженер, которому это было точно известно. — Я говорю вам: здесь нет ничего случайного!

Я ничего не понял. Что это за ерунда с 17° отклонения к северо-востоку?

— Дон Эрик! — Хулио говорил спокойно и многозначительно. Я внимательно посмотрел на него, подняв голову кверху. — Тула. Чичен-Ица. Майяпан. Теотиуакан... Это лишь несколько городов майя, указанных в любом путеводителе. Везде оси зданий отклоняются в северо-восточном направлении на 17°. Вы считаете, это случайно?

После такого поразительного заявления Хулио сделал паузу, которая восхитила бы самого требовательного режиссера. Я смутно понимал, насколько это сообщение значительно. Хулио хотел доказать, что все церемониальные центры Месоамерики ^[3] созданы по единому плану, в котором была задана единая ориентация его сооружений. Города, названные Хулио в качестве примера, были построены в разное время, однако их застройщики и архитекторы придерживались таинственных общих преданий. Странно.

Утреннее солнце прощается с вершиной храма I

Единственным установленным фактом может считаться то, что храмы и пирамиды были построены вовсе не в качестве фона для фотографирующихся туристов XX в. Все остальное —

предположения или умозрительные рассуждения.

С самого начала храмы и пирамиды находились там, где сегодня располагаются их развалины. Несомненно, проектировщики Тикаля при выборе строительной площадки о чем-то думали, когда — не случайно! — корчевали девственный лес именно здесь. Ведь изначально каждый застройщик принимает решение о том, где будет располагаться стройплощадка. Последующие инвестиции должны достичь цели.

Вероятно, Тикаль был стройплощадкой особого рода. Раскопки подтверждают, что некоторые «новостройки» были возведены на более старых фундаментах, дорогостоящая земля на протяжении веков застраивалась не раз — как это постоянно происходит на Манхэттене: сносят небоскребы, на том же месте строят новые. Почему? Сердце Манхэттена незыблемо привязано к квадратам плана.

По неизвестным причинам центр города Тикаль зафиксирован, так сказать, в кадастровой книге, исключением являются лишь пирамиды — они возведены на девственной земле, т. е. находятся тут с самого начала и пережили гибель цветущей столицы майя.

Пирамиды имели особое значение. Какое? До сих пор нет единого убедительного мнения о собственно цели этих каменных изваяний.

Служили ли они обсерваториями? Но тогда почему их столько нагромождено в одном месте?

Были ли это гробницы? То тут, то там находят склепы *внутри* пирамид, однако роскошные надмогильные памятники — даже для императоров и жрецов — можно было бы возвести с меньшими затратами. И самое главное: если они служили вместилищами для гробниц, то тогда следовало бы ожидать, что во всех пирамидах будут обнаружены склепы, а это не соответствует действительности.

Может быть, они принадлежали школам различных философских направлений? Маловероятно или исключено. Где должны были бы учить преподаватели, а студенты учиться? На вершине пирамиды место нашлось бы лишь для немногих.

Не были ли сплошные массивные каменные башни местами жертвоприношений, где жрецы в ужасном ритуале извлекали из тел рабов сердца и преподносили богам Солнца? Когда возникли пирамиды Тикаля, еще не было человеческих жертвоприношений, есть документальное подтверждение, что подобное явление возникло значительно позже. Кроме того, если уж на то пошло, для жертвоприношений не требуется столько жертвенников, сколько сосредоточено пирамид в Тикале. Археологи университета Пенсильвании, США, в одной только центральной зоне зафиксировали более 60 развалин пирамид, причем все пирамиды разной величины, вплоть до 70-метровой храмовой пирамиды.

Были ли пирамиды мемориалами династий правителей? Выражали ли своими размерами влияние и мощь династий? Такое предположение не лишено смысла. В Тикале были найдены стелы правителей. Если они позволяли себе роскошь строительства пирамиды, то, будучи одновременно царями и жрецами, должны были, располагая глубокими знаниями в области математики, астрономии и архитектуры, придерживаться неких передаваемых из поколения в поколение — а может, навязанных? — планов. Астрономическая ориентация «резиденций правителей» уже всерьез не оспаривается.

Вопрос вопросов: погребены ли *под* пирамидами древние, настоящие боги? Вместе с их вооружением, восхищавшим аборигенов, и таинственными техническими приборами? Похоронены ли в так называемых могилах жрецов исключительно стражи и защитники богов? Те существа, которые привели сюда народ и дали ему знания? Требовали ли боги возведения массивных, крепких, что называется «на века» каменных «крепостей» как указателей для будущих поколений?

Такие умозрительные рассуждения должны быть подтверждены или опровергнуты. Однако до сих пор ни под одной пирамидой не проложена штольня к ее центру! Штольни же должны уходить под землю настолько, насколько пирамида возвышается над землей.

В музее города Лейден в Голландии хранится нефритовая пластинка, называемая в литературе «лейденской пластиной». Она относится к древнейшим находкам в Тикале. На ней высечены 15 глифов майя. После нечитабельного имени сказано: «...здесь спустился этот властелин небесной династии Тика-ля». Небесной династии? Какой правитель спустился? Вопросы, остающиеся без ответа, но позволяющие сделать выводы.

Должно быть, Тикаль был стройплощадкой особого рода

Гробницы? Обсерватории? Резиденции правителей? Места жертвоприношений?

Строители Тикаля владели письменностью, имели совершенный календарь. Все известные нам народы развивались медленно, постепенно обретали свои знания и умения, умножая и совершенствуя их. Людям никогда ничего не сваливалось с небес. Или все-таки сваливалось?

Тикаль был священным местом с постройками в определенных местах. Все, что было построено, оберегалось, в случае необходимости расширялось, и об этих строениях никогда не забывали. Должно быть, Тикаль был тем самым центром, который сегодня мы назвали бы местом паломничества. Город разрастался. Появлялись новые площади, новые храмы, с еще более пышно украшенными святынями. Но в какую бы эпоху ни происходило строительство — положение и ориентация сооружений были подчинены астрономическому закону, все и вся было подчинено данным, полученным по небесным светилам. Это мы знаем, и больше не знаем ничего.

Я разделяю восхищение специалистов, преклоняющихся перед выдающимися достижениями наших предков. Разумеется, у майя были замечательные зодчие и несравненные художники-ремесленники. Разумеется, они способны были без посторонней помощи возвести свои устремленные к небу сооружения. Если согласиться со всем этим, остается вопрос КАК?

который возникает после вопроса ОТКУДА? взяли все эти способности. Ответы на них стыдливо положили в долгий ящик.

«В том, что известно, пользы нет, Одно неведомое нужно...» — писал Гете в «Фаусте». Возможно, речь шла о Тикале.

Во всем мире футбольные поля имеют размеры 105 x 70 м. Размеры Большой площади между храмами I и II — 120 x 75 м. С юга к площади примыкает главный акрополь, занимающий в два раза большую (!) площадь. Комплекс из 42 зданий скомпонован вокруг шести дворов, которые расположены на уровнях разной высоты. Десятки зданий с подвалами соединены между собой лестницами и каменными дверями — лабиринт, в котором легко заблудиться.

Никто не может определенно сказать, что происходило прежде в этом огромном комплексе зданий. Возможно, это были жилища жрецов, административные учреждения или далее амбары для «священных запасов». От фантастического хитросплетения переходящих друг в друга помещений акрополя у толкователей Тикаля, видимо, затмевается разум и отнимается речь. Если бы комплекс располагался на одном уровне, можно было бы согласиться с предположением, что дома-соты из комнат, залов и коридоров расширялись по мере необходимости. Однако лабиринт сооружений расположен на шести уровнях-площадках разной высоты, которые созданы человеческими руками. Это требовало организации. Это требовало инструментов. В конце концов, это требовало осмысленной цели, а следовательно, проектирования. Люди каменного века справились с этим.

— Люди каменного века! — задумавшись, произнес я вслух так, что услышал Хулио. Какое-то мгновение он озадаченно смотрел на меня, а потом беззвучно рассмеялся. Он не мог совладать с собой. Он сложил рупором свои загорелые руки с продубленной кожей и крикнул в сторону акрополя: «Люди ка-мен-но-го ве-ка! Аю-ди ка-мен-но-го ве-ка!» Затем раздался дребезжащий хохот великана. Пирамиды и пустые помещения акрополя отзывались эхом. Хулио показалось забавным, как взрывы его хохота отражались раскатами исходных гласных.

— Дон Эрик! — улыбнулся он мне, с наслаждением прислушиваясь. — Так смеются сами боги!

Наука определила для людей каменного века доминирующую характеристику: они не знали металлов. Все, что они создали, — сооружения, стелы с филигранной отделкой, скульптурные рельефы — было сделано без применения металлических инструментов. Считается, что они работали заточенными костями, топорами из базальта, диорита или обсидиана ^[4] (его называют также вулканическим стеклом, это самая твердая горная порода).

— Вы же не верите в эти глупости, дон Эрик! — Хулио с насмешкой посмотрел на меня.
— Почему же нет? До сих пор в Тикале не были найдены ни металлические изделия, ни какие-либо развалины, которые можно было бы принять за установки для их обработки?

— Что это доказывает? Когда начались раскопки, остатки Тикаля находились под землей уже свыше 1000 лет, на них выросли леса, над ними лили тропические ливни. В этой местности даже наши якобы нержавеющие стальные ножи превращаются в труху при жизни одного поколения. Какие металлы, кроме благородных, которые слишком мягки, чтобы ими можно было обрабатывать камень, сохранились бы по прошествии тысячелетий?

— Подумайте не только о Тикале. До сих пор ни в одном поселении майя не нашли металла...

42 здания сгруппированы на разной высоте вокруг шести дворов

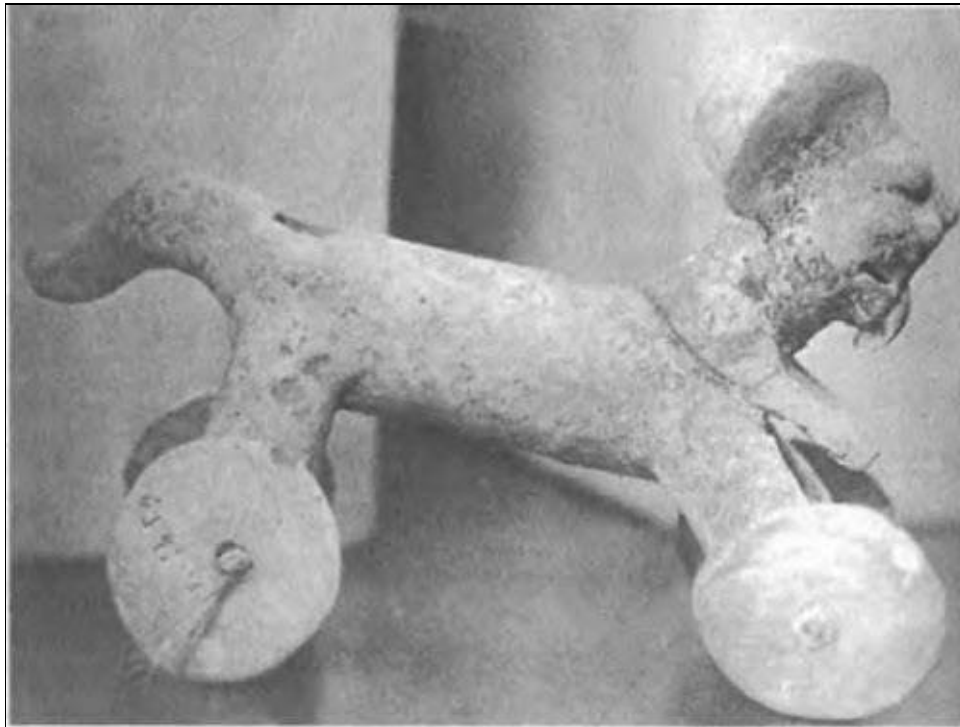
Хулио сел на ступень лестницы, я протянул ему сигареты, он взял одну, но не заметил протянутой мной зажигалки.

— Много лет я думал об этом, и вот к какому выводу пришел: должно быть, металл был для майя священным! Может быть, они почитали его как подарок богов жрецам и ученым, оберегали и даже прятали. Жрецам было известно — от богов, — что из металла можно было много чего изготовить, например кинжалы, мечи, щиты и другие орудия убийства. Они также знали, что народ был угнетен, его понуждали работать на стройках. Такая жизнь под постоянным гнетом могла привести к восстанию, к революции, поэтому мудрые жрецы не допускали, чтобы металл попал в руки угнетенных. И тем не менее я утверждаю, что у многих майя металл был! Разве тонкие работы каменотесов это не подтверждают? Разве можно было все это сделать камнем по камню или заточенными костями? Дон Эрик, были найдены прекрасные, высеченные из горного хрусталя головы. По всей видимости, они были обработаны с помощью металла. И изящные колесики тоже!

— Колесики? — перебил я и воспользовался паузой, чтобы дать Хулио прикурить сигарету. — Я много раз читал, что майя не знали колеса!

Хулио затянулся и сказал, выдыхая дым:

— Тогда сходите в Музей доколумбового искусства в городе Оаксака. Там вы увидите колесики из горного хрусталя. А в антропологических музеях Мехико и Халапа в витринах стоят детские игрушки на колесах! Что-то вроде собаки, которая тащит тележку... Все найдено в жилищах майя.

Детская игрушка майя, найденная в долине Халапа, — здесь не только знали о колесах, но и использовали их

Совершенное произведение искусства «людей каменного века»

Тончайшая гравировка сделана без применения металлических инструментов?

Хулио дополнил и подтвердил мои знания. В городе Копан в Гондурасе я сфотографировал зубчатые колеса как доказательство существовавшей некогда технологии. К сожалению, в Копане зубчатые колеса ютятся в углу большой площади. В объектив моей камеры попали также каменные колеса, явно имеющие ступицу. Незадолго перед тем я прочитал, что хотя индейцам майя колесо и было известно, но они им не пользовались. Это было бы вполне убедительно, если бы не было дорог...

Из Тикаля через девственный лес ведут пять дорог, имеющие прочное основание. Эти дороги со светлым покрытием в специальной литературе называют путями процессий или церемониальными дорогами. Удивительно, какие только спасательные круги не кидает археология, чтобы сохранить жизнь обреченным теориям!

Зубчатые колеса майя — снимки сделаны в городе Копан!

С помощью аэрофотоснимков давно доказано, что города майя были соединены между собой сетью дорог. В городе Коба на севере современного штата Кинтана Роо начинались или заканчивались 16 (!) дорог. Плавной дугой дорога проходит мимо города Коба в Яксуна, небольшое селение недалеко от наиболее значительных развалин Чичен-Ица. На аэрофотоснимках видны светлые полосы в темно-зеленой растительности тропических лесов; можно предположить, что 100-километровая дорога Коба — Яксуна проходила через Чичен-Ица и тянулась до Майяпана и Уксмаля. Это было что-то вроде 300-километрового шоссе! Если верить снимкам, эту дорогу превосходила дорога от Джибильчаль-туна под Меридой, столицей Юкатана, до восточного побережья Карибского моря у острова Косумель.

Кажется, что дорожные строители работали по единому заказу: все дороги вымощены дробленой скальной породой, на которую нанесено светлое, устойчивое к атмосферным воздействиям покрытие. Участок Коба — Яксуна имеет ширину 10 м и вполне подошел бы для церемониальной дороги — там могли бы маршировать в ряд 15 человек.

Стокилометровая дорога разделена на семь прямых, словно по линейке проведенных, участков, самый длинный из которых составляет 36 км; в конце каждого отрезка дорога немного поворачивает.

Исследователи считают, что майя не знали компаса. Но как они отмечали трассы? Какими геодезическими средствами располагали?

Ориентировали ли они трассу по сигнальным кострам или столбам дыма? Местность здесь ровная, как дно сковородки, к тому же поросшая густым девственным лесом; гор, с которых можно было бы подавать знаки, не имеется. Костры, полыхающие в темно-зеленой чаще, пожалуй, были бы видны на пару километров. Во время дискуссии один из участников сказал, что речь идет о легко решаемой проблеме: люди по прямой линии протягивали канаты и обозначали участки кольями.

Все подобные варианты решений предполагают, что в девственном лесу уже прорублены просеки! Лишь тогда можно расставлять знаки, видеть сигнальные костры и протягивать канаты. Но для этого заранее нужно было поставить четкие цели и определить точные направления к ним.

Колеса! Колеса! Фотография сделана в Антропологическом музее в Мехико

Чтобы дополнить список попыток нелепых объяснений, следует упомянуть и об аргументе, что майя якобы ориентировали дороги по звездам. Однако звезды светят лишь ночью, меняют свое местоположение и в такой влажной тропической местности две трети года вообще не видны. Их нельзя даже наблюдать, не говоря уже о том, чтобы производить по ним дорожную геодезическую съемку.

Для моих критиков-буквоедов я вношу поправку: в ровном дне сковородки то тут, то там есть небольшие ложбины — возле ручьев или болот имеются небольшие просадки грунта. Майя их сровняли, построили в нужных местах сводчатые мосты и подняли участки дороги на высоту до 5 м. Церемониальные дороги не требовали бы таких затрат: паломники безропотно шли бы и через ложбины. Однако дорогу выровняли и спланировали!

Когда нас сегодня в длительной поездке останавливают возле стройплощадок, мы имеем возможность наблюдать огромные катки, которые утрамбовывают основание.

На участке Коба — Яксуна вблизи города Экаль найден разбитый на две части пятитонный каток! Каток четырехметровой длины в центре не имеет втулки, для корректности его можно сравнить с массивным валом. Абсолютная бессмыслица! Люди каменного века отломали от скалы неотесанную глыбу и высекли из нее четырехметровый вал, а колесо — оно им было известно — не использовали!

Зачем, собственно говоря, майя выравнивали дороги, если по ним не ездили колесные повозки? Зачем в болотистой местности они создавали для дорог настолько мощные фундаменты, что они не провалились до сих пор? Если по столь мастерски построенным дорогам не двигались транспортные средства на колесах, то на чем по ним ездили? На салазках с деревянными полозьями? Они оставили бы канавки в покрытии. Или они скользили по ним на

своеобразных парусниках пустыни? Едва ли, потому что им тоже потребовались бы полозья либо колеса. Или же по дорогам гоняли вьючных и упряжных животных, ездили на них верхом? Согласно теории таких животных майя не знали. Они что, взлетели и полетели? Но для этого им не нужны были бы никакие дороги. Или я не заметил полезного применения дорожной сети? Неужели я — как и все археологи — упустил что-то из виду?

Колеса! Колеса! Колеса! Фотография сделана на «кладбище подвижного состава» в Копане. Колеса со ступицами!

Мы сидели на верху пирамиды. Солнце палило нещадно, обжигая незакрытые тканью части тела, несмотря на масло для защиты от солнечных ожогов, которое спасало меня на леднике. На Большой площади толпились группы туристов, от объективов камер отражался солнечный свет, видимо, снимки будут неудачными.

С появлением туристов Тикаль оживает

— Как вы думаете, Хулио, зачем майя строили дороги?

Почти возмущенно, так, словно вопрос уже нарушил табу, гватемалец Хулио Чавес ответил:

— Для богов!

— Во славу какой-то религии?..

— Для богов! — упорствовал Хулио. — У них были транспортные средства! Они показали правителям майя, как строить дороги, и всемогущие правители согнали толпы рабов, чтобы осуществить планы.

— Но никто нигде не нашел остатков транспортных средств богов, нет даже их изображений!

— Мы зачастую совсем не знаем, что изображено на рельефах. В Паленке, на крышке саркофага, вполне может быть изображено транспортное средство богов. Знаете глифы с богом, от которого исходит дым, он тоже сидит в не соответствующем времени экипаже. Из того факта, что в сохранившихся произведениях искусства майя не показано ни одного колеса, я могу лишь заключить, что колесо было священным объектом.

— Дороги появились в разное время, а боги были здесь, пожалуй, лишь в начале эпохи майя, а возможно даже и раньше, у их предшественников.

Несколько туристов, с трудом переводя дух, взобрались на пирамиду — они карабкались вверх по железной цепи. Хулио не потерял нить беседы:

— Ладно, дон Эрик, пусть боги присутствовали здесь только в самом начале, пусть они исчезли или похоронены под пирамидами. Достаточно уже того, что они заставили приступить к строительству лишь одной дороги. Майя более поздних эпох следовали этому примеру и

строили дорогу за дорогой — в память о богах, в возвращении которых они были убеждены. Они готовились к этому дню X: строили дороги, пирамиды и храмы.

среди тропических лесов возвышаются гордые сооружения

Хулио убеждал меня со страстью Абрахама а Санта-Клара, самого красноречивого проповедника эпохи барокко. Мне вспомнились линии на перуанском плато Наска, где индейцы, как я полагаю, на случай возвращения богов, нарисовали на земле знаки, видимые только с большой высоты.

На вершине нашей пирамиды стало тесно. Нас окружали люди, приехавшие со всех концов земли. Американцы, еще больше японцев, европейцы. Экскурсии в центры культуры майя проводятся много лет. В свое время я сопровождал в Месо- или Южную Америку туристические группы, и мне известно, как быстро они комплектуются желающими.

Мы выбрались из толпы, спустились вниз и вновь поехали на «датсуне» по грунтовым дорогам. Все они названы именами знаменитых исследователей, посетивших Тикаль. Здесь есть дорога Модели, названная по имени Альфреда Перси-валя Модели, посетившего Тикаль в 1895 г., дороги Малера и Тоззера — их назвали в честь Теоберта Малера и Альфреда Марстона Тоззера, которые побывали здесь в начале XX в., дорога Мендеса — Модесто Мендес в 1848 г. проводил свои исследования в обширных развалинах Тикаля.

С коричневато-серых стел глядят головы богов

Зрительные впечатления были настолько сильны, что я забыл об ужасной жаре, царившей в машине. Хулио и Ральф сидели, обдуваемые ветерком, в открытом кузове грузовичка. Пирамиды-близнецы, у которых наверху не было храмовых надстроек, оказались сейчас перед остатками пирамид, раскопанные вершины которых виднелись из зеленеющего кустарника. В Тикале находится 151 стела, большинство на площади перед акрополем. На ступеньках здания обосновались лесные гиганты с огромными зелеными кронами, цветы буквально слепили своими красками. С коричневато-серых стел на нас глядели лица правителей и лики богов. Мы частенько останавливались, взбирались на горы камней — остатки зданий, павших жертвой времени. Нам казалось, что Тикаль не имеет границ, он приводил в замешательство своим внушающим благоговением величием. Кусок истории человечества, к которому можно прикоснуться.

Три дня спустя Хулио покинул «Джангл лодж». Он умолял меня непременно посетить финки Лас-Ильюзинес, Лос-Таррос и Бильбао; там, рассказал он, есть камни божественного происхождения, которым индейцы и сегодня поклоняются как камням богов, а еще есть камни такого веса, что их нельзя поместить ни в один музей, — они так и лежат на полях, не привлекая внимания. Причем у местных жителей мне следует спрашивать не про археологические находки, а про *piedras antiguas* — древние камни. Хулио описал маршрут к достопримечательностям, вызвавшим его восторг, и пометил их крестиками на карте; именно там он и советовал мне поспрашивать о камнях.

Фотографии, сделанные в поездке к «*piedras antiguas*»

Гватемальцы оказались вполне дружелюбными и услужливыми, иногда невольно смешными, но их сведения редко соответствовали действительности.

Мы отправились в путь через провинцию Эскуинтла мимо южных склонов Гватемальского нагорья к Тихому океану, арендовав для поездки «фольксваген-жук». Примерно за 50 км до океана нам следовало начать расспрашивать о *piedras antiguas*, как советовал Хулио.

В Санта-Лусия мы остановились возле общественной прачечной. Под обычной крышей девушки и женщины терли в тазах постельное белье, черпая воду из родника. Когда машина остановилась, мы повернулись к ним — к сожалению, хорошенькие девушки спрятали свои груди, а женщины постарше смущенно захихикали.

Общественная прачечная в Санта-Лусии

— Скажите, пожалуйста, как нам добраться до древних камней? Лас-Иллюзионес, Лос-Таррос, Бильбао?

Довольный смех, потом бурное обсуждение, а затем деревенские красотки показали направление — каждая свое.

— Дамы, — я мобилизовал весь свой швейцарский шарм, — мы могли бы сойтись на каком-то одном направлении?

Из кружка болтушек к нам вышла решительная брюнетка. Загорелая, в джинсах, вызывающе подчеркивавших пышные ягодицы, она стала, подбоченившись. Ей хотелось знать, откуда мы вообще явились. «Информацией тут делится не всякий», — подумалось мне.

— Из Европы, из небольшой мирной страны с множеством красивых гор и зеленых лугов, из Швейцарии! — ответил я.

Ну да, стала припоминать брюнетка, она знает такую страну; там, у побережья, недавно видели русские подводные лодки. Избыточная вежливость европейцев помогла мне не расхохотаться, я просто пояснил, что такие наблюдения были сделаны на шведском побережье, а моя родина не располагается у моря. На лице брюнетки, явно интересующейся политической жизнью в Европе, промелькнуло разочарование, но, собравшись с духом, она задала следующий вопрос: относится Швейцария к Западной или Восточной Германии? Мне снова пришлось разочаровать красавицу. Швейцария, пояснил я, независима, это древнейшая демократия в мире, и сразу, пока не последовало продолжения ток-шоу, задал все тот же вопрос: где находятся финки?

Брюнетка указала три направления:

— Здесь, там и еще в той стороне! — Что находится здесь?

— Бильбао. Поезжайте до деревенской площади, на перекрестке отправляйтесь на горку, а наверху — налево. Там спросите еще раз...

— А Лас-Иллюзионес и Лос-Таррос?

— По направлению к Масатенанго, в следующей деревне!

Это было уже кое-что. Раскланиваясь на прощанье, я скользнул взглядом по аппетитно наполненным джинсам и юным грудкам, снова свободно красовавшимся на солнце. В таком обществе можно было бы перетерпеть даже ночи в «Джангл лодж». Что по сравнению с этим москиты? Вполне можно научиться сосуществовать и с ними.

На поляне мы нашли «древние камни» Бильбао

В Бильбао, в сиянии солнца казавшемся вымершем, нам встретился тяжелый трактор. Мы спросили сеньора с усами, рядом с которым сидели два мальчика-индейца (при виде чужаков они судорожно схватились за свои большие мачете):

— Мы ищем *pedras antiguas*! Как нам их найти, скажите, пожалуйста!

После довольно долгой паузы, во время которой его темные глаза критически изучали нас и «фольксваген», он осведомился:

— Вы археологи? — По интонации можно было заключить, что с археологами у него был неудачный опыт общения.

— Нет, — объяснил я, — мы приехали из Швейцарии и хотим только сфотографировать древние камни. — При слове «Швейцария» его лицо посветлело:

— Так вы швейцарцы! Я знаю двух швейцарских инженеров-механиков. Это хорошие люди!

В душе я поблагодарил земляков и попытался понять, что же он на незнакомом диалекте приказал мальчишкам. Один из мальчиков спрыгнул с трактора и вскочил боком в нашу машину, не выпуская из рук мачете. На отличном школьном испанском мальчик направлял нас по узким полевым дорогам через плантации маиса и кофе, пока не скомандовал: «Здесь!» Он ловко выскочил из машины, чтобы своим мачете прорубить просеку в двухметровых зарослях маиса, длинные широкие листья которого хлестали нас по лицу, когда мы старались не отстать от проводника. Неожиданно он пропустил нас вперед. «Там!» — сказал он. Мы сделали несколько шагов и оказались на небольшой светлой поляне, служившей для *pedras antiguas* диаметром 3,5 x 4 м прекрасной зеленой рамой, которая контрастировала с коричневатым оттенком базальта.

Фотографию рельефа, изображенного на с. 46, я хотел бы предварить небольшим описанием. Центром мифологической сцены является большой мужчина, воздевший руки кверху; одной рукой он обхватил вещь наподобие колющего оружия, в другой держит округлый предмет, который может быть шаром, или черепом мертвеца, или плодом какао, или осиным гнездом. (Действительно, майя швыряли осиные гнезда как бомбы в ряды своих врагов. Интересно, как метатели сами защищались от опасных укусов?) Мужчина одет в облегающую

майку с короткими рукавами, его обхватывает широкий пояс, к которому в виде большой петли привязан трос, свисающий между длинных ног. Современное, как майка, выглядит и украшение из ленты с вышитым лицом, которая заканчивается бахромой. Штаны узкие, как джинсы, на ногах башмаки по щиколотку с довольно экстравагантными застежками. По левую руку от этого мужчины стоит босой человек в одной набедренной повязке; кажется, он протягивает что-то мужчине в центре, невежливо показывая куда-то вытянутым указательным пальцем. С правой стороны на этом каменном фоторепортаже босой, но облаченный в шлем индеец сидит на табуретке и жонглирует шарами или чем-то круглым — в общем, такими же предметами, что держит и одетый по-современному мужчина. Динамичную сцену обрамляют птицы, фигурки, лица и символические знаки. И нужно очень внимательно присмотреться, чтобы обнаружить овальный предмет, который находящийся в центре мужчина носит на правом запястье, — а это достойно внимания, поскольку на другом конце мира — в стране Аккад и в Вавилоне на Евфрате, — все боги были снабжены подобным странным реквизитом. Насколько глубоко камень сидит в земле? Есть ли рельеф и на невидимой стороне? Туда еще не добралось пытлиное племя археологов.

На деревенской площади в Санта-Лусия-Котсумальгуапа камень с такими же изображениями установлен на возвышении как памятник. Археологи считают, что здесь представлена сцена ритуального облачения перед игрой в мяч — массовым спортом майя. Такое толкование я подвергаю сомнению, основанному на здравом смысле: головное украшение главенствующей персоны мешает играть, свисающий канат препятствует бегу, тугой широкий пояс сжимает туловище, громоздкие башмаки не позволяют совершать необходимые в игре быстрые повороты; кроме того, нельзя представить себе игру в мяч, в которой применяются заостренные орудия. Кстати, точь-в-точь такие же предметы даны статуям богов в Туле, столице богов империи тольтеков.

Из земли, на которой мы стояли, в 1860 г. при работах по раскорчевке на свет были извлечены прекрасные стелы. Весть об этом дошла до австрийца доктора Хабеля, который в 1862 г. путешествовал по Мексике и посетил эту местность; он выполнил первые рисунки этих стел, которые во время пребывания в Берлине показал директору Имперского музея этнографии, доктору Адольфу Бастиану (1826–1905). В 1876 г.

Описанный мной рельеф

Бастриан посетил Санта-Лусия-Котсумальгуапу, купил у владельца финки найденные к тому моменту камни и закрепил за Берлинским музеем право на все будущие находки. Теперь в музее этнографии в Западном Берлине можно видеть восемь стел. По договору купли-продажи 1876 г. музей также имел право на каменный рельеф с поляны на маисовом поле, но ныне древности нельзя вывозить из страны. Страны Центральной Америки стали гордиться своей историей; если бы они еще защитили свое бесценное достояние от непогоды, вот тогда радость от обретенной самоидентичности народа не была бы омрачена.

Считают, что на стелах в Берлинском музее этнографии воспеты культовые сцены игры в мяч: богу Солнца победитель протягивает сердце. Что же это за бог Солнца, которому оказываются такие почести? Он изображен как облаченное в шлем, окруженное веером лучей существо, которое спускается с неба. Понятно, что краткого названия по каталогу — бог Солнца — недостаточно. Говоря на соответствующем духу времени языке, следует задаться вопросами: кого следует представлять себе под именем «бога Солнца»? Какой ранг он занимал в преданиях тех, кто изображал его на рельефе, а также почему бог Солнца мог требовать наивысшую жертву — сердце?

— Вы хотите купить камни? — спросил тракторист, когда мы привезли ему обратно мальчишку-индейца.

— Нет, спасибо! — сказал я. Тот, кто будет задержан на границе с древностями в багаже, окажется — вольно или невольно — нарушителем закона, поэтому нет никаких шансов доставить человека с маисового поля под Санта-Лусия-Кот-сумальгуапой в мой садик в Фельдбрунне под Солотурном. В 1876 г. у доктора Бастриана даже при санкционированной

государством перевозке возникли почти неразрешимые проблемы с перемещением многотонных стел. Только два вызванных из Германии инженера нашли способ доставить громадины по непроходимым дорогам в находящийся в 80 км отсюда порт Сан-Хосе: стелы с рельефом (он расположен лишь на одной стороне) распилили вдоль на две части, в задней части для снижения веса сделали выемку; плоские, но все еще тяжелые плиты закрепили на запряженных быками телегах; при погрузке одна стела сорвалась и утонула в акватории порта, где лежит до сих пор. В последующие дни я также наотрез отказывался от предложений «древних камней».

Брюнетка дала неверные сведения; по ее словам, финка Лас-Иллюзионес находилась в соседней деревне. Тракторист сказал, что ее можно найти сразу за городом, поэтому на деревенской площади нам пришлось спрашивать о прямом пути.

В тени — на ступенях церкви периода испанского колониального владычества — трое индейцев играли в карты. На вопрос о дороге один из них с лукавой ухмылкой подошел ко мне и предложил купить «древние камни». Ничто не могло соблазнить меня приобрести камни даже удобного формата. Без микроскопа и специальных знаний нельзя понять, что действительно является, а что только выглядит «древним». Местные жители наловчились придавать валунам древний вид. По-прежнему обладая склонностью к художественным ремеслам, они выцарапывают по образцам на камнях мифологические сцены, кладут их в раскаленную древесную золу, натирают сапожной ваксой и на пару дней оставляют под ливнем. Так — помимо маиса и кофе — здесь вырастают столь любимые торопливыми путешественниками «древние камни» для домашних коллекций.

Три примера изображений на стелах в Берлинском музее этнографии: боги

спускаются с небес!

На другой стороне дороги, под покрытым разноцветной листвой деревом мескито, плоды которого, похожие на плоды рожкового дерева, идут на корм скоту, сидел полицейский. Когда я направился к нему, чтобы получить, так сказать, официальную информацию, молодой человек в мундире встал и выудил из нагрудного кармана свисток, давая нам понять, что может свистом вызвать подкрепление. Знал ли он, где находится желанная для нас цель, по его бесстрастному лицу прочесть было нельзя; во всяком случае, он отправил нас к своему коллеге в участок; тот выслушал наш вопрос и молча проводил в соседнюю комнату к командиру. С приветливой решительностью шеф потребовал предъявить мой паспорт и критически рассмотрел каждую из четырех поставленных на границах печатей. Кем он меня посчитал? Охотником за антиквариатом? Его официальность растворилась в любезности, когда он, листая странички паспорта, обнаружил швейцарский крест. На непонятном диалекте он приказал юному застенчивому новобранцу проводить нас к финке Лас-Илльюзинес.

Мы ехали на полном ходу, когда полицейский неожиданно показал рукой, что цель достигнута. Я едва успел затормозить. Наш «фольксваген» стал у кованых ворот.

— Лас-Илльюзинес! — провозгласил тщедушный парень.

Выйдя из машины, я сразу наткнулся на точную копию каменной скульптуры, которую пять лет тому назад сфотографировал в Эль-Баул, в деревушке, расположенной в нескольких километрах от Санта-Лусия-Котсумальгуапа. В Эль-Бауле, как и здесь, был изображен сильный, как медведь, мужчина в боевом головном уборе, плотно охватывавшем голову, как шлем

водолаза; в «окошке» видно лицо; «шлем водолаза» соединен «шлангом» с «баллоном» на спине.

«Разумеется, — читаю я, — речь идет о победителе игры в мяч». Если «игрок в мяч» из Эль-Баул годами и десятилетиями дремал под дырявым деревянным навесом на задворках сахарного завода, то условия, в которых находилась копия, были не лучше: она скучала рядом с кучей хлама на автостоянке. Как бы там ни было, замечательный экземпляр из Эль-Баула занесен в археологический каталог как «монумент № 27», но я нигде не нашел указания, что у него есть брат-близнец. Или монумент № 27 перевезли сюда? (В тот же день в Эль-Бауле я провел расследование. Удалец стоит на старом месте, только защитный деревянный навес растворился в воздухе.)

Бесценное культурное наследие валяется на автостоянке

Мы открыли тяжелые ворота. Хрюкали свиньи, виляя хвостами, подошли две тощих собаки; я дал им орешков из взятых в поездку припасов. У ворот в дощатом заборе нес караул, жуя листья коки, морщинистый старик. Здесь, валяющаяся в беспорядке, открытая всем ветрам, погибает не имеющая себе равных коллекция древностей — огромные, великолепно сформированные головы с большими глазами, стелы, которые неожиданно напомнили мне про Сан-Августин в Южной Америке (по крайней мере на четырех рельефах видна рука одного художника). «Видимо, — мелькнуло у меня в голове, — когда-то произошло переселение индейцев с юга на север, из Южной Америки в Центральную». Невозможно понять гватемальских археологов: они позволяют древним сокровищам погибать без защиты.

Здесь археологические ценности подвергаются воздействию непогоды

Молодому полицейскому было поручено проводить нас на следующий день к финке Лос-Таррос, но наш провожатый тоже не знал дороги. Когда он спросил работавших на плантации индейцев, видно было, что они отвечали с явной неохотой и далее умышленно направили по ложному пути. После ливня, хлынувшего как из ведра, солнце снова быстро появилось на небе. Воздух был настолько влажен, что казалось, его нельзя втянуть ноздрями, к тому же он был липкий и имел запах гнили. В поездке нас сопровождали москиты; если через оконную щель удавалось прогнать одного, вместо него с жужжанием залетали два-три его товарища и набрасывались в тесном пространстве на беспомощные жертвы. В полдень мы отдыхали в тени деревьев. Откуда-то слышались невнятные голоса, бормотание. Мы взяли с собой камеры, пошли на шум и вскарабкались на холм, пролезая сквозь густые кусты. На прогалине мы увидели четырех мужчин, трех женщин и двух мальчиков, очевидно, индейскую семью. Они полукругом неподвижно сидели перед каменным лицом, на метр возвышавшимся над землей; на небольших каменных плитах горели свечи, как на христианских алтарях, со лба выразительной скульптуры воск капал на брови. Небольшая община, погруженная в себя вокруг своего бога, внушала почтение. Хотя мы и передвигались очень тихо, наше появление нарушило молитву. У индейцев были настолько испуганные взгляды, словно их застали за чем-то запретным. Мы молча стали в круг, словно пришли, чтобы поклониться их каменному богу.

Лицо, на которое были устремлены взгляды индейцев, выглядело приветливым, на нем было радостное выражение, редкое среди ему подобных; над большим крючковатым носом смеялись овальные глаза, и казалось, даже рот улыбается; в центре налобной повязки было высечено личико. «Наконец хоть один смеющийся бог», — подумал я. Индейцы молча

наблюдали за нами. Они собрали амулеты, которые разложили перед скульптурой, и спрятали их в коричневый джутовый мешок.

— Камень изображает бога? — спросил я старшего индейца, который, бесспорно, был главой семьи, т. е. единственно-го кто имел право отвечать.

— Да, сеньор, — произнес он едва слышно.

— Какой это бог?

Ответа я не понял, он состоял из длинного имени на одном из индейских наречий. Я переспросил. Ответ прозвучал на испанском:

— Бог счастья.

— Изваяние стоит здесь давно?

— Целую вечность, — сказал индеец, — бог помог нашим предкам, и сегодня он помогает нам.

Наконец некто из иного мира со смеющимся лицом: бог счастья

Семейство старалось исчезнуть незаметно, возможно, индейцы опасались, что я сообщу деревенскому священнику, что они совершали «языческие» обряды. Услышав, что я приехал из далекой страны и сегодня же уеду, они успокоились, уже непринужденно вынули из мешка амулеты, зажгли новые свечи и положили на камень смолу, издававшую своеобразный сладкий запах. Когда группа снова погрузилась в молитву, мы бесшумно удалились.

Молодой полицейский был смущен. Проведя детство и юность в Санта-Лусия-Котсумальгуапе, он пребывал в неведении, что его земляки все еще просили древних богов о счастье и благословении. Мы вознаградили нашего робкого полицейского, который наконец стал вести себя естественно и не скрывал радости по поводу неожиданного вознаграждения. Поздно вечером, утомленные многочисленными впечатлениями, мы вернулись в Гватемаласити.

В ячейке моего номера в отеле «Эльдорадо» я нашел записку с просьбой позвонить в университет профессору Диего Молину. Портье объяснил, что речь идет о лучшем фотографе

Гватемалы, который в университете передает секреты своего искусства студентам.

Часом позже профессор, сухопарый высокий 30-летний мужчина, заехал за нами. В уголке его рта свисала *гав-а-тампа*, сигара, которую, обычно погасшую, он в любой ситуации любил держать во рту. По пути в студию Молина рассказал, что он полтора года провел в Тикале, стараясь снять столицу майя при различном освещении в разные времена года. То, что он нам показал, было потрясающе. Молина работал для немецкого журнала «Geo» и американского «National Geographic». Более захватывающих фотографий Тикаля на свете не существует.

Молина спросил, нельзя ли сделать со мной, как он выразился, слегка «постановочный» снимок. Почему же нет? Он посадил меня на вращающийся стул. Целая батарея прожекторов ослепила меня. Послушно следуя указаниям мастера, я принял крайне неудобную позу, и тут из-за обычного в городе временного отключения электричества нас окружила тьма. После яркого света я смог ориентироваться в могильном мраке только по красному огоньку *гав-а-тампы*. Пока мы выкурили по сигаре, лампы загорелись вновь.

Диего Молина присел на барный табурет позади большой камеры, и тот под ним сломался. Мы рассмеялись. Сидя на втором табурете, Молина скомпоновал кадр. Щелкнула камера, и под потолком студии взорвался прожектор, осколки пролетели над моей головой. В растерянности я пробежал глазами по остальным источникам света, но Молина заверил, что такое случается очень редко и сегодня бояться уже нечего.

Едва его успокаивающие слова достигли моей испуганной души, как из трансформатора, проглатывавшего кабели как спагетти, повалил дым. Раздалось шипение, затем трансформатор глухо громыхнул и испустил дух. Мы снова сидели в темноте. Диего Молина, мастер импровизации, вытащил откуда-то аккумулятор, заменил предохранители, переключил провода, неподвижно держа тонкую сигару в левом уголке рта, в то время как правой стороной давал пояснения своим действиям. Молина оценивающе осмотрел меня, затем, чтобы занять мои руки, сунул мне древнюю фигурку. В конце сеанса она выскользнула у меня из рук и разбилась об пол.

После этой «фотосессии» мне стало совершенно ясно, что профессия фотомодели: а) очень утомительна, б) опасна и в) создана не для меня. Мне неясно, поступит ли вовремя до печати этой книги фотосерия «Тикаль». Диего Молина обещал ее мне. *Manana?*^[5]

Ноктюрн — будучи швейцарцем, я, очевидно, не гожусь для «постановочного» снимка

Собственно говоря, мы вообще не собирались в столицу Гондураса Тегусигальпу. Нашей целью был Копан, а он расположен ближе к Гватемала-сити, чем к Тегусигальпе. Однако нам посоветовали добираться туда окольным путем по воздуху, поскольку участок Гватемала-сити — Копан пролегает по девственному лесу и его крайне трудно преодолеть даже на машине повышенной проходимости. Итак, мы полетели в Тегусигальпу самолетом гондурасской авиакомпании «Саса».

Иногда небольшая забава служит вознаграждением за опрометчивый по сути кружной маршрут. Такое удовольствие мы получили в отеле «Гондурас майя», на первом этаже которого процветает казино. Мы с Ральфом наведались туда.

Наше внимание привлекли два игрока у рулеточного стола. Справа от крупье толстый негр, охваченный дикой игорной страстью, потел так сильно, что пот с затылка капал ему прямо на пиджак, поскольку у великана не было шеи; от него исходило веселье победителя, и действительно, после каждой игры крупье придвигал к нему несколько высоких столбиков фишек. Напротив толстого негра, по другую сторону стола, стоял тощий небритый белый, который после каждой игры оскаливал свои желтые глазные зубы — единственные, что остались у него во рту. Эта пара работала в тандеме.

Едва колесо останавливалось, оба с проворством воров-карманников занимали *все поля* от 1 до 36, а также принятые в американской рулетке zero и дабл-zero, всего 38 чисел. По логике, они должны были выигрывать после каждой ставки — и все-таки проигрывали. Тридцать шестая фишка, выигрышный номер, оставался на столе, а zero и дабл-zero не давали ничего. Выигрыши выплачивались только 35 раз, но толстяк негр и тощий белый этого не учитывали. Когда шарик

начинал свой бег, они растопыривали два пальца в виде знака победы, который изобрел во время — будем надеяться, последней — войны Уинстон Черчилль. *Victory*.

Приземление в Копане

Крупье — безупречные, как представители этой профессии во всем мире, — с трудом сдерживались, но в глазах у них читалась издевка. Игроки, которые не умеют считать, для них чистое золото в прямом смысле слова: они небрежно смахивали со стола фишки, которые им давали постоянно выигрывавшие игроки.

Сэкономив нам два дня, которые мы потратили бы на поездку через первобытный лес, после часового полета пилот-индеец высадил нас из маленького самолетика на поросшей травой неровной взлетно-посадочной полосе аэродрома в Ко-пане — в таком же тропическом климате, что и в Тикале, расположенном в 270 км по прямой.

Испанский хронист Диего Гарсия де Паласио [1]^[6] писал в 1576 г. о Копане:

«...там расположены развалины прекрасных храмов, доказывающие, что некогда здесь стоял большой город, о котором нельзя предположить, что такие примитивные люди, как туземцы, когда-то были в состоянии его построить... Среди этих развалин... находятся в высшей степени замечательные вещи. Прежде чем попасть туда, натыкаешься на толстые стены и огромного каменного орла. На груди у орла квадрат, длина стороны которого больше четверти испанского локтя и на котором начертаны неизвестные письмена. Если подойти ближе, обнаружишь фигуру большого каменного великана; индейцы говорят, он был хранителем святилища...»

От «огромного каменного орла» совсем ничего не осталось. Копан, наиболее значительную достопримечательность Гондураса, специалисты называют «Александрией Нового Света». Сильванус Грисвольд Морли (1883–1948), знаменитый американский исследователь майя [2], говорил, что Копан — это город, в котором астрономия достигла своего высшего развития, и считал его центром науки майя.

Развалины, полностью заросшие лесом, были найдены в 1839 г. 100 лет спустя были начаты раскопки, и с тех пор здесь обнаружены 38 стел высотой в среднем 4 м и шириной 1,5 м, все с богатым резным рельефом.

Литература о находках обширна, но очень противоречива. Так, по мнению одних, на «стеле В» виден слоновий хобот, а по мнению других, на ней усматриваются стилизованные ара, обитающие в этой местности попугаи. Удивляют и стелы с бородатými лицами (на «стеле В» представлены сразу два таких), поскольку доказано, что мужчины этого народа никогда в прошлом не носили бород.

Центр Копана с его дворцами и пирамидами, храмами и террасами расположен выше, чем широко раскинувшийся город, и потому называется акрополем — верхним городом. Почти точно в центре верхнего города находится площадка для игры в мяч с игровым полем длиной 26 м и шириной 7 м.

По счастливой случайности муниципалитет выделил мне в качестве гида Тони; в разговоре выяснилось, что этот высокий щуплый экскурсовод — член AAS, у него при себе даже был членский билет. (AAS означает Ancient Astronaut Society — Общество древних астронавтов, основанное в 1973 г. в Чикаго и имеющее членов более чем в 50 странах.) Общество древних астронавтов — некоммерческая организация, поставившая себе целью найти косвенные доказательства, которые бы подкрепили теорию доисторического визита инопланетян.

Тони указывал нам на особенности, на которые обычно не обращают внимания туристов. Так, мы стояли перед стелами, имеющими поразительное сходство с лепниной в Ангкор-Ват, кхмерском храме в Камбодже. Тут археологи опускают очи долу. Но ведь не должно быть никакой связи между Копаном и Камбоджей! До чего мы дойдем, если смешаем так прекрасно рассортированный мир!

Тони показал нам высеченные в камне зубчатые колеса, алтари, украшенные глифами с датами, которые очень напоминают колесо с расположенной по центру ступицей, — странное устройство, удивительно напоминающее мотоцикл.

Абсолютной сенсацией явилась лестница с иероглифами, состоящая из 63 ступеней, которая прежде вела к ныне разрушенному храму. Ступени лестницы, ширина которой 10 м, украшены рельефами; группы сидящих людей чередуются с глифами дат и примерно с 2500 иероглифами — самой длинной из известных до сих пор надписей майя, большую часть которых еще только предстоит расшифровать.

Тони указал нам на особенности богато украшенных стел, на которые обычно не обращают внимания туристов

У подножия пирамиды со ступенями Тони обратил наше внимание на алтарный камень: на нем изображены 16 жрецов-астрономов в тюрбанах, которые сидят по-восточному и изучают 260-дневный ритуальный календарь.

В противоположность Тикалю город Копан расположен в протянувшейся на 13 км долине реки Мотагуа, прямо на реке Копан. Тем не менее и здесь майя заложили каналы и водохранилища! Открыть систему каналов, простирающуюся на несколько тысяч километров, удалось благодаря современной радиолокационной разведке.

Все знают, что майя прокладывали каналы, но никто не взял на себе труд проехать вдоль одного из каналов. Только в 1975 г. американским исследователям [3] пришла мысль использовать для исследований в Центральной Америке радар; они хотели узнать, есть ли под непроницаемым покровом тропических лесов другие города майя. Патрик Калберт и Ричард Э.У. Адаме, археологи университета штата Аризона, обратились за помощью в НАСА. В 1977 г. Аэрокосмическое агентство предоставило в их распоряжение специальный радар «Галилео II», сконструированный для изучения поверхности Венеры.

Лестница с иероглифами

«Галилео II» посылал радиолокационные волны не только прямо вниз, но и испускал сигналы и принимал их эхо до 75° справа от самолета. Исследователи совершили полет в октябре 1977 г., за два с половиной часа методом радарной картографии была обработана площадь свыше 20000 км^2 . В 1979 и 1980 г. также были осуществлены полеты, уже с усовершенствованной техникой.

Исследователи обнаружили то, что искали: нагромождения камней, скрытые площадки с развалинами; столь характерные точки соединялись «нежными», изобилующими изгибами линиями. В качестве побочного продукта этой операции была обнаружена сеть каналов.

Площадка для игры в мяч в Копане

Я могу лишь обозначить вопросы, которые напрашиваются. Кто давал задания на строительство? Кто создавал планы? Откуда взялись массы народа, которые одновременно строили дворцы, храмы, пирамиды, улицы и каналы, а также сельскохозяйственные рабочие, кормившие полчища народа? Тем, кто принимает это как данность, следовало бы по меньшей мере удивиться этим достижениям людей каменного века.

Мы летели назад в желтоватом вечернем свете. Сооружения и деревья отбрасывали чудовищно длинные тени, даже людям не удавалось избежать низкого прожектора заходящего солнца.

В огромной Мексике с ее площадью в 2 млн кв. км^[7] городок Ксочикалько — не больше булавочного укола на карте, но этот городок в Центральной Америке хранит уникальные вещи. Его не хватало в моей коллекции.

Уже поездка из Мехико на юг через леса пиний, поросшие колючим кустарником степи с многочисленными кактусами, фейерверками гибискуса и бугенвиллеи, мимо орхидей с ценами на любой вкус на обочине дороги, протянувшейся на 2800 км, была похожа на сон о великолепии нашего прекрасного мира. Об узкой субтропической долине Куэрнавака, по которой мы ехали, мексиканцы говорят, что здесь в любое время года — рай на земле: климат мягок, земля плодородна, а люди (по этой причине) приветливы и миролюбивы. Мы придерживались дорожных указателей, которые пиктограммами завлекали поглядеть на попутные достопримечательности: пещеры со сталактитами и сталагмитами в Какауамилпа, семь озер на лесистом горном склоне вблизи Семпоалы, ну а пиктограммы ступенчатых пирамид повторялись просто без конца.

На высоте 1500 м табличка с пирамидой указывает на Ксочикалько, городок, расположенный на горе у отрогов вулкана Ахуско. Строители срыли конусовидную вершину горы и спланировали ее для своих целей. Когда это случилось, неизвестно; существует лишь документальное подтверждение, что в IX в. здесь находилось наиболее значительное крепостное сооружение Месоамерики. Это, конечно, кое-что означает, но слишком мало, поскольку несколькими столетиями ранее здесь же возник астрономический центр с уникальной обсерваторией. Какое название Ксочикалько носил изначально? Кто это знает? В переводе с языка науа^[8] «Ксочикалько» означает «место дома цветов». Преимущество этого названия в том, что оно — в отличие от других, присвоенных произвольно, — соответствует действительности.

Чтобы понять это, достаточно оглядеться вокруг.

Монумент майя, смысл которого не определен до сих пор

До сих пор раскопана совершенно незначительная часть комплекса. Сегодня здесь доминируют главная пирамида *Ла-Малинче* и дворец, а также безукоризненно спланированная строителями площадка для игры в мяч (69 x 9 м), расположенная уровнем ниже. Все раскопанные на площади 1300 x 700 м сооружения ориентированы с севера на юг. Две пирамиды, стоящие друг против друга как зеркальное отражение, свидетельствуют о консультации астрономов: при равноденствии солнце светит точно над центрами пирамид.

Ла-Малинче стоит на почти квадратном основании (18,6 x 21 м); главная пирамида сориентирована по четырем странам света; с западной стороны на вершину монумента (16,6 м) ведет лестница шириной 9,6 м, состоящая из 14 ступеней. На наружных стенах нанесены рельефы, изображающие вроде бы восемь пернатых змеев. Однако, если присмотреться, они скорее похожи на летающих драконов, тела которых прижимаются к сооружению. (Головы чудовищ превосходно подошли бы к убранству Храма небесных правителей в Пекине!) На подобающем расстоянии между змеями-драконами расположились фигуры людей — они сидят со скрещенными ногами, на них надеты головные уборы. Вообще, фигуры разодеты и богато увешаны украшениями. Естественно (!), присутствуют многочисленные до сих пор не расшифрованные глифы. Рельефы вырезаны в плитах андезита, уложенных без раствора таким образом, что стыков почти не видно. Видимо, в былые времена пирамида сияла всеми цветами радуги, поскольку обнаружены остатки красок всей цветовой гаммы.

Впрочем, уникальность Ксочикалько заключается в подземных сооружениях. В скальной породе проложены шольни. У них в потолке имеются отверстия, направленные на созвездия. Такие подземные туннели образуют обсерваторию, которая, находясь под землей, имеет только один наблюдательный пункт. Странная обсерватория.

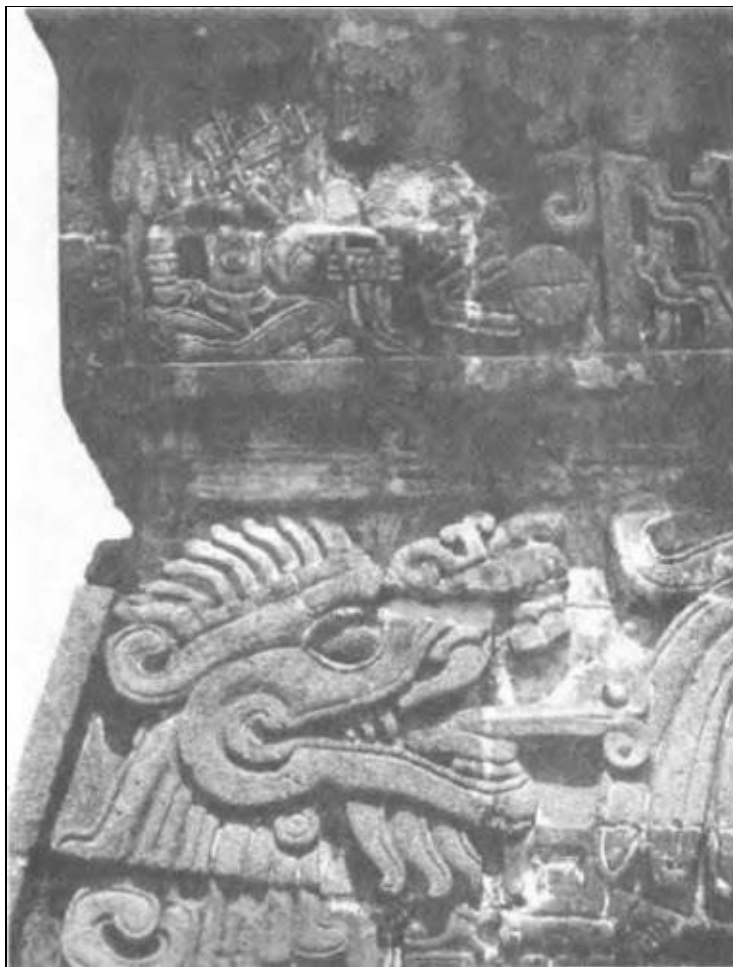
Ла-Малинче, главная пирамида

Создатели обсерватории проложили в горной породе на глубине 8,50 м штольню; ниже уровня штольни вырубил помещение с боковым выходом, чтобы потом снова закрыть его — за исключением маленькой шахты в центре. Эта шахта, стены которой образуют семиугольник, уходит вверх с небольшим наклоном. Когда в полдень 21 июня солнце стоит над шахтой, начинается зрелище, исполненное великого волшебства. Поскольку мне еще не довелось увидеть летнего солнцестояния в Ксочикалько, привожу его описание со слов мексиканского инженера Херардо Левета:

«В подземном скальном помещении совершенно темно, не считая размытого пятна света на полу. Около полудня в помещение входят индейцы с горящими свечками в руках и ставят посередине принесенные с собой амулеты и емкости с водой. Они ожидают божественный свет, который наполнит собой амулеты и воду. Солнце медленно поднимается, свет через шахту попадает в комнату. Это происходит ровно в 12.30. Сначала словно крадучись по стенам скользят лучи, потом световой поток становится все шире, пока полностью не заполняет шахту и не освещает комнату. Неожиданно из пола во все стороны вырываются каскады света, словно светящимися пальцами лазерного луча касаясь всего вокруг. Никто не может объяснить, как возникает этот эффект. Захватывающее зрелище длится около 20 минут. В течение этого времени помещение светится, как кристалл, на который упал свет. Индейцы молча смотрят вверх, на шахту. Как только свет иссякает, они берут амулеты и сосуды с водой, молча выносят их наружу. Но потом задорно смеются, танцуют и благодарят своего бога».

Что означает это магическое действо? Кто придумал эксцентричную игру солнечного света? Кто вычислил угол наклона шахты для попадания солнца 21 июня в 12.30? Кому потребовалось затратить огромные средства на строительство ради спектакля, о котором — в видоизмененной форме — майя знали и без того? Ведь они жили в темных помещениях с

маленькими окошками-бойницами, а потому и так наблюдали игру солнечного света. Вместо ответа приходится лишь строить предположения. Не была ли под глубокой штольней прежде спрятана божественная фигура, имевшая чудо-зеркало? Не сконструировали ли астрономы семиугольную шахту как указание на семь цветов спектра радуги? Не происходила ли здесь обработка материала, который был виден только в поляризованном свете? Или при раскопках был опрометчиво убран флуоресцирующий камень, которому древние приписывали чудесную силу?

Пернатые змеи? Летающие драконы?

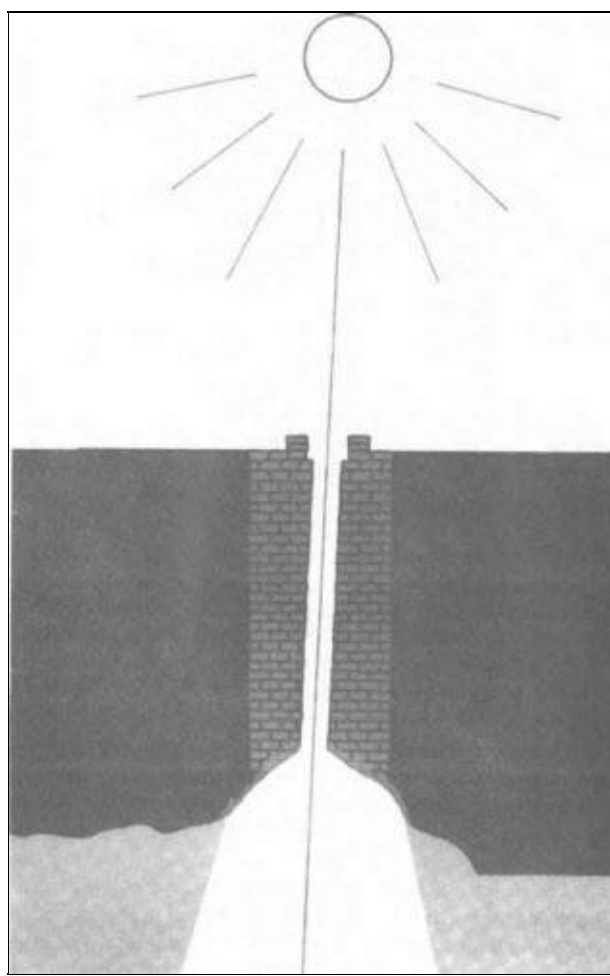
Джон Стивенс и Фредерик Кетервуд во втором томе своего знаменитого труда [4] сообщили о странном случае: они обнаружили рассказ испанского хрониста Франсиско Антонио де Фуэнтеса, написанный около 1700 г. — за 140 лет до Стивенса и Кетервуда. Фуэнтес описал свой визит в древний город майя Патианамит, столицу индейцев качикел:

«К западу от города находится холм, который возвышается над городом, а на холме находится небольшая круглая постройка высотой примерно 1,8 м. В центре этого здания стоит глыба из мерцающего вещества, похожего на стекло, однако действительные свойства этого материала неизвестны. Вокруг этой постройки сидят судьи и выносят свои приговоры, которые тут же приводятся в исполнение. Но прежде чем привести приговор в исполнение, необходимо было получить подтверждение оракула. С этой целью трое судей покидали свои места и отправлялись в долину. Там находилось место обращения к оракулу с черным прозрачным камнем, на поверхности которого появлялось божество и подтверждало приговор. Если на черном камне ничего не появлялось, осужденного немедленно отпускали на свободу. К

этому же камню обращались за советом, когда требовалось принять решение о войне или мире. Позднее о камне прослышал епископ Франсиско Маррокин и приказал разбить его на куски. Самый большой обломок служил алтарной плитой в церкви Тепкан Гватимала. Камень необыкновенной красоты, длина его 1,35 м».

Стены шахты образуют семиугольник

Когда Стивенс и Кетервуд во время одной из своих экспедиций по районам проживания майя посетили церковь Тепкан Гватимала, желая осмотреть камень оракула, он уже не покрывал алтарную плиту. Священник утверждал, что у него есть лишь кусок священного камня, которому поклонялись индейцы, и в конце концов вынул из недр какого-то мешка обломок обычного сланца!

Дал ли хронист волю фантазии, описывая камень оракула? А может быть, священник показал первый попавшийся камень, потому что боялся настоящего... или больше не имел его?

Принимая во внимание способности священников к инсценировкам, вполне можно предположить, что «чудо» появления света 21 июня является элементом их ритуалов. Однако это объяснение никак не проливает свет на особенности подземной обсерватории. Одно не подлежит сомнению: ее устройство было астрономическим шедевром.

Меня всегда интересовали *воладорес*, летающие индейцы, но никак не удавалось увидеть их в Эль-Тахине. В Акапулько мне предоставилась такая возможность, но там старинный ритуал превратился в туристический балаган. На этот раз подвернулась короткая поездка.

В 16 часов Ральф, немецкий журналист Хельмут и я в самолете авиакомпании «Мексикана» приземлились в Веракрусе — первом городе, построенном в 1519 г. испанцами, сегодня — важнейшем порту Мексики. После трехчасовой поездки на машине через цитрусовые и банановые плантации вдоль Карибского побережья нам пришлось искать место для ночлега.

Нам попался городок Теколутла. Здесь отмечали *фiesta мексикана*. По улицам шествовали оркестры, на всех площадях царили буйные и ритмичные танцы, как принято только в латиноамериканских странах. Толпы людей образовали непроходимую стену. Все хорошие отели были заняты, и нас приняли только во второразрядном отеле под названием «*Мар и сол*» — «*Море и солнце*», лучшие времена которого миновали. Комнаты были большие и чистые, и на том все закончилось. Ничего не работало. Влажная жара была невыносимой, и мы сбежали в

сад-ресторан.

К нам подсел симпатичный пожилой господин. Я поразился: на нем был даже галстук. Истинный джентльмен. Мы: разговорились, спросили, почему отель находится в таком жалком состоянии, ведь он явно знал и лучшие времена. Старик улыбнулся:

— Мне 64, и я настоящий мексиканец. Уверяю вас: в этой стране ничего не меняется, и неважно, кто нами правит. Это связано с нашим ощущением жизни и климатом. Мексика — удивительная страна, у нас есть нефть, золото, серебро, драгоценные камни и к тому же большие запасы урана. Мы богаты. У нас есть пустыни, леса и высокогорные массивы. Здесь вы найдете все — от палящего зноя до вечного льда. Одна беда: тут живет слишком много мексиканцев!

Господин подмигнул нам и обстоятельно занялся рюмкой текилы, водки из агавы, в которую он добавил шепотку соли и ломтик лимона. Мы пили хорошее, терпкое, очень дешевое местное вино.

— Почему так мало работающих приборов? Холодильник в нашем номере сломался не вчера, в нем уже завелись пауки. Не мы испортили лампу в ванной, и еще — я обошел полдюжины аптекарских магазинов, но так и не нашел зубной пасты. Господин поправил галстук и ухмыльнулся: —Я расскажу вам одну подлинную историю. Может быть, тогда вы лучше поймете наш менталитет. Поезд на перегоне Вильяэрмоса — Кампече всегда, каждый день приходит с опозданием, и никому это не мешает. Мексиканцы, белые и индейцы терпеливо сидят на перроне, они болтают, курят, пьют текилу, в который раз прощаются со своими семьями. Однажды случилось чудо — поезд пришел в Кампече на два часа раньше. Все взволнованно забегали: где жена, где дети, где чемоданы? Потом выяснилось, что это был вчерашний поезд!

Гельмут, журналист и фотограф, очень хотел сфотографировать Эль-Тахин в свете восходящего солнца, поэтому мы отправились в путь в пять утра, когда все еще спали. На небе едва забрезжил рассвет, когда мы прибыли в археологическую зону Эль-Тахин. Гордые тем, что в такую рань уже на ногах, мы направились было к железным воротам, но нас остановил сторож, который упрямо настаивал на том, что вход разрешен только с девяти часов. Уговоры не помогли, даже попытка дать взятку не удалась. Хельмут прокрался на территорию за спиной бдительного сторожа, пока мы отвлекали его разговором, и все-таки сфотографировал Эль-Тахин в первых лучах солнца. Мы же зашли туда ровно в девять. Мне надоели повторы, но я в этом не виноват: неизвестно, кем были строители Эль-Тахина. Имеется масса предположений, однако несомненно лишь то, что люди в Эль-Тахине имели контакты с культурами майя и Теотиуакана. Населенный пункт получил свое название от большой пирамиды с нишами, которая называется *Тахин*. Название *Тахин* дали тотонаки, индейское племя с побережья залива, имевшее собственный язык. *Тахин*, что означает «молния», часто переводили как «гром» и «дым».

У этой пирамиды 365 ниш, для каждого дня в году

В Эль-Тахине было две площадки для игры в мяч, одна из них в роскошном исполнении с прекрасными рельефами на боковых стенах. Основная достопримечательность — семиступенчатая пирамида^[9] с 365 нишами и крутыми ступенями — несравнима ни с какой другой. Говорят, каждая ниша предназначена для одного дня в году, а каждый день посвящен какому-либо божеству. Эта пирамида возведена на фундаменте более древнего, неизвестного сооружения, построенного из вулканической породы. Верх пирамиды украшен изображениями пернатого змея. В зависимости от высоты солнца ниши отбрасывают короткие или длинные тени, около полудня светятся в горчично-желтом тоне, отражают вечернюю зарю.

Дворец изящных искусств в Мехико

Даже если обнаружена одна десятая (!) часть Эль-Тахина, получается, что в буйно разросшихся лесах находятся более ста зданий. Тотонаки, проживающие сегодня на этой территории, утверждают, что Эль-Тахин построен их предками. Это заблуждение. Эль-Тахин существовал задолго до того, как появились тотонаки.

Сторож, которому мы рассказали о цели нашего приезда и который был с нами так строг, позвал нас со ступеней пирамиды вниз: «*Los voladores, Senores!*» («*Воладорес, сеньоры!*») Он проводил нас к летающим индейцам.

Посреди круга стояла железная мачта высотой около 50 м. Подбежали пятеро индейцев в красных штанах, в гамашах с разноцветными полосами, белых рубашках и пестрых колпаках. Они поднесли к губам маленькие флейты и заиграли монотонную мелодию, легкий ритм которой задавали удары тамбурина. Они танцевали в экстазе, то опуская, то поднимая головы к небу; движения их стали ритмичными, ноги дергались в такт... Пока не замолчали инструменты, они стояли кружком, глубоко наклонившись к земле.

Совершенно расслабленно индейцы один за другим подошли к мачте. Четверо из них залезли на нее, чтобы там, наверху, стоя на маленькой площадке, привязать канаты к правой щиколотке. Затем наверх забрался пятый индеец; он снова заиграл мелодию на маленькой флейте и к тому же начал двигаться на крошечной опоре в раскачивающемся танце, поворачивался вокруг собственной оси, небольшими движениями отбивал тот же ритм, под который он со своими товарищами танцевал на земле. Затем флейта затянула одну ноту, видимо, это был сигнал, потому что все четверо индейцев откинулись навзничь и рухнули в бездну. Это было словно замедленное падение, потому что канат был обмотан вокруг мачты и разматывался при вращении *воладорес*. Они пролетели вокруг мачты широкими кругами с распростертыми для полета руками 13 раз. Это имеет свое значение. Четверо индейцев делают по 13 оборотов, в сумме это 52 оборота, а 52 — цикл календаря мая! Каждые 52 года мая со страхом ожидали возвращения богов, каждые 52 года они всматривались во Вселенную по всем четырем странам света. Четверо отважных индейцев олицетворяли, символизировали мифическое событие.

Странный народ эти майя. Кто они были? Кем были их предки? Их боги? Чего только о них до сих пор не говорят. «Бесспорных истин вообще не существует, а если бы они были, то были бы скучны», — писал Теодор Фонтане (1819–1898).

Воладорес

Истина похожа на небо, а суждения — на облака.

Жозеф Жубер (1754–1824)

О несостоявшемся открытии — Крест — предлог, золото — цель — Апокалипсис — Порох — Как бог Кецалькоатль помог уничтожить столицу ацтеков — Ночь печали гордых испанцев — Эпилог

Западноевропейская премьера игры *тлачтли* состоялась одним раскаленным от солнца осенним днем 1528 г. при испанском дворе в Гранаде.

Изобретательный, удачливый, победоносный Эрнандо Кортес, кроме драгоценнейшей добычи, привез из Мексики своему королю Карлу V (1519–1556) для развлечения команду ацтекских игроков в мяч, которая должна была продемонстрировать сиятельному придворному обществу свои выдающиеся спортивные способности. Играли на прямоугольном дворе площадью 40 x 15 м, обнесенном стеной. На возвышении сидела королевская чета вместе со свитой. Избалованная многочисленными, почти ежедневными, разнообразными аттракционами, публика скучающе усаживалась, но вскоре, разговоры господ прекратились, а дамы опустили на колени свои резные веера слоновой кости. От того, что происходило на поле, захватывало дух. Ничего подобного в Старом Свете еще не видели.

Натренированные индейцы играли пятифунтовым упругим мячом из странного материала, который они называли каучуком. Состязание шло по строгим правилам: нельзя было прикасаться кистями рук и ступнями к тяжелому мячу, дать ему коснуться земли и хотя бы на мгновение оставить его там. Обладающие быстрой реакцией игроки должны были сохранять мяч в игре движениями бедер, локтей или коленей. В прыжке «щучкой» индейцы бросались навстречу мячу и били по нему дозволенными частями тела. Очки терял тот участник команды, который не смог доставить мяч на половину поля противника. Кульминацией борьбы и желанной целью было бросить резиновый мяч через каменное кольцо, вмонтированное в стену на порядочной высоте. То была убийственная игра! Кости носа разбивались вдребезги. Они ломались с таким неприятным треском, что многие утонченные дамы, побледнев, падали на руки кавалерам. «Некоторых игроков уносили с площадки замертво, — сообщил очевидец-испанец, — другие получали тяжелые повреждения коленей или бедер» [1].

Игра *тлачтли*, которая была для европейцев в новинку, имела тысячелетнюю историю: ацтеки переняли ее у майя. У майя массивный шар символизировал движение планет, ибо они верили, что космос — священная площадка для игр богов, у которых мячами были планеты. Как рассказывал епископ Диего де Ланда, старательный хронист того времени, первоначально игроками в *тлачтли* были сами боги, и лишь после их исчезновения жрецы майя начали подражать игре богов [2].

По представлению майя, боги играли планетами! Неудивительно, что в земном варианте небесной игры в мяч дело шло о жизни и смерти: капитана побежденной команды приносили в жертву богу игры — *Ксолотлу*; его сердце заживо вырывали из груди. При удачном раскладе его товарищей по команде отдавали в рабство, но и принесение их в жертву также было в порядке

вещей. Победителей чествовали как героев, одаривали украшениями и одежаниями. Поскольку в древних рассказах упоминается, что победившим героям зрители бросали бобы какао, можно предположить, что эти плоды из тропической Америки уже тогда были известны и пользовались спросом. Если все обобщить, то правила игры *тлачтли* были настолько жестоки, словно их применяли боги в игре планетами в космосе.

Что лее это за народ, который возвел грандиозные города, пирамиды и обсерватории, но в то же время, несмотря на высочайший уровень культуры, в игре приносил человеческие жертвы? Кто были их боги, чей пинг-понг планетами они переносили в жестокую игру *тлачтли*?

Генуэзский капитан Кристобаль Колон, получивший известность как Христофор Колумб (1451–1506), едва не стал первым европейцем, установившим контакт с майя. Во время своего четвертого путешествия летом 1502 г. он плыл возле северного побережья Гондураса, когда в поле его зрения попало индейское торговое судно. Хотя оснастка судна и пестрые одежания темнокожей команды удивили испанцев, Колумб не стал ложиться в дрейф, чтобы осмотреть лодку, — он держал курс на восток, в воды известного ему Карибского моря. На этот раз майя остались неоткрытыми.

Это случилось девятью годами позже, в 1511 г., когда капитан Педро де Вальдивия плыл по высочайшему повелению из Панамы в Санто-Доминго, чтобы передать тамошнему губернатору секретное сообщение об интригах Панамы и дар королю в размере 20000 золотых дукатов.

Вальдивия плыл на каравелле — разновидности парусного судна, хорошо зарекомендовавшей себя в экспедициях: днище с острым килем, низкий надводный борт, высокие кормовые надстройки. На широте Ямайки каравелла разбилась о коралловый риф. Среди 20 человек, сумевших спастись на шлюпке-скорлупке, был капитан Вальдивия. Потерпевших кораблекрушение, оставшихся без пищи и воды, с порванным в клочья парусом и сломанным рулем, отнесло к восточному побережью Юкатана. Восемь человек умерли и были отправлены на корм акулам. На берегу оказались лишь двенадцать человек, похожих на скелеты. Вот что пишет епископ Диего де Ланда о дальнейших событиях:

«Эти несчастные попали в руки злобного кацика (вождя), который принес в жертву своим идолам Вальдивию и еще четверых, а их тела отдал своему народу, чтобы устроить пир. Агилара и Герреро (священника и матроса), а также еще пять или шесть человек оставили, чтобы откормить их. Они сумели выбраться из своей тюрьмы и попали к вождю другого племени, который враждовал с первым вождем и был намного милосерднее; их превратили в рабов и обращались с ними любезно. Но вскоре их унесла болезнь, в живых остались только Херонимо де Агилар и Гонсало Герреро. Агилар был добрым христианином, у него был молитвенник, так что он не забывал о праздничных днях...» | 2 |

Херонимо де Агилар, священник, и Гонсало Герреро, матрос, жили среди майя на восточном побережье Юкатана, недалеко от города Тулум с его дворцами и оборонительными сооружениями; они выучили язык майя, завоевали их доверие и дослужились до советников местного правителя.

Тулум

Восемь лет провели священник и матрос среди майя, когда весной 1519 г. в порт острова Косумель вошли десять кораблей Эрнандо Кортеса (1485–1547), завоевателя Мексики. Едва он ступил на сушу, как получил от гостеприимных индейцев сообщение, что на материке удерживают в плену двух бородатых испанцев. Энергичный Кортес немедленно спланировал экспедицию по освобождению соотечественников, но уступил совету капитанов своих кораблей, которые считали подводные камни и рифы в неизвестных водах слишком опасными для подобной операции.

Кортес написал правителю письмо на испанском языке, в котором попросил освободить пленных испанцев, в письмах же к соотечественникам содержалась просьба присоединиться к его отряду. Кортес поступил так вовсе не из чистого альтруизма: он понимал, насколько важны для его завоеваний будут два испанца, владеющие языком майя и знающие обычаи местных жителей, совершенно отличающихся по характеру от испанцев.

Выступить в качестве посредника вызвался знатный индеец, которого на лодке доставили на сушу, чтобы он там с помощью ничего не стоящих подарков (вроде стеклянных бус) выкупил обоих испанцев.

Священник Херонимо де Агилар последовал призыву, впоследствии он служил у Эрнандо Кортеса переводчиком и важным осведомителем.

Матроса Гонсало Герреро давно освободили из рабства. Он поселился в городе Четумаль, что рядом с Тулумом, был радушно принят правителем города, принадлежащим к царскому роду, и даже сочетался браком с его дочерью, настоящей принцессой.

Гонсало давно думал и чувствовал, как майя, и слишком хорошо знал, что ждет его новых

друзей, когда его соотечественники-испанцы начнут свирепствовать под знаком креста, поэтому на предложение Кортеса он ответил резким отказом:

«Я женат, у меня трое детей, меня поставили командовать воинами. Мое лицо покрыто татуировкой, мои губы проколоты, теперь я ношу серьги. Что скажут обо мне испанцы, увидев таким?..» [3]

Гонсало Герреро стал злейшим противником испанцев. Он призывал майя к сопротивлению, отчаянно пытаясь втолковать доверчивым индейцам, каковы истинные намерения белых интервентов. 17 лет сопротивлялся Гонсало своим бывшим соотечественникам, он был первым партизаном в Центральной Америке. Лишь в 1536 г. испанцы убили в западной части Гондураса белого бородатого человека, который неистово сражался на стороне майя. Белый человек был наг, покрыт татуировками, носил серьги и индейские украшения — это был Гонсало Герреро.

За два года до Эрнандо Кортеса, в феврале 1517 г., адмирал Франсиско Эрнандес де Кордоба с тремя кораблями и 110 моряками вышел из Сантьяго-де-Куба, чтобы где-то набрать рабов. После трехнедельного плавания испанцы увидели город Экаб. Прекрасные храмы и пирамиды произвели на испанцев сильное впечатление, однако красота сооружений не помешала завоевателям самым варварским образом разграбить город и уничтожить ошеломленных майя своим превосходящим оружием, что было частью стратегии испанцев в «открытии» Центральной Америки.

После жестокой победы в Экабе адмирал Кордоба отдал своим капитанам приказ взять курс на запад к заливу Кампече. Майя собирались большими толпами, по-детски сердечно приветствовали чужеземцев и угощали их всем, что могли предложить.

Была необходима быстрая высадка, поскольку шпионы сообщили адмиралу, что южнее на побережье расположен большой и богатый город Чампотон. Чампотон был важным центром майя-ица, царского рода, находившегося под тольтекским влиянием, который, как и ацтеки, переселился с севера в доколумбову Мексику.

То ли представитель верховной власти в Чампотоне был умнее своего коллеги, правителя Экаба, то ли недоверчив от природы... или заранее предупрежден, но он отправил 100 000 воинов майя в порт и приказал окружить испанцев. Епископ Диего де Ланда так описал эту резню:

«Чтобы не прослыть трусом, Франсиско Эрнандес де Кордоба построил своих людей в боевой порядок и приказал открыть огонь из корабельных пушек. Хотя индейцы раньше не знали грохота, дыма и пламени от ядер, они не прекращали атак, сопровождаемых сильными криками. Испанцы отбивались и наносили индейцам ужасные раны, многих убили. Тем не менее вождь продолжал подбадривать своих индейцев, так что они в конце концов разбили испанцев: 20 из них убили, 50 ранили, двоих взяли в плен, а потом принесли их в жертву. Франсиско Эрнандес де Кордоба получил 33 ранения и после поражения вернулся на Кубу...» [2]

Через несколько дней адмирал Кордоба умер от ран в своем поместье на Кубе. На смертном ложе он показал своему другу Диего де Веласкесу, губернатору Кубы, фигурку из золота и несколько культовых предметов, привезенных из плавания, повлекшего столь большие потери. Обладая чутьем испанских завоевателей, Веласкес взял след золота.

Уже весной 1518 г. он отправил своего племянника Хуана де Грихальву во главе

вооруженного до зубов экспедиционного корпуса с целью захвата для испанской короны территорий, где побывал покойный Кордоба.

Грихальва взял курс на юг, и 5 мая 1518 г., через год после Кордобы, испанцы снова достигли острова Косумель. Святые отцы, находившиеся как всегда тут как тут, отказались от планов подвергнуть до тех пор счастливых и миролюбивых индейцев крещению именем Христа. Туземцы бежали на материк. Испанцы сразу заподозрили, что они могли отступить в один из легендарных золотых городов. Отыскать индейцев означало найти золото. Плывая вдоль восточного побережья Юкатана, Грихальва и его люди с удивлением смотрели на город с белыми храмами и башнями, показавшийся им большим и могучим, как их родная Севилья. Это был Тулум, возвышавшийся на скале над берегом Карибского моря, — тот самый центр майя, неподалеку от которого священник де Агилар и матрос Герреро прожили восемь лет. Испанцы не решились напасть на Тулум. Мощные оборонительные сооружения показали им неприступными.

Действительно, Тулум был одним из немногих городов майя, который с трех сторон был окружен городской стеной, обычно же города майя были без укреплений и защитных валов. Тулум был особенным, построенным по плану городом: главные улицы проходили параллельно с севера на юг. Храмы и другие культовые сооружения — некоторые из них были многоэтажными — возвышались, словно бледно-желтые маяки, над зеленовато-голубым Карибским морем.

Главным святилищем был Храм крылатого спускающегося дракона, которого современная археология разжаловала в «пчелиного бога» *ах музен каб*. На резных гипсовых рельефах мнимого пчелиного бога, размещенных на многих зданиях, изображен кто угодно, только не усердный сборщик меда. Что же конкретно мы видим? Летящее с небес существо с вполне человеческим лицом мчится на животе вниз по долине; его широко расставленные руки согнуты в локтях, а в его ладони просится рукоятка пульта управления. Ноги в ботинках стоят на пружинящих ходулях с большими педалями. Довершает загадку божественного сборщика меда то, что он одет в комбинезон и защитный шлем.

Эти развалины называют «храмом спускающегося бога». Всякий бог, неважно какой категории, благодарил бы за такой мемориал

«Пчелиный бог»

Тулум, перед которым спасовал Грихальва, был по существу крепостью, и во времена майя назывался Зама, город Утренней зари. Из Тулума многокилометровые дороги вели к таким центрам майя, как Коба, Яксуна и Чичен-Ица.

Адмирал Грихальва испугался города с тысячелетней историей (ныне расшифрованы глифы майя, размещенные на стенах в «храме фресок», и они подтверждают столь почтенный возраст Тулума). Хуану де Грихальве следовало бы осмотреть великолепный город — полюбоваться достопримечательностями, не захватывая его.

Между тем Грихальва поплыл дальше на юг, уверенный в том, что Юкатан — большой остров, а значит, он когда-нибудь вернется к исходной точке. Он дал флоту команду зайти в бухту, а поскольку это было как раз в день Вознесения, то он дал этой бухте имя Вознесения! Такое название она носит и сегодня.

Между прочим, название Юкатан возникло по недоразумению. Испанские работорговцы пытались с помощью знаков, жестов и обрывков испанских слов разузнать у рыбаков-индейцев название земли, на которой они стояли. Майя вежливо ответили: «*Ci-uthanl*», что означало: «Мы не понимаем. Что вы сказали?» Так Юкатан попал в атласы.

Впрочем, это звучит не так сложно, как название полуострова на языке майя: *ulumil suz yetel seh* — земля оленей и индеек. Пусть уж лучше остается Юкатаном...

Грихальва направил флот вокруг северной оконечности Юкатана и высадился — как годом раньше его соотечественник Кордоба — близ Чампотона. Правитель города оказал активное сопротивление, вдохновляемый тем, что ему уже однажды удалось изгнать испанцев. Он не знал, что у Грихальвы было больше людей, вооруженных к тому же более мощным оружием. Испанцы

захватили город, хотя и понесли большие потери. Грихальва задержался там ненадолго. Страстное желание присоединить к испанскому королевству еще какой-нибудь остров не давало ему покоя, гнало дальше на север, поскольку опыт моряка подсказывал, что в конце концов побережье должно повернуть на юг. Однако этого все не происходило.

На широте современного Веракруса у пологого берега Мексиканского залива Грихальва снова приказал изменить курс. Возле Понточана матросы сошли на берег. Испанцев встретили настолько приветливые и веселые люди чонтал-мая, что даже заядлые вояки вроде Грихальвы не нашли повода для ссоры.

И тем не менее именно здесь, возле мирного города Понточана, началось ужасное уничтожение царств мая и ацтеков.

В далеком мексиканском царстве ацтеков уже Моктесума II (1466–1520), верховный жрец и всемогущий правитель, знал, что «от начала солнца» прибыли чужие корабли с белокожими мужчинами. Моктесума со своими жрецами предположил, что чужеземцы — посланцы бога Кецалькоатля. Древнее предание, известное ацтекам и мая, гласило, что бог ветра, он лее бог Луны и утренней звезды, он же бог наук, в незапамятные времена скрылся «на востоке» «на утренней звезде» и однажды вернется оттуда. Тогда начнется эра счастья. Предвкушая предсказанное возвращение бога, Моктесума отправил испанскому адмиралу Грихальве дорогие подарки: жемчуг, драгоценные камни, ценные ткани — и золото! Грихальва одновременно ощущал удивление и блаженство. До сих пор он не слышал о богатом правителе Моктесуме. Никто из испанцев не подозревал о существовании далекого царства ацтеков. Конечно, чонтал-мая мечтали о дальней стране на севере, в которой были горы из золота. Мая яркими красками расписывали богатство ацтеков, они заметили, как насторожились пришельцы.

Мая почуяли, что их самих могут оставить в покое; кроме того, они немного завидовали богатым соседям.

Их расчет оправдался. Грихальва велел поднять паруса, чтобы сообщить в штаб-квартиру на Кубу радостную весть — золото! — своему дяде, губернатору Диего де Веласкесу. Там как раз находился Эрнандо Кортес (1485–1547).

Сын офицера от инфантерии, дворянин, Кортес вырос в городе Меделья в испанской провинции Эстремадура, изучал юриспруденцию в университете Саламанки, знание которой, однако, не мешало ему на протяжении всей жизни творить беззаконие. Он уже тогда следовал принципу иезуитской богословской теории морали XVII в.: «Цель оправдывает средства». Поскольку королевские декреты благословляли цель, варварские средства не пугали Кортеса.

В конце концов он отправился в полное приключений путешествие по Новому Свету. Кортесу как раз исполнилось 26 лет, когда он вместе с Диего де Веласкесом участвовал в завоевании Кубы. За свою храбрость — что бы под этим ни понимали — Кортес был щедро вознагражден.

Честолюбие и личные интересы привели к разрыву с Веласкесом. Некоторое время Кортес даже провел в тюрьме, однако каким-то образом ему удалось жениться на дочери губернатора. Кортес находился в тени своего тестя и ждал, когда у него появится шанс осуществить большой замысел. Хотя он греб деньги лопатой, будучи высокопоставленным чиновником и скотоводом (ввозил на Кубу европейский крупный рогатый скот), крупным землевладельцем и хозяином золотых рудников, но он хотел большего — использовать крупный шанс.

Такой шанс Кортесу выпал, когда Грихальва вернулся на Кубу из плавания вокруг Юкатана и сообщил об изобилии золота у ацтекского правителя Моктесумы. Племянник Грихальва и зять Кортес добивались благосклонности губернатора Веласкеса. Оба мечтали о золоте и славе. Оба хотели завладеть легендарными сокровищами. Для обоих приобщение «дикарей» к христианской религии служило предлогом.

Верх одержал Кортес. Он был готов продать все свои владения, рискнуть всем состоянием для финансирования многообещающего предприятия. Порядочную сумму дали друзья — негласные компаньоны или акционеры. Против такого стартового капитала Грихальве поставить было нечего.

Веласкес назначил своего зятя Эрнандо Кортеса главнокомандующим нового флота.

10 февраля 1511 г. в открытое море вышли одиннадцать кораблей. На них загнали 110 матросов, 518 пехотинцев, 32 арбалетчика, 13 аркебузирова. На палубе стояли десять тяжелых и четыре легких пушки. В стойлах ржали 16 лошадей. Гордая армада!

В тот февральский день Кортес не подозревал, что народы майя и ацтеков заплатят за его известность миллионами жизней. Он также не знал, что войдет во всемирную историю как разрушитель величественной культуры, равной которой не было во всем мире. То, как история оценит его деяния, его, разумеется, совершенно не интересовало.

Кортес внезапным ударом захватил остров Косумель, который оставили в покое Кордоба и Грихальва, и после совершения таинства крещения объявил индейцев подданными испанской короны.

Он повторил путь своих предшественников — вдоль побережья на запад, поскольку все еще руководствовался заблуждением, что Юкатан — остров. У Понточана отряд Коргеса высадился, чтобы пополнить запасы. Если Грихальву там встречала ликующая толпа, то Кортес в некогда мирном городе увидел перед собой армию из 40 000 воинов майя.

Имея превосходство в пушках и арбалетчиках на лошадях, Кортес в кровавой битве победил майя. Храбрым, но наивным индейцам чудовища в виде лошадей с разноцветными украшениями и с всадниками в блестящих доспехах казались демоническими страшилищами, ведь они думали, что лошади и всадники образуют единое целое.

Пороха майя тоже не знали. Сопровождающиеся пламенем взрывы, прорубавшие в их рядах усыпанные трупами коридоры, подрывали боевой дух индейских воинов. Они смотрели на железные ядра с огненными хвостами, летящие в воздухе. Разве это была не *тлачтли* — божественная игра в мяч, в которой по желанию и воле богов они готовы были пожертвовать жизнью?

Эрнандо Кортес понял, какому счастливому обстоятельству обязан победой его отряд. 10 июля 1519 г. он писал Карлу V и его супруге Хуане:

«Да будут Ваши Королевские Величества уверены, что в этой битве мы победили больше благодаря воле Бога, чем вследствие нашей численности, ибо против сорока тысяч воинов трудно защищаться четырестам, а именно столько нас было» [4].

Хотя Кортес начинал понимать, что храбрыми, хорошо организованными войсками, на которые он повсюду наталкивался, должен руководить один главнокомандующий, он не отступался от сумасбродного предприятия — 500 против миллионов! У него был черный флаг, расшитый золотом, с фиолетово-красным крестом и девизом под ним: *In hoc signo vinces* (Под этим знаком победишь!) — это был девиз римского императора Константина I (286–337), сделавшего христианство государственной религией [5]. Девизом «Под этим знаком победишь!» демагог Кортес заканчивал каждое обращение к своим солдатам, которых он, не мелочась, подбадривал обещаниями: золота — на земле, вечного блаженства — на небе.

Сорвиголова и миссионер в одном лице, Кортес преодолевал все неприятности, связанные с климатом, комарами и свирепствующими в тропиках болезнями.

Порт Веракрус (что означает «истинный крест») был первым испанским городом в

Мексике, основанным Кортесом, который в течение всего периода колонизации оставался отправной точкой «серебряных флотов». Чтобы поредевший отряд понял, что пути назад нет, он приказал сжечь корабли на глазах у солдат [6]. Неудивительно, что воины, лишённые шансов к отступлению, не останавливались перед любой жестокостью. Отряд Кортеса, столь бесчеловечный в своей воле к победе, среди майя и ацтеков опережала слава непобедимого. Кортес умел изощренно сталкивать между собой индейские племена и приобретать союзников, которых он лживо уверял, что их желания — это и его желания.

Неплохой психолог, полководец Кортес понял, что тлакскал-теки — индейцы с Мексиканского нагорья — враждовали с ацтеками и для покорения ацтеков были готовы заключить союз даже с испанцами. Когда Кортес собрался напасть на столицу ацтеков Теночтитлан, вместе с его отрядом выступили 6000 тлакскалтеков.

Тем не менее правитель ацтеков Моктесума упорно стремился настроить испанцев на миролюбивый лад. Его посланники снова и снова передавали дорогие подарки и настоятельные просьбы не входить в столицу. Результаты же оказались противоположными тем, на которые надеялся Моктесума: 15 ноября 1519 г. Кортес со своими воинами стоял перед Теночтитланом.

Посреди отливающей серебром лагуны в лучах восходящего солнца город блистал своими древними, овеванными тайной храмами — дворцами, демонстрировавшими богатство. 70000 жилых домов на огромной площади окаймляли стены и колонны, и надо всем этим возвышались сверкающие башни-пирамиды.

Облаченный в великолепный адмиральский мундир, Кортес невозмутимо стал во главе своего отряда, тлакскалтеков он оставил в лагере. По обеим сторонам от завоевателя, вступившего по широкому проспекту в Теночтитлан, двигались арбалетчики на лошадях, с разноцветными плюмажами и знаменами.

Чтобы приветствовать чужеземца, Моктесума велел рабам отнести его в разукрашенных драгоценными камнями и золотом носилках к месту события, где на земле уже был расстелен ковер из хлопка. Кортес соскочил с коня и зашагал к нему, ни на мгновение не сводя взгляда. Эту встречу описал

К. В. Церам в своем всемирно известном романе об археологии *«Боги, гробницы и ученые»*:

«Это впервые случилось в великой истории открытий, чтобы человеку христианского Запада пришлось не реконструировать чужую богатую культуру по развалинам, а встретить ее в реальности. Кортес перед Моктесумой — это все равно, как если бы Бругш-Бей в долине Дер-эль-Бахри увидел перед собой Рамзеса Великого, или как если бы Колдевей в «висячих садах» Вавилона встретил гуляющего Навуходоносора, и они, как Кортес с Моктесумой, могли свободно беседовать» [7].

Под началом Моктесумы было 200 000 воинов. Несмотря на испанские пушки, немногочисленное войско интервентов могло быть уничтожено. Почему Моктесума не решился на борьбу? Почему проявил покорность?

Непонятные моменты объясняет религия ацтеков. Как евреи ожидали возвращения своего мессии, как магометане надеялись на своего Махди, как инки с нетерпением ожидали своего бога Виракочу, как полинезийцы упорно ждут возвращения бога Лоно, так и ацтеки ожидали возвращения своего бога Кецалькоатля. Не то чтобы они сочли Кортеса за ожидаемого бога, скорее, предполагали в испанце посланца от мифического героя.

Кем был Кецалькоатль? И что побуждало ацтеков ожидать и надеяться на его возвращение?

Согласно мексиканской книге преданий *«Кодекс Чималь-попока»* [8], Кецалькоатль пробыл среди индейцев 52 года. Во время своего пребывания он считался жрецом-правителем и творцом

людей, пользовался славой наставника, создателя культуры и настоящего посланца богов.

«Кецалькоатль» означает «пернатый змей». Украшением ему служили зеленые перья, поэтому на памятниках его изображали в виде летящего змея. Его символом была Венера.

В предании говорится, что Кецалькоатль имел крупное сильное тело, из-под его широкого лба виднелись широко расставленные колючие глаза; он носил бороду, головной убор вроде фески, еще ожерелье из морских раковин, цепочки на щиколотках и каучуковые сандалии. Примечательно: о его голосе говорили, что он был слышен за 15 км [9].

О внезапном исчезновении всемогущего существа существуют две версии: или он сжег сам себя и превратился в утреннюю звезду (Венеру), или же на рассвете — «на востоке» — отправился на небо, пообещав вернуться в далеком будущем.

Шутка истории нашла свое выражение во встрече Кортеса и Моктесумы: ацтеки и майя жили по точным календарным циклам. В ритме календаря возводились сооружения, от него зависели праздники. Как раз теперь истекал календарный период, когда ожидалось возвращение Кецалькоатля. Об этом давно говорили жрецы. То, что предвещала легенда, совпало по дате! Доверчивый жрец-правитель Моктесума мог и должен был распознать в бородатом белом Кортесе гонца Кецалькоатля!

Он принял гостей с царскими церемониями и в качестве жилья предложил им свой дворец. Три дня Кортес пользовался щедрым гостеприимством, потом потребовал построить часовню. Моктесума охотно созвал ацтекских мастеров для сооружения христианской часовни. Возмущенным и рассерженным жрецам и сановникам он объяснил свои действия:

«Вам, как и мне, известно, что наши предки родом не из этой страны, где мы живем сейчас, что они переселились под руководством великого царя» [10].

Согласно преданию, бог Кецалькоатль появлялся на спине «летающего дракона».

Реконструкция сцены Диего Риверы

Из всего сказанного следует, что Моктесума увидел в Кортесе посланца «великого царя из дальних краев». Так среди ацтекских храмов выросла часовня. Однако строительство этой часовни послужило толчком для стремительного развития событий.

Испанцы чувствовали себя оккупантами — каковыми они и были — и с подозрением следили за всеми работами на строительстве часовни. Они обнаружили в стене свежую оштукатуренную поверхность, под которой, как полагали, находилась секретная дверь. Они тайком проломили стену и очутились в зале, заполненном золотыми фигурами, золотыми и серебряными слитками, украшениями с драгоценными камнями и тончайшими тканями с вплетенными в них перьями. Кортес велел своим экспертам оценить находку: она составила 162 000 золотых песо — по сегодняшним ценам около 6,3 млн долларов США.

Кортес настрого запретил прикасаться к сокровищам и приказал снова замуровать стену. Время для отгрузки было неблагоприятным, потому что в городе были волнения. Знать и жрецы протестовали против присутствия испанцев. Кортес знал, где он в скором времени сможет поживиться.

Помимо этой близкой опасности, существовала угроза карательной экспедиции с Кубы: его тестю, губернатору Веласкесу, стало известно, что Кортес сжег флот. В Веракрусе причалили 18 кораблей с 900 солдатами, 80 из которых были на лошадях, — войско намного более сильное, чем небольшой отряд Кортеса. Но у Кортеса были союзники: храбрые, презирающие смерть индейцы.

Третью солдат Кортес увел с собой, остальных оставил армейскому капитану для охраны Моктесумы в Теночтитлане. Всего лишь с 70 испанцами и примерно с 200 индейцами Кортес выступил в Веракрус навстречу превосходящим силам из 900 превосходно вооруженных соотечественников.

В ночной атаке Кортес застал карательный корпус врасплох: прикончил предводителя, побежденные присягнули ему на верность, а захваченными в качестве трофеев лошадьми, оружием и припасами он снабдил свой собственный отряд. Казалось, у Кортеса была монополия на победу.

Он вовремя вернулся со своими людьми в Теночтитлан. За это время испанцы во время праздника в честь бога Теокали по условному знаку убили 700 безоружных знатных ацтеков и жрецов. Эта жуткая резня стала сигналом к восстанию. До тех пор терпеливые индейцы свергли Моктесуму, сделали новым правителем его брата, взяли штурмом дворец, в котором укрылись испанцы.

Кортес со своим отрядом вернулся как нельзя кстати. Ему удалось предотвратить гибель своих солдат, однако Теночтитлан был охвачен кровавым мятежом. Кортес приказал жечь храмы и дома. В то время как испанцы массово вырезали ацтеков, свергнутый Моктесума — о святая простота! — вызвался быть посредником. Это был его последний поступок, потому что 30 июня 1520 г. возмущенный народ насмерть закидал его камнями.

Лишь теперь Кортес отдал приказ о вывозе сокровищ. Сгибаясь под тяжестью золота, серебра и драгоценностей, испанцы пробирались по темным безлюдным улицам Теночтитлана: ацтеки избегали ночных боев и выставляли посты только в ключевых точках. Стража обнаружила похитителей. Предупреждающий крик разорвал ночную тишину. Зазвучали сигнальные свистки. Загорелись смоляные факелы. Весь город охватило озлобленное оживление.

Для испанцев наступила *noche triste*, ночь печали. Они бежали, охваченные паникой. Золото и серебро на их доспехах тянуло к земле. Они спотыкались, тонули в трясине. Их убивали воины-ацтеки. Лошади несли всадников под градом свистящих стрел, в них попадали пущенные из пращей камни. Копья с наконечниками из обсидиана — кристаллической породы с хрупким

изломом — вонзались в тела ненавистных оккупантов. В эту ночь численность завоевателей сократилась на половину, Кортес был тяжело ранен, а часть сокровищ, которые они жаждали получить, утонула в лагуне. *Noche triste*.

Неделю спустя Кортес привел в порядок остатки своего отряда. Пушек и припасов больше не было, остались лишь несколько всадников. Казалось, речь шла только о выживании, когда Кортес с горсткой солдат попытался уйти через долину Отумба.

Ацтеки провели мобилизацию. Испанцы противостояли молчаливому войску из 200 000 индейцев.

Кортес, которому было нечего терять, кроме жизни, увидел над стеной немых воинов главнокомандующего огромного войска в расшитом золотом плаще из перьев. Трепетавшие на ветру разноцветные флажки обозначали его место.

Испанский адмирал вскочил на лошадь, крикнул кучке всадников: «С нами Святой Дух!» — и поскакал сквозь строй индейцев, которые, как парализованные, разомкнули и снова сомкнули ряды. Кортес подскакал к полководцу и пронзил его тело своим мечом.

Двухсоттысячное войско стояло неподвижно.

Затем огромная армия вышла из оцепенения.

Воины вернулись обратно в свои племена.

Словно серая туча из человеческих тел, они исчезли в долинах, в горных лесах, в непроходимых джунглях.

Это было начало конца империи ацтеков.

Несколько месяцев спустя Кортес вернулся с усиленной, заново оснащенной армией. В Теночтитлане властвовал новый правитель Куаутемок. Он блестяще защищал свой город, но в конце концов под огнем пушек ему пришлось капитулировать.

Теперь отряд Кортеса мог беспрепятственно разыскивать потерянные сокровища. Куаутемок даже под пытками не выдал, где спрятан клад, и его повесили. Сокровища пропали. Они не найдены до сих пор.

Гордый Теночтитлан был окончательно завоеван испанцами в 1521 г. Храмы и пирамиды, жилые дома, изображения богов, стелы и библиотеки превратились в прах и пепел. На руинах построен город Мехико.

На многие десятилетия вся Центральная Америка попала под иго испанцев. Их войска в кровопролитных битвах победили племена майя. Гордых индейцев жестоко мучили или сразу казнили.

Епископ Диего де Ланда, сам далеко не святой, был в ужасе от зверств своих соотечественников. Он писал, что видел своими глазами, как матерей вместе с детьми подвешивали за ноги; мужчинам отрубали носы, кисти рук, руки и ноги, женщинам отрезали груди. Речь шла о том, чтобы поработить майя, обратить в христианство, выжать из их уст сведения о тайниках со спрятанными сокровищами.

При такой власти насилия коренные жители, на которых в дополнение к их бедам обрушились эпидемии, покорились судьбе. Испанцам больше не требовалось прилагать усилий, завоевывая территории, и стирать с лица земли города. Когда от новой религии под знаком креста умерли старые боги, наполнявшие смыслом жизнь ацтеков и майя, они расселились на все четыре стороны. Дворцы пришли в упадок. Алчные заросли влажных и жарких тропических лесов раскинулись на месте пирамид и селений, поглотили статуи богов. В руинах поселились всевозможные насекомые, змеи и ягуары. Книги и бесценные документы — если не погибли в пламени устроенного испанцами аутодафе — истлели и стали пищей для муравьев и жуков. Многовековая ночь опустилась на свидетельства уникальной эпохи, и леса скрыли все тайны великой культуры.

Кортесу не удалось насладиться плодами своих завоеваний. После покорения империи ацтеков Карл V сделал его наместником Новой Испании, но противники Кортеса при дворе обвинили его в незаконном обогащении и нарушении испанских законов.

В 1528 г. Кортес поехал в Гранаду, чтобы оправдаться. Карл V осыпал своего бесстрашного слугу наградами, однако отобрал у него пост наместника в Мексике.

Двумя годами позже Кортес снова появился в Новом Свете. На этот раз дела привели его на Калифорнийский полуостров. В 1540 г. он вернулся в Испанию, на следующий год вместе с Карлом V принял участие в алжирском походе. Несмотря на благосклонность короля, ему так и не удалось добиться наперекор двору признания своих прав на завоеванные территории.

Тут следует добавить еще кое-что интересное.

Через три года после взятия Теночтитлана, 5 марта 1524 г., капитан Педро де Альварадо в боях на Гватемальском нагорье встретился с летающим военачальником киче-майя:

«Тогда полководец Текум поднялся в воздух и прилетел, превратившись в орла, покрытый самыми настоящими перьями, выросшими на нем. У него были крылья, выросшие из его тела, и три короны — из золота, из жемчуга и из алмазов с изумрудами» [4].

Очевидно, капитан Альварадо не верил в галлюцинации, потому что летающий полководец своим обсидиановым мечом начисто отрубил голову его лошади. Как говорят, воинственный полководец решил, что своим ударом он сразу убил и всадника. Этим воспользовался Альварадо и заколол летуна.

Таким образом, возникает вопрос: не научил ли покрытый зелеными перьями бог-змея Кецалькоатль некоторых избранных жрецов искусству полета? Во всяком случае, место встречи капитана Альварадо и летающего полководца получило название Кецальтенанго. Один из городов в Гватемале до сих пор носит это название, а в Гватемала-сити возведен памятник летающему индейскому полководцу.

Таким вот образом из поколения в поколение передаются загадки.

ДИКАРИ — БЕЛЫЕ — ЧУДЕСНЫЕ КНИГИ

Недостаточно знать, нужно еще уметь применять эти знания.

Иоганн Вольфганг Гете (1749–1832)

Как были уничтожены ложь и чертовщина — Наследие майя — Загадочные священные рисунки — Майя знали о процессах на небе, видеть которые они не могли — От трудных дорог к астрономическим знаниям — У майя все было иначе

Когда римский наместник Понтий Пилат на заре новой эры велел казнить в Иерусалиме Иисуса Христа пригвождением к кресту, во влажных и жарких лесах Центральной Америки возникли невообразимо великолепные города с многокилометровыми улицами для процессий, просторными площадями, на которых располагались храмы и дворцы, спортивными площадками, подземными криптами (могильными сооружениями), водохранилищами с разветвленной сетью каналов, а также достигающими небес ступенчатыми пирамидами и обсерваториями. Тогда здесь были построены такие города, как Тикаль и Пьедрас-Неграс в Гватемале, Копан в Гондурасе и Паленке в Мексике. Работящие, как муравьи, и терпеливые, как рабы, индейцы трудились под кнутом жрецов и правящих кланов, под надзором выдающихся архитекторов. Искусные скульпторы украшали фронтоны зданий, их внутренние помещения гипсовыми рельефами. Яркие краски смешивали из каменной муки, коричневатой-серой земли, растертых костей, крови и истолченной в порошок разноцветной тропической древесины, листьев и цветов и использовали для рисования фресок на церемониальных сооружениях. Найденные спустя две тысячи лет археологами, эти фрески сохранили поразительную цветовую гамму.

Потом, когда труды над всем этим великолепием были завершены, случилось непостижимое: майя оставляли один город за другим и переселялись на расстояние всего нескольких сотен километров, чтобы опять начать закладку новых городов. Это происходило почти полторы тысячи лет, пока Эрнандо Кортес не завоевал Теночтитлан.

Непонятный процесс, над убедительным объяснением которого сотни умных людей ломали свои научные головы.

Что можно себе представить?

Индейцы восстали против правителей и жрецов?

Произошла революция? Об этом нет ни малейших свидетельств: «старые» сооружения после исхода остались нетронутыми. Как учит всемирная история, победители в гражданской войне завладевают городами и поселками и заселяют их.

Жители бежали от голода? Это предположение попадает пальцем в небо. Превосходные оросительные системы гарантировали майя богатые урожаи маиса, а он был основным продуктом их питания. В распоряжении майя были огромные пространства невозделанных пахотных угодий; они могли, имея высокоразвитые методы земледелия, отвоевывать их у лесов путем выжигания или корчевания деревьев, как и было у них принято. Кроме того, даже после самого ужасного голода кто-то да выживает и сократившаяся численность племен восстанавливается.

Неожиданное переселение было вызвано катастрофическим изменением климата? Такое предположение сразу можно исключить, потому что майя переселились на север и юг на расстояние всего 300 км. Крупномасштабное изменение климата, при котором прежние территории стали непригодными для проживания, сделало бы невозможным существование на столь близко расположенном месте. Это же касается эпидемий — об этом заговорили недавно — скоротечной малярии, болотной лихорадки, которую переносят обыкновенные малярийные комары. Эти противные комары — я достаточно с ними знаком — преследовали бы обнаженных индейцев буквально по пятам.

Испытывая необходимость предложить убедительное объяснение, большинство специалистов поддерживают тезис, согласно которому майя были изгнаны захватчиками. После логических рассуждений я считаю и это объяснение неубедительным: почему это вдруг майя ни с того ни с сего позволили бы изгнать себя с родных мест и лишиться имущества? Вероятно, они бы оборонялись и противостояли оккупантам. Люди наслаждались расцветом цивилизации, неужели они не стали бы защищаться? Или победители поработили их, задушив данью, ведь города и деревни не были разрушены в боях?

Доподлинно почти ничего неизвестно, а все предположения довольно спорны. Однако четко подтверждено, что некоторые церемониальные центры были покинуты чуть ли не внезапно. Например, в Тикале осталась незавершенной платформа храма. В Уаксактуне стоит недостроенная стена. В Дос-Пилар у лепщика, не закончившего строку иероглифов, выпал из рук шпатель.

Об этих очевидных случаях мой знаменитый земляк Рафаэль Жирар, который жил среди нынешних майя десятки лет, пишет следующее:

«Такое внезапное прекращение всех работ в то время, когда цивилизация майя находилась в полном расцвете, показывает, что ее крушение имело насильственный характер» [1].

Возможно, но тогда майя должны были покинуть свои города и селения до вторжения захватчиков, потому что на развалинах не обнаружены следы разрушений. Майя оставили после себя невредимые города-призраки! Несомненно, охваченные порывом погони и уничтожения, свойственным первобытным людям, предполагаемые завоеватели стали бы преследовать майя и препятствовать им в построении нового государства. Остается и вопрос вопросов в рамках гипотезы о завоевании: почему оккупанты не обосновались на месте своей неожиданной победы, почему не «насладились» обретенным комфортом?

В ранней литературе майя речь идет о «старом» и «новом» царстве майя. Современные исследования показали, что «старое» царство не было оставлено внезапно — по команде воображаемого правителя. Переселение происходило постепенно: с 600 до 900 г. майя оставляли один город за другим. Ликвидация «старого» царства осуществлялась на протяжении свыше трехсот лет, и параллельно с этим основывались новые города. Кортес и его бандиты об этом ничего не знали. Они захватили такие прекрасные города, как Чичен-Ица, Майяпан или Чампотон, и это были исключительно заново основанные города. Старые города майя были давно заброшены и заросли лесами. Все, что майя смогли спасти из наследия предков в области культуры, цивилизации и важных знаний в своих новых городах, стало жертвой испанской христианизации.

Единственный ключ к провидческому пониманию исчезнувшего мира оставил после смерти один из самых фанатичных разрушителей культурных сокровищ майя. Мрачная шутка.

Этого человека звали фрай Диего де Ланда. Он родился в 1524 г. в знатной семье в городе

Сифуэнтес, что находится в провинции Толедо. Это было великое время распространявшей свое влияние церкви, и в старинных испанских семействах было хорошим тоном посвящать сына или дочь служению церкви. В 16 лет Диего поступил в монастырь францисканцев в Сан-Хуан-делос-Рейес. Целиком посвятив себя служению Христу, он отрекся от жизненных благ и готовился к миссионерской деятельности, посредством которой орден пытался претворить в жизнь Евангелие.

Диего было 25 лет, когда его включили в группу монахов, которая получила задание «обратить» в христианство 300 000 индейцев на полуострове Юкатан — между Мексиканским заливом и Карибским морем.

Образованный и исполненный стремления целиком отдаться служению Христу, де Ланда за несколько месяцев выучил язык майя и, ступив на землю Юкатана, уже мог читать проповеди и послания на языке аборигенов.

Неудивительно, что молодой человек сделал быструю карьеру. Вскоре он стал настоятелем основанного им самим монастыря в городе Исамаль. Испанец в грубошерстной коричневой рясе и с обязательной для служителей Христа бородой появлялся повсюду. Он следил за обучением молодых индейцев, которые вскоре уже не отставали от своих одержимых наставников в искоренении старых обычаев.

Естественно, Диего де Ланда присутствовал и при таком событии, как основание Мерида, — в 1542 г. посреди города Т'хо, на расстоянии одного дня пути от Исамалья, испанцы основали город, ставший плацдармом для завоевания Юкатана.

Францисканец восхищался величественными сооружениями Т'хо, но рассматривал их исключительно как удобные каменоломни для постройки христианской Мерида: храмы майя превратили в христианские соборы, пирамиды — в испанские административные здания. Хотя неисчислимое множество камней выломали и перетащили на новые стройплощадки, де Ланда сомневался, «удастся ли когда-нибудь исчерпать запасы строительных материалов» [2].

Святой фанатик стал настоятелем ордена, в обязанности которого входил надзор за миссионерской деятельностью, и епископом Мерида. Во время одной из инспекционных поездок де Ланда разозлился на непокорных индейцев, которые по-прежнему справляли старые обряды и не хотели отрекаться от своих старых богов. Епископ велел конфисковать все рукописи майя и «идолов».

В памятный день 12 июля 1562 г. перед церковью Сан-Мигель в Мани, последней столице майя, были свалены в кучу 5000 «идолов», 13 алтарей, 197 культовых чаш и 27 научных и религиозных трудов, иллюстрированных рукописей майя. По приказу епископа разожгли костер. Языки пламени поглотили бесценные свидетельства великой культуры. В переводе название города Мани означает «все кончено».

Диего де Ланда равнодушно записал:

«Мы нашли большое количество книг с рисунками, но поскольку в них содержались только ложь и чертовщина, мы их все сожгли, что крайне огорчило майя и повергло их в глубокую печаль» [3].

Печаль сохранилась до сих пор, прежде всего среди историков. Аутодафе в Мани послужило сигналом. В слепом усердии миссионеры сжигали рукописи майя, где бы их ни находили. Искоренялись любые следы майя, которые вели к их древним богам. И все же именно безжалостному епископу де Ланда исследователи обязаны ключом к миру майя.

Настоятель ордена и епископ — «ястреб» среди миссионеров — из-за своих жестоких методов стал при испанском дворе объектом критики «голубей». Об этом ему донесли его

шпионы. Знакомый с дворцовыми интригами, он приготовился к серьезному повороту дел и постарался приобрести друзей, которые посвятили бы его в тайны мира майя. Таких осведомителей он нашел среди членов знатных индейских родов — Коком, Ксиу и Ица. Чтобы в случае необходимости иметь возможность документально доказать «опасность» майя, он записывал на латыни, что его новые друзья говорили о своих богах и мифах, своей фантастической системе счисления, полном алфавите и точном календаре. В 1566 г. он завершил свою апологию *«Relaci6n de las cosas de Yucatan»* — «Доклад о делах на Юкатане» [4]. Этот труд стал важнейшим источником для исследований по истории и культуре майя. Обнаружен он был благодаря случаю.

Почти через триста лет, в 1863 г. (не хватило каких-то трех лет), аббат Шарль-Этьен Брассёр (1814–1874) — священник, не имеющий монашеского сана, — обнаружил рукопись де Ланды в Королевской библиотеке в Мадриде. Невзрачная книжка притаилась между фолиантами в тисненых золотом кожаных переплетах. Брассёр, много лет пробывший миссионером в Гватемале и священником во французском посольстве в Мехико, был восхищен: среди строчек, написанных черными чернилами по-латыни, выделялись глифы и наброски образцов искусства майя. Брассёр нашел нить Ариадны, которая должна была вывести из этого лабиринта.

Епископ де Ланда писал в своем докладе:

«Самое важное, что вожди увозили с территории своих племен, были их научные книги» [4].

Его соотечественник Хосе де Акоста сообщал:

«На Юкатане были переплетенные и сфальцованные книги, в которых обученные индейцы сохраняли знания о планетах, о природе вещей и свои древние предания» [5].

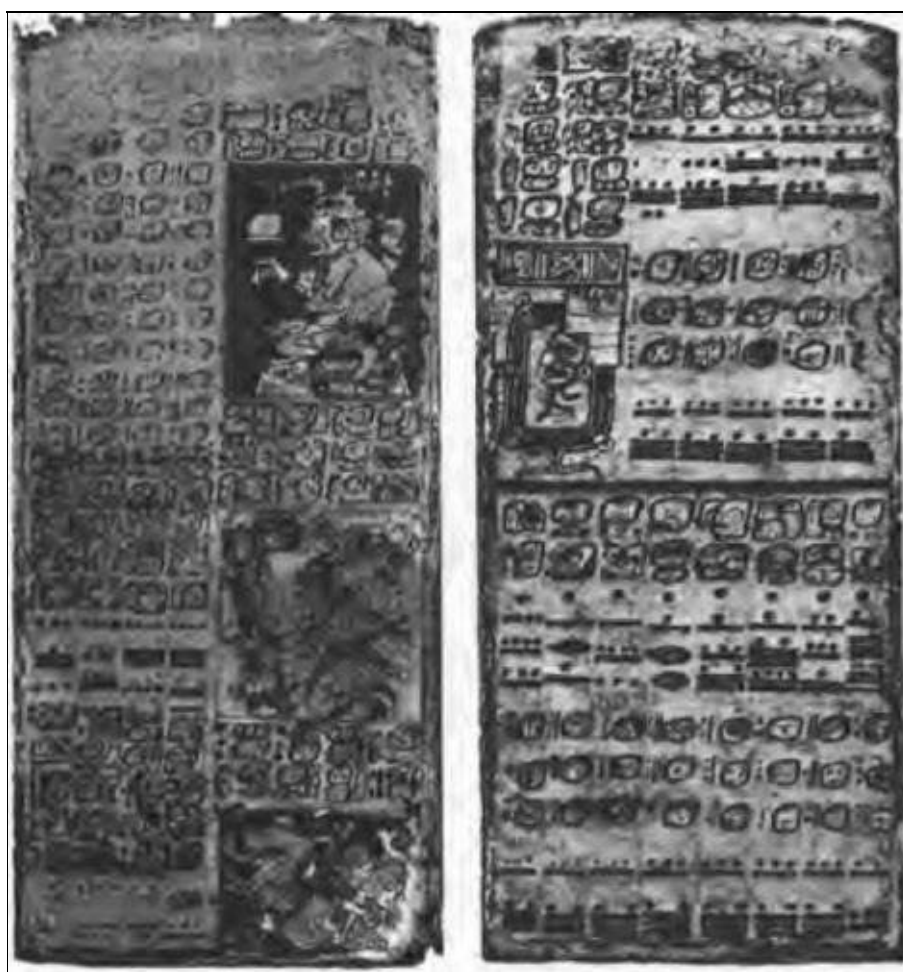
Трем таким рукописям майя, называемым кодексами, посчастливилось избежать вандализма епископа Диего де Ланды.

Мадридский кодекс аббат Брассёр нашел у профессора дипломатической школы в столице Испании.

Парижский кодекс был найден в 1860 г. в корзине для бумаг Парижской национальной библиотеки. В этой библиотеке он хранится и по сей день, причем, вероятно, как самый ценный предмет.

Дрезденский кодекс хранится в Саксонской земельной библиотеке в Дрездене. В 1793 г. из путешествия по Италии его привез Иоганн Кристиан Гётце, библиотекарь Королевской библиотеки. Гётце записал:

«Наша Королевская библиотека имеет то преимущество перед многими другими, что владеет столь редкостным сокровищем. Несколько лет назад оно было найдено в Вене у частного лица и как неизвестная вещь легко получено даром. Оно, несомненно, было в имуществе, оставшемся после умершего испанца, который сам или же его предки побывали в Америке» [6].

Дрезденский кодекс

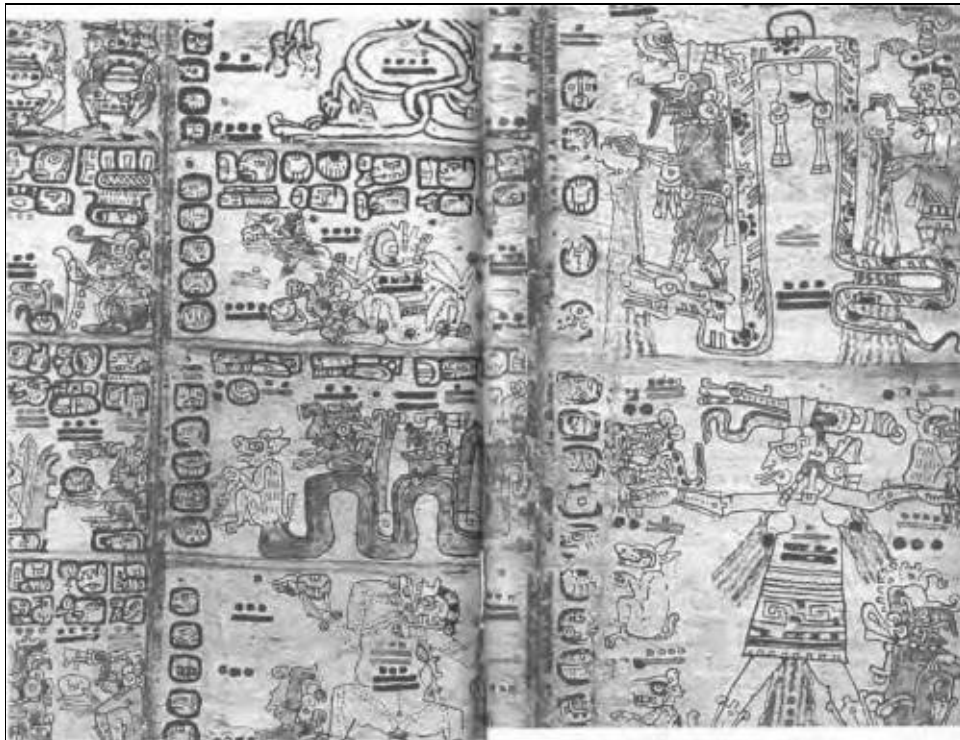
Как дешева драгоценная вещь, если не знать о ее назначении! Сегодня за Дрезденский кодекс при продаже, например с аукциона «Сотби», можно было бы получить семизначную сумму в долларах.

Все три кодекса можно сложить по фальцовке в виде гармошки — как складные книжки. *Парижский кодекс* — фрагмент, в котором многие страницы отсутствуют или нечитабельны, — в развернутом виде имеет длину 1,45 м. *Мадридский кодекс*, состоящий из двух частей — с 42 и 70 страницами, имеет длину 6,82 м. *Дрезденский кодекс* — самая загадочная и наиболее интересная рукопись майя — в развернутом виде имеет длину 3,56 м [7].

Страницы кодексов состоят из тонких слоев луба дикого фикуса; на них рисовали мягкими перьями, тонкой кисточкой или палочкой. Микроскопические исследования раскрыли способ изготовления: предварительно отбитой для мягкости древесной коре придавали эластичность с помощью сока каучукового дерева, волокна растительного клубка сушили и прессовали, а напоследок покрывали фирнисом из известкового молока. Высохшая известь создавала тончайший слой штукатурки, на котором ярко сияли живописные краски художников. Изготовление «книг» завершалось склеиванием листов с помощью тонких полосок, материал которых идентифицировать не удалось. Теперь книгу-гармошку можно было складывать и раскладывать.

Возраст кодексов не определен. Считают, что *Дрезденский кодекс* первоначально мог происходить из Паленке, потому что некоторые его рисунки очень похожи на глифы на штукатурке стен храмов в Паленке. Даже по осторожным оценкам специалистов, возраст этого города майя 2000 лет. Как и со всеми священными преданиями, можно предположить, что в

случае с *Дрезденским кодексом* речь идет об экземпляре, существовавшем в бесконечной последовательности копий, т. е. что его содержательная сторона просуществовала не менее 2000 лет.

Мадридский кодекс

В сумме кодексы содержат 6730 основных символов и 7500 аффиксов (т. е. присоединенных слогов) [8]. Таким образом, можно было бы предположить, что 6730 основных символов дадут достаточно возможностей сопоставления с целью дешифровки. Ничего подобного! Относительно *Парижского кодекса* считают, что его содержание составляют предсказания, но какого они рода, до сих пор не выяснено. Говорят, что в *Мадридском кодексе* содержатся гороскопы и инструкции для жрецов по их применению — если речь идет о гороскопах, возможно, для жрецов майя толкование судьбы по небесным светилам было вполне серьезной наукой.

Дрезденский кодекс содержит огромнейшие астрономические таблицы с данными о небесных затмениях прошлого и будущего, об орбитах Луны и планет. В этом специалисты едины. Почему? Потому что епископ Диего де Ланда в своем «Докладе...» оставил подходящий ключ к математике и астрономии майя.

Считается, что к настоящему времени расшифрованы около 800 иероглифов майя, образный характер которых бросается в глаза, или, по скромным подсчетам доктора Джорджа И. Стюарта, от 5 до 30 % от всех имеющихся [9]. Целых пять процентов из них наверняка цифры. С остальными пока неясно, хотя группа целеустремленных исследователей даже попыталась — пока тщетно — использовать для дешифровки компьютер.

Примеры майяских глифов

Заголовки типа «Тайна письменности майя раскрыта» [10] или «Иероглифы майя разгаданы» [11] слишком хороши, чтобы соответствовать истине: они звучат как сенсация, однако не соответствуют действительному уровню исследований.

Один из крупнейших исследователей письменности майя, профессор Томас Бартел, говоря о трудностях точного толкования, отмечает, что письмо майя имеет «очевидный смешанный характер» [12], поскольку одинаковые знаки могут обозначать совершенно разные вещи. Существуют целые иероглифические блоки, стоящие посреди текста из цифр, а также каламбуры, «предлагающие многочисленные варианты прочтений, смысл которых указывает на самые разные направления» [13]. Кроме того, имеются шрифтовые элементы разного размера, «которые складываются и сливаются в новые единицы различных размеров».

То, что сегодня создает столь серьезные трудности для исследования, было изначально сделано преднамеренно: священные книги как своего рода тайный код предназначались только для жрецов и посвященных; таинственные символы лишали простой народ доступа в мистический лабиринт письма. К тому же в каждом городе, на каждой родовой территории были иные языковые и графические формы, своего рода диалекты.

Надписи, которыми мы располагаем, перемежаются многочисленными рисунками, которые — хотелось бы думать — дополняют и поясняют текст. Все, что справедливо для кодексов, касается и более чем 1000 иероглифических текстов, найденных в 110 местах [14]. Все храмы покрыты символами и рисунками. Попытки связать их между собой потерпели неудачу, поскольку рисунки майя не являются четкими идеограммами, когда рисунки означают слово: «солнце» обозначает солнце, «человек» — человека, «пламя» — огонь. В стародавние времена владевшие письменностью майя совсем не искали четкости и простоты: они мыслили весьма метафорично и записывали свои мысли в виде трудно воспроизводимых шифровок, например рисунок мертвого оленя обозначал «засуху», а пламя — «идею». Ну кто может в этом разобраться?

Удивляет изобретательность майя в создании барьеров для предотвращения легкого понимания их письма. Обычно иероглифический блок начинается с так называемого вводного глифа, который можно сравнить с буквицей — огромной начальной буквой, украшенной витиеватым орнаментом и завитушками. Можно было бы думать, что читать следует слева направо. Майя поступали замысловатей. Они размещали знаки слева направо, а также сверху вниз, а иногда глифы в расположенных рядом колонках следует читать попарно. Буквица лишь сигнализирует: «начинать читать здесь!», ту же функцию выполняют и вводные глифы, но они приводят в замешательство своим исполнением, которое вовсе не является орнаментом. Иногда они имеют четкую геометрическую форму, потом вдруг становятся многозначно абстрактными,

на них может появиться птица или другое животное, иногда голова человека, а затем мифологическое чудовище.

Без изобретения машины времени, которая позволит нам унести в то время, когда ученые майя изобрели письменность, мы никогда не догадаемся, какой смысл они вкладывали в свои картинки-загадки.

«В ограниченнн виден мастер», — сказал Гете. Нам приходится ограничиваться тем немногим, что считается известным на сегодня, но и это весьма фантастично.

Одиннадцать листов *Дрезденского кодекса* содержат астрономические сведения о Венере. Из длинных рядов цифр и дат следует, что согласно расчетам майя венерианский год составляет 583,92 дня; правда, они округлили дробное число до 584 дней, но каждые пару десятилетий учитывали накапливающуюся погрешность. Древние индейские астрономы манипулировали удивительными единицами в 18 980 дней, которые соответствовали их историческому ритму из 52 лет по 365 дней. Эту сумму они делили на 73 и подставляли тысячелетия венерианского цикла в численную композицию, которая в графическом виде давала пентаграмму — пятиконечную звезду [15].

Два листа посвящены орбите Марса, четыре — Юпитера, даже его спутники не были обойдены вниманием. Восемь листов посвящены преимущественно Луне, Меркурию, Юпитеру, Сатурну и Венере, в точном расчете не пропущены также Полярная звезда, созвездия Ориона, Близнецов и Плеяд, в нем учтены даже кометы [16].

В астрономических таблицах описываются не только орбиты планет! Путем сложных расчетов в них сопоставлено взаимное положение планет между собой и даже их положения относительно Земли [17]. Существуют периоды годов Меркурия, Венеры, Земли и Марса продолжительностью 135 200 дней. Поистине астрономические числа в 400 млн лет древних астрономов не пугали.

Изложенная в *Дрезденском кодексе* астрономия майя представляет много загадок. На многих листах сообщается о битвах между планетами [18], а на семи листах так называемых таблиц затмений можно увидеть каждое затмение прошлого и каждое затмение будущего. В 1937 г. известный немецкий профессор Герберт Ноль-Хузум писал в «Журнале этнологии»:

«Таблица затмений составлена настолько гениально, что за сотни лет каждое отдельное вообще возможное на данной территории затмение, а, кроме того, любое другое невидимое, теоретическое затмение можно установить с точностью до одного дня и прочесть о них» [19].

Некоторые исследователи слушают все это с неудовольствием. Как мог народ, который приносил людей в жертву даже при игре в мяч, иметь науку, далеко опережавшую свое время? Откуда «дикари» получили свои фантастические знания? Кто научил их вычислять орбиты планет? Какой дух внушил им, что небесные тела движутся относительно друг друга в поддающейся исчислению корреляции? Когда Марс находится в точке X, где тогда находится Венера по отношению к Юпитеру? Индейцам майя это было известно. Откуда?

Из продолжавшихся сотни лет наблюдений, от маниакального стремления создать совершенный календарь, от своеобразной страсти к математике, отвечают археологи.

Само собой разумеется, что людей каменного века завораживали светящиеся точки на небе. Можно согласиться и с тем, что жрецы и астрономы майя делали отметки на камнях или коре деревьев о восходе и заходе ярких звезд. Накопленный за столетия опыт, передававшийся из поколения в поколение, вполне мог вылиться в астрономические таблицы.

«Только тут, вот незадача, получилось все иначе», — срифмовал Вильгельм Буш.

Майя жили на территории, которая в метеорологическом отношении никоим образом не была пригодна для постоянных наблюдений за небесными объектами. От влажных лесов поднимался туман, который все покрывал пеленой. Плотные тропические тучи не менее шести месяцев в году закрывали небосвод. Астрономам же для подтверждения, что мир по утрам и вечерам находится в порядке, требуется регулярно наблюдать восход и заход определенных небесных тел. Первое условие при этом — хорошая видимость. Но для такого подтверждения *en gros et en detail*^[10] астрономам майя нужны были не только Солнце и Луна, но еще и планеты.

При наблюдении с Земли не так-то просто включить планеты в закономерности годового звездного календаря: поскольку сама Земля движется вокруг Солнца по эллиптической орбите, а другие планеты тоже не стоят неподвижно, всякое наблюдение связано со сдвигом во времени. Что касается Венеры, то она появляется в одной и той же конфигурации один раз в восемь лет, Юпитер — раз в двенадцать лет. В *Дрезденском кодексе* приведены астрономические исходные точки, которые повторяются один раз за 6000 (!) лет. С помощью каких чертовских уловок майя пришли к точным расчетам, охватывающим тысячелетия?

Даже в свободомыслящей классической Греции, богатой блестящими математиками и гениальными философами, считалось кощунством утверждать, что Земля движется вокруг Солнца. Анаксагор (около 500–428 г. до н. э.) был обвинен в безбожии и выслан из своего родного города, когда объявил, что Солнце представляет собой раскаленный камень [20]. Птолемей Александрийский (около 90—160 г.), располагавший данными наблюдений за небесными объектами в Египте и Вавилоне за несколько сотен лет, ставил Землю в центр своей системы мира, пока ему не возразил Николай Коперник (1473–1543): он выдвинул в качестве исходного положение, что Солнце образует центр круговых орбит планет. Его основной труд *«De revolutionibus orbium coelestium»* («Об обращениях небесных сфер») вышел в свет в год смерти астронома. Коперник посвятил книгу папе Павлу III, но, тем не менее, она попала в индекс книг, запрещенных католической церковью. Опираясь на идею Коперника, Джордано Бруно (1548–1600) осмелился объявить о единой системе мира. После семилетнего заточения судьбы инквизиции оправили философа и астронома на костер. Тихо Браге (1546–1601), которому датский король Фредерик II на острове Вен построил астрономическую обсерваторию, был самым крупным астрономом-наблюдателем до изобретения телескопа. Со своими сотрудниками он занимался прежде всего наблюдениями за Марсом невооруженным глазом, которые послужили основой для научных выводов его преемника Иоганна Кеплера об орбитах планет. Коперниковской системе мира Браге противопоставил свою точку зрения, что Солнце и Луна вращаются вокруг Земли, которая находится в центре.

И только Иоганн Кеплер (1571–1630) усовершенствовал коперниковскую систему мира в соответствии с законами планетарного движения, названными позднее его именем, которые опровергли гипотезу, что орбиты планет должны быть круговыми. Придворный математик Галилео Галилей (1564–1642) в собственной оптической мастерской сконструировал для астрономических наблюдений телескоп. С его помощью он увидел горы на поверхности Луны, изобилие звезд на Млечном пути, фазы Венеры, спутники Юпитера и пятна на Солнце. Галилей с таким рвением выступал во Флоренции за систему Коперника, что церковь — по воле которой Земля должна была оставаться центром мироздания — в 1633 г. привлекла его к суду. Галилей был вынужден поклясться, что не будет распространять свои научные выводы ни в устной, ни в письменной форме.

Бросаются в глаза два обстоятельства: великие астрономы могли руководствоваться опытом и результатами... и все же не всегда приходили к безошибочным выводам.

Кажется, что майя с самого начала обладали точными астрономическими знаниями, словно таблицы с данными и вычислениями орбит наших планет свалились им с неба уже готовыми!

Можно ли вообще поверить, что майя знали орбиту Земли вокруг Солнца с четырьмя цифрами после запятой — 365,2421 дня! Эта цифра точнее, чем по нашему григорианскому календарю, который оперирует с 365,2425 дня. При расчетах на компьютерах современный период обращения получается равным 365,2422 дня.

Майя с непостижимой точностью обращались с гигантскими циклами в 374 440 лет. Данные орбиты Венеры были известны им с такой точностью, что за столетие они расходились менее чем на полчаса, а за 6000 лет всего на один день.

В этой связи британский астроном профессор Майкл Роуэн-Робинсон констатирует: «Подобные соответствия достигнуты в западной астрономии только в последнее время» [21].

А американский археолог Сильванус Грисвольд Морли (1883–1948), который много лет занимался исследованиями Юкатана, обнаружил город майя Уаксактун и руководил раскопками в Чичен-Ица, отмечал:

«Каждую дату своей хронологии древние майя умели определять с такой точностью, что повторение происходило лишь через 374 440 лет — это интеллектуальный подвиг для всякой хронологической системы древнего или современного происхождения» [22].

Видимо, во времена возникновения майя было нечто неизвестное. С помощью одних только расчетов нельзя определить, что каждые 6000 лет орбиту Венеры следует «перевести» на один день назад. Расчеты возникают не на пустом месте, они являются результатом предыдущих наблюдений. Собственно говоря, трудно представить, сколько потребовалось поколений с абсолютно безошибочной передачей данных, чтобы с полной достоверностью получить результат, что каждые 100 лет орбиту Венеры следовало корректировать на полчаса.

Ныне для подобных расчетов могут потребоваться несколько лет, считают астрономы. Такое возможно в оснащенных самой современной электроникой обсерваториях, которые к тому же располагаются на большой высоте в специально выбранных местах с чистой, всегда безоблачной атмосферой, но отнюдь не в джунглях! Глупо, но то и дело приходится повторять, что у майя не было измерительных приборов и радиотелескопов, этот народ жил в каменном веке и даже не знал металла.

«Ничего подобного! — раздается голос с сияющих высот башни из слоновой кости. — У астрономов и жрецов майя было бесконечно много времени, они могли сидеть на вершинах крутых ступенчатых пирамид, предположительно, скрестив ноги и уставившись вверх. Поэтому оттуда им не составляло труда вычислять углы орбит планет». Это говорят люди, которые 11x17 умножают на калькуляторе! И металл им был известен, в конце концов, найдены золотые фигурки.

Постойте, уважаемые друзья-оппоненты! Высокие ступенчатые пирамиды были построены уже *потом*, когда существовали расчеты для календаря, ведь пирамиды майя были ориентированы главным образом по календарным датам.

И золото было обнаружено в более позднюю эпоху! Грандиозные пирамиды, храмы и города все без исключения были построены «первобытным» народом каменного века.

Сколько же поколений жрецов и астрономов должны были проторчать на вершинах пирамид, прежде чем они спустились вниз с данными орбиты Венеры в руках?

Джон Эрик Сидней Томпсон (1898 г.), известнейший в мире исследователь майя, посвятивший свою жизнь изучению календаря и хронологии майя и проводивший полевые археологические работы на территории их проживания, придерживался той точки зрения, что данные об орбитах опираются на наблюдения в течение сотен лет:

«За восемьсот лет существуют только пять нижних соединений^[11] Венеры, и потому жрец-астроном за тридцать лет своей зрелости — майя не были долгожителями — при благоприятных условиях мог наблюдать примерно двадцать гелиакических^[12] восходов. В действительности из-за плохой погоды их число могло сократиться примерно до десяти. Кроме того, майя устанавливали гелиакические восходы через четыре дня после нижнего соединения, и нужно было иметь очень острое зрение, чтобы разглядеть планету, когда она так близко от Солнца. Если на четвертый день наблюдатель не обнаруживал планету, его наблюдения могли разниться на один день. Он должен был также вычислять отклонение планеты от среднего значения в 584 дня между гелиакическими восходами и учитывать его.

В таких неблагоприятных условиях необходима была работа многих поколений наблюдателей, чтобы достичь предельной точности майя — отклонения всего на один день за более чем 6000 лет!» [23].

В 1949 г. профессор Роберт Хензелинг шокировал своих коллег статьей о возрасте астрономии майя [24]. Хензелинг констатировал:

1. Астрономические и хронологические знания майя можно было получить за относительно непродолжительное время только в том случае, «если в дополнение к ясному пониманию периодичности видимого движения Солнца, Луны, планет и звездного неба применялись точные методы для измерения малых углов и малых долей времени».

2. Следует признать невозможным, чтобы майя были знакомы с приборами и методами, посредством которых они могли бы проводить угловые измерения с необходимой точностью.

3. «Напротив, не подлежит сомнению, что астрономам майя было достоверно известно положение светил, существовавшее тысячи лет назад, по их виду и дате».

4. «Это было бы непонятно, если бы в то давно прошедшее время, т. е. за тысячи лет до начала нашей эры, соответствующие наблюдения не были бы **произведены где-то кем-то и надежным образом переданы будущим поколениям**».

5. «Такие достижения и такая воля передать будущим поколениям непременно предполагают, что **уже в то давно прошедшее время произошло очень длительное развитие**». Хензелинг делает вывод, что астрономию майя можно однозначно отсчитать в обратном направлении до **«первоначальной нулевой даты»**, уходящей в девятое тысячелетие до нашей эры — ровно к началу июня 8498 г. до н. э.

Со времени заявления Хензелинга прошло больше 30 лет, и ученые проверили расчеты. Сегодня они единодушно пришли к мнению, что мифическую нулевую дату следует назначить на 11 августа 3114 г. до н. э.

Что же произошло в этот день?

И почему то, что произошло, случилось именно 11 августа 3114 г. до н. э.?

Чтобы развеять туман над более чем пяти тысячелетним прошлым, нам следует заняться календарем майя и внимательно его рассмотреть.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ 11 АВГУСТА 3114 Г. ДО Н. Э.?

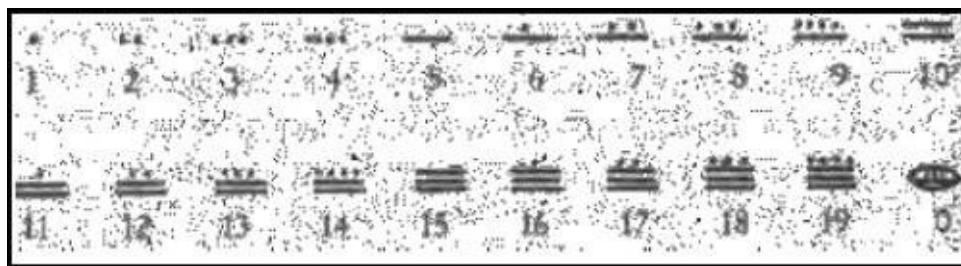
Истина никогда не торжествует, просто вымирают ее противники.

Макс Планк (1858–1947)

Колеса времени — День, когда появились боги? — Игра с миллионами и миллиардами — Любопытный эпизод — Гениальная идея доктора С. Кислинга — Серьезные игры майя в цифры — Переполненное ничейное пространство — Апокалипсис сегодня! — Профессор Папагианнис указывает верный след — Несмолкающие вопросы

На нити Ариадны в лабиринте зловещих знаний майя до сих пор много узелков из незнакомых названий местностей, городов, богов и древних хроник. Чтобы добраться до самого удивительного, самого непостижимого, нам потребуется обращаться с головокружительными числами. Несколько лет тому назад, когда я начал заниматься этим материалом, от меня это потребовало таких же усилий, которых я теперь ожидаю от вас, мои читатели. Поэтому я прошу читать медленно и за это обещаю, что нить рассуждений приведет к свету потрясающих научных выводов.

Система счисления майя начинается довольно просто: единицу они обозначали точкой, двойку — двумя точками и так далее. Пятерку они обозначали поперечной черточкой, шестерку — черточкой с точкой сверху, от семерки до девятки они ставили две, три, четыре точки над черточкой, десятка имела две черточки, а пятнадцать — три черточки. От одиннадцати до четырнадцати и от шестнадцати до девятнадцати они опять-таки ставили от одной до четырех точек соответственно над двумя и тремя черточками. Нуль обозначался стилизованной улиткой. Это похоже на азбуку Морзе (т. е. быстро записывается) и выглядит следующим образом:

Если бы дальше все продолжалось в том же духе, мне не пришлось бы предупреждать вас о трудностях. Однако ничего из наследия майя не является таким легким для понимания, как нам бы хотелось, а их высшая математика и подавно. Наряду с простыми рядами чисел в виде азбуки Морзе они создали сотни цифровых глифов из голов богов, каждая из которых обозначала определенное числовое значение. Эту запутанную часть арифметики майя могут понять лишь специалисты после многолетнего изучения, мы — благодарение Кукулькану! — можем забыть о ней в этом рассмотрении.

Мы считаем в десятичной системе, берущей свое начало от наших десяти пальцев. Майя оперировали двадцатеричной, вигезимальной (лат. *vigesimus* — двадцатый) системой счисления.

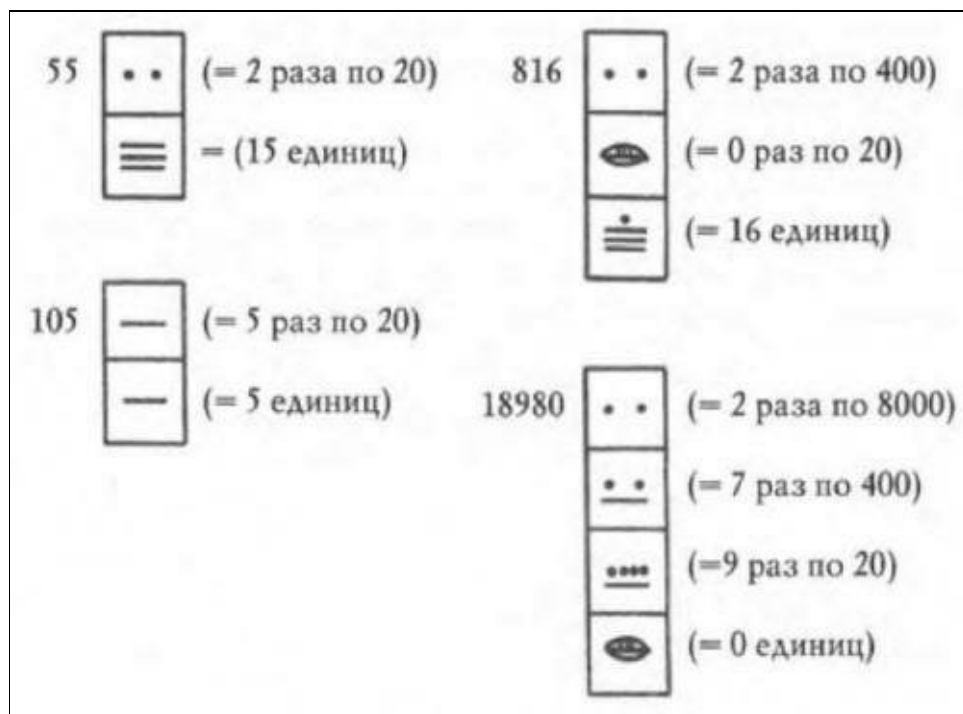
И тут становится очевидной первая сложность. Если мы в нашей десятичной системе после «1» поставим «0», то получим 10, два нуля — 100 и так далее в степени десяти. У майя нуль после единицы не давал «10». Для майя «0» после «1» означал именно то, что написано: «1» и «0», или единицу и ничто.

Наши числа возрастают справа налево, каждый следующий разряд числа в ряду выражает более высокую степень десяти. 4327 означает: семь единиц, две десятки, три сотни, четыре тысячи. И здесь возникает следующая трудность: майя писали свои цифры вертикальными колонками снизу вверх, при чем с каждым уровнем значение возрастало на степень двадцати. Это имело такой вид:

64000000
3200000
160000
8000
400
20
1

Получилось слишком много? Совсем нет, потому что существует запись числа 1280000000.

«19» записывали таким образом , но как записать «20»? В нижней части столбца майя отмечали нуль, он обозначал «ноль единиц», в следующей, расположенной выше части столбца стояла единица для «двадцатки». Таким образом, число «40» будет обозначаться нулем в нижней части столбца и двумя точками в следующей части для «дважды двадцать». Уясним себе это на четырех примерах:

Такая форма записи проще всего, что родилось в Старом Свете. Ни римляне, ни греки не знали значения «0». Римляне записывали числа буквами, 1848 обозначалось как MDCCCXLVIII. Такие ряды букв нельзя было записывать столбиком, а затем складывать, их нельзя было делить или умножать. Для таких арифметических действий не хватало гениального в своей простоте нуля, который незаменим как в десятичной, так и в вигезимальной системе счисления. Европейцы переняли нуль около 700 г. от арабов, которые обязаны возникновению этого

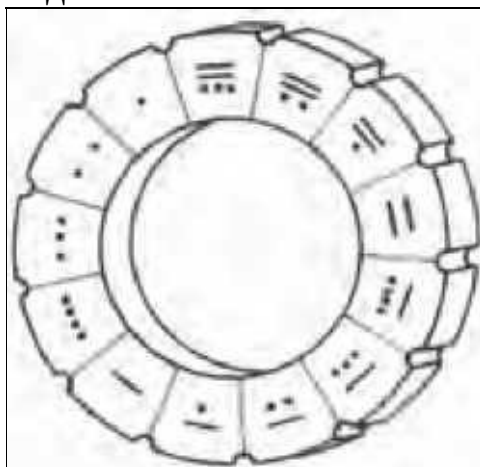
понятия индусам, а те, по их словам, научились искусству вычислений от «богов».

Насколько проста для понимания система счисления, настолько же сложно понять календарь майя. Он был страстью древних индейцев, ибо они «были одержимы идеей измеримости времени» [1].

Календарь регламентировал жизнь майя до мельчайших подробностей их существования. Он определял религиозные праздники, задавал координаты их огромных сооружений, предопределял детали их будущего. Календарь упорядочивал протекание постоянно повторяющихся событий и обеспечивал связь с космосом.

Наименьшей единицей календаря был месяц из 13 дней.

Мы попытаемся подступиться к этой тайне с помощью визуальных вспомогательных средств. Итак, представим себе месяц майя как маленькое зубчатое колесо с 13 зубьями, на которых выгравированы цифры от 1 до 13:

В году было 20 таких 13-дневных месяцев, и каждый месяц был назван именем бога.

1. Имниш	11. Чуэн
2. Ик'	12. Эб
3. Ак'баль	13. Бен
4. К'ан	14. Иш
5. Чикчан	15. Мен
6. Кими	16. Киб
7. Маник'	17. Кабан
8. Ламат	18. Эсанаб
9. Мулук	19. Кавак
10. Ок	20. Ахау

Для 20 месяцев предназначено большое зубчатое колесо с 20 зубьями, снабженными именами из этого списка.

далее.

Когда малое колесо в положении «13» совпадает с «Бен», следуют 12 дальнейших оборотов, опять начиная с 1/Имиш. Большое зубчатое колесо со своими 20 названиями совершает следующие 19 оборотов; после 13/Бен следуют 1,/Иш, 2/Мен, 3/Киб...

В целом 13 оборотов дают 260-дневный цикл, который майя называли *цолкин*. *Цолкин* — это священный год, год богов, в который происходили все религиозные ритуалы. До сих пор не удалось установить, каким образом майя пришли к 260-дневному циклу.

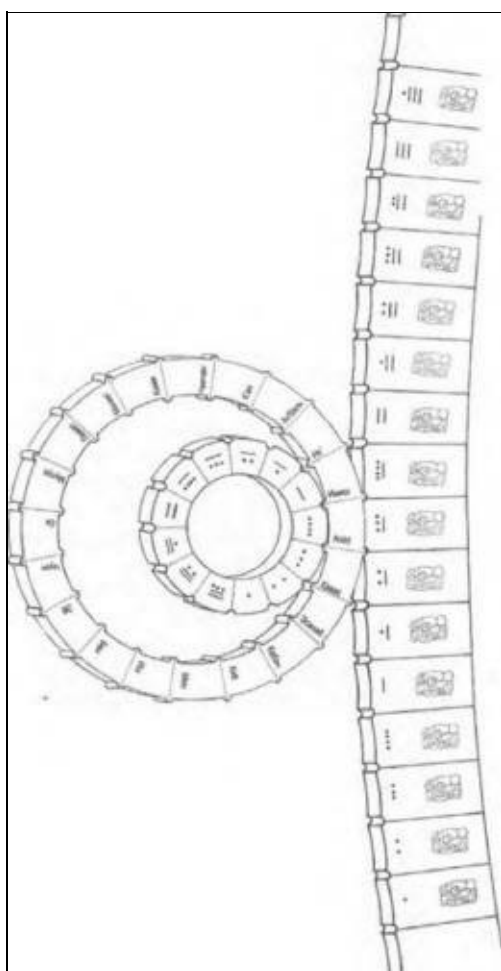
Поскольку *цолкин* предлагал исключительно религиозные даты и не давал никаких указаний для времен года и тем самым для земледелия, майя пользовались вторым календарем, *хааб*.

Хааб был поделен на 18 месяцев по 20 дней плюс период из пяти дней: $360 + 5 = 365$ дней. Как и в *цолкине*, месяцы *хааба* носили имена богов — забавно звучат они для нашего слуха: Имиш, Ик', К'ан, Ок, Эб, Бен...

Наши два зубчатых колеса следует дополнить третьим колесом, колесом *хааба*, имеющим 365 зубьев. Они, как в зубчатой передаче, входят в зацепление с колесом *цолкина*.

Когда вращается большое колесо времени, получается, что такой же самый по названию день может повториться лишь один раз за 18 980 дней. Почему?

Дата, изображенная на наших зубчатых колесах, читается следующим образом:

4 Ахау (название месяца *цолкина*) 8 Кумху (название месяца *хааба*). Следующий день назывался бы:

5 Имиш 9 Кумху, идущий за ним — 6 Ик 10 Кумху и т. д. Требуются 18 980 положений зубчатых колес, пока совершат полный оборот все три колеса. — Деление этих 18 980 дней на 365 дает 52 года — календарный цикл майя! Божественный год *цолкин* состоял из 260 дней.

Если 18 980 разделить на 260, получится число 73. Это значит: календарный цикл мая из 52 земных лет или 73 божественных лет из 260 дней. В науке для этого периода введено понятие «календарный круг», отметка, определяющая жизнь маяя.

В действительности календарь маяя сложнее, чем эта попытка упрощенного объяснения. Маяя с непостижимой точностью была известна орбита Земли вокруг Солнца с продолжительностью года 365,242129 дня; они знали, что год длится дольше, чем ровно 365 дней, и что их календарь через каждые пару лет становился неточным и требовал корректировки.

Такие отклонения в нашем григорианском календаре мы исправляем каждые четыре года с помощью високосного года, который имеет 29 февраля, что позволяет рожденным в этот досадный день лишь один раз в четыре года отмечать свой настоящий день рождения.

Маяя приводили в порядок свой календарь не таким простым способом! Следуя запутанным математическим вычислениям, каждые 52 года они добавляли 13 дней, чтобы потом через каждые 3172 года отнять 25 дней. Это имело смысл, поскольку их календарь был самым точным в мире: он минимально отклонялся от астрономически вычисленной длины орбиты Земли вокруг Солнца. Для сравнения:

юлианский календарь

(действовал до 1582 г.) 365,250000 дня

григорианский календарь

(действует с 1582 г.) 365,242500 дня

календарь маяя 365,242129 дня

абсолютный астрономический расчет 365,242 198 дня

Однако календарь имеет смысл только в том случае, если начинается с определенной исходной даты. Нулевой датой нашего календаря, календаря западного мира, служит год рождения Иисуса Христа. Мусульмане ведут отсчет от переселения Мохаммеда из Мекки в Медину (622). Древние персы считали «от начала мира». Но где же исходная дата, с которой начался удивительный календарь маяя?

Этот вопрос лишил сна целые поколения исследователей. Договорились лишь о том, что отсчет начался с судьбоносного начального глифа 4 Ахау 8 Кумху, поскольку он, как мы знаем, повторяясь каждые 52 года, стоит в начале всех календарных расчетов. Но куда отнести эту дату — 4 Ахау 8 Кумху?

До 1972 г. было не менее 16 различных предположений о нулевой дате. Проводились расчеты, даже с применением компьютеров, чтобы выяснить соответствие дат календаря маяя определенным датам нашего летосчисления. Впрочем, спор среди ученых о нулевой дате по-прежнему продолжается.

Профессор Роберт Хензеллинг [2] поставил нулевую точку на начало июня 8498 г. до н. э., его коллега Арност Диттрих [3] посредством алгебраических уравнений пришел к нескольким возможностям, которые, однако, все приходятся примерно на 3000 г. до н. э. Всемирно известный специалист по маяя профессор Герберт Дж. Спинден вел язвительную дискуссию со своим не менее знаменитым коллегой Джоном Э. С. Томпсоном: Спинден считал нулевой датой 14 октября 3373 г. до н. э., тогда как Томпсон полагал, что она имела место на 260 лет позже, 11 августа 3114 г. до н. э. Майяистика обычно исходила из даты Томпсона, но тут в спор вмешался Э. Л. Воллмер. Он уведомил о противоречии и заявил, что нулевая дата четко приходится на 16 сентября 3606 г. до н. э. Как видите, предположения с 8000 г. до 3000 г. до н. э. охватывают отрезок в 5000 лет, и спорщики едины лишь в одном: ни в одну из выбранных нулевых дат самих маяя не было. Так почему маяя, наследники неизвестного прошлого, отнесли твердое начало для своего календаря на столь давние времена? Видимо, для их самых дальних предков в «час нуль»

случилось нечто невероятно важное.

До сих пор в мире не появлялся календарь, для начала которого его создатели установили бы вымышленный день. Однако именно в этом всезнающие ученые подозревают майя. Между предположениями археологов и началом календаря зияет глубокая и, кажется, непреодолимая пропасть. Почему же начало календаря майя отделяют от настоящей эпохи майя тысячи лет? Кто определил исходную дату? И о чем она извещала? Не был ли это день, когда появились боги?

Давайте вспомним трехколесную зубчатую передачу из счетного механизма с колесом *цолкина* и колесом *хааба*, с помощью которого получился календарный круг из 18 980 дней, или 52 земных лет.

Теперь, чтобы достичь окончательной ясности, добавим четвертое зубчатое колесо, начальный зуб которого входит в зацепление с нулевой датой 4 Ахау 8 Кумху. Специалисты называют четвертое зубчатое колесо *Long-count*, долгий счет, и это точное определение, потому что вследствие вращения всех четырех зубчатых колес получаются циклы из миллионов и миллиардов лет. Вот перечень майяских циклов: 1 кин = 1 день

1 униаль = 20 дней

1 тун = 360 дней

1 катун = 7200 дней (= 20 тунов)

1 бактун = 144 000 дней (= 20 катунов)

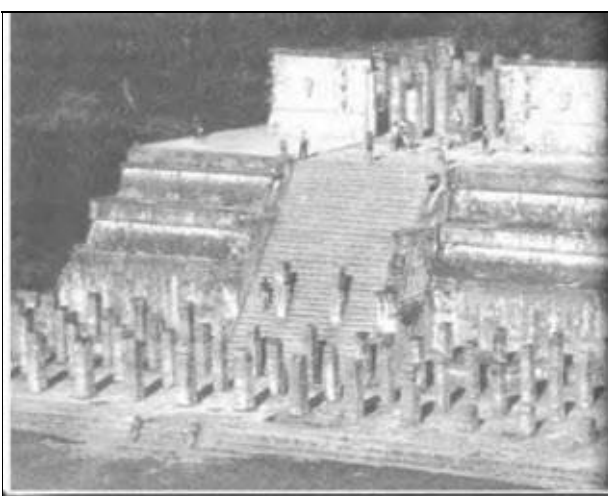
1 пиктун = 2 880 000 дней (= 20 бактунов)

1 калабтун = 57 600 000 дней (= 20 пиктунов)

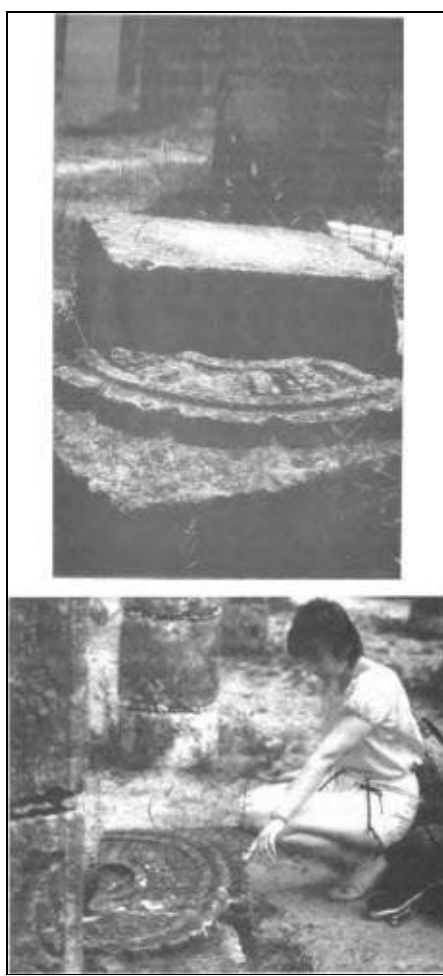
Странные временные интервалы? Конечно, но майя обращались с еще большими числами: один кинчилтун соответствовал 3 200 000 тунов, один алаутун — 64 000 000 тунов, а это ни много ни мало 23 040 000 000 дней, или 64 109 589 лет — невообразимые цифры, с которыми майя действительно могли производить вычисления. Некоторые надписи уходят на 40000000 лет назад. Американского археолога Сильвануса Грисвольда Морли (1883–1948), который исследовал Юкатан и открыл город Уаксактун в Мексике, восхищают эти знания [5]:

«Каждую дату своей хронологии древние майя умели определять с такой точностью, что повторение происходило лишь через 374 440 лет — это интеллектуальный подвиг для всякой хронологической системы древнего или современного происхождения» [22].

Но как среди гигантских календарных циклов можно выбрать один определенный день? Это позволяют «колеса времени», потому что каждый день на протяжении 374440 лет имел собственное обозначение, и так для 136 656000 дней!

Храм тысячи колонн в Чичен-Ице

Эти колеса найдены возле Храма тысячи колонн; видимо, они были частью календаря майя

Мой земляк, отмеченный высокими наградами ученый Рафаэль Жирар, посвятивший себя изучению майя и живший среди индейцев, констатирует:

«В области математики, хронологии и астрономии майя превосходили не только все народы Америки, но и все цивилизации Старого Света» [6].

Данные исследований совпадают с высказываниями Белого Медведя, мудрого судьи индейцев племени хопи из Аризоны: время имело для майя значение вечности. Они не только умели точно определять моменты событий прошлого, находящиеся в глубинах темного колодца древности, но и вращали в будущее колеса времени с измеримыми датами. Такими — лежащими далеко в будущем — событиями были для майя возвращение бога Кукулькана, а для ацтеков — возвращение бога Кецалькоатля.

Интервал от начала прошлого — в котором еще не было майя — до зафиксированной наукой эпохи их существования охватывает, согласно точному календарю, миллионы лет. Нет ответа на вопрос, почему майя вели расчеты, мыслили и планировали в таких масштабах. Для повседневной жизни, например для земледелия, их непрерывный календарь был непригоден. Поток времени без начала и конца имел значение только в том случае, если циклы фиксировали даты событий, которые могли повторяться на протяжении тысяч и сотен тысяч лет, а потому должны были удерживаться в памяти посредством календаря. По-моему, только в этом аспекте календарные циклы, вызывающие всеобщее удивление и восхищение, приобретают хоть какой-то смысл.

В моей почте попало письмо, датированное 15 марта 1981 г. Напичканное цифрами, оно

вполне вписывалось в мою жизнь, переполненную числами мая [7]. Отправитель — доктор С. Кислинг, Аахен. «Может представлять интерес!» — написал на полях мой секретарь. Неизвестный мне господин Кислинг сообщал, что он несколько лет прожил среди индейцев Перу и «с научной точки зрения обстоятельно занимался так называемым календарем мая». Далее следовали сведения из *цолкина* и *хааба*, которые мы уже рассмотрели.

До этого прохладного мартовского дня 1981 г. у меня не было основательных знаний о календаре мая. Мое внимание привлекла заключительная фраза письма: «Изучение календаря, которое не понимает, какой математический смысл заложен в комбинации двух календарей, нельзя, мягко говоря, считать научным».

Доктор Кислинг не подозревал, что его письмо натворило в моем мозгу. За два десятка лет у меня развился нюх на разумные объяснения, даже если ученые мудрецы считают их (пока) ненаучными. Я обратился к кипам литературы о мая, громоздившимся вокруг меня, чтобы для начала проверить цифры в письме. Все показалось вполне разумным. Я отправил в Аахен послание с двумя вопроса: кто вы? Почему вы сами не публикуете свой сенсационный материал? Ответ [8] пришел быстро:

«Благодарю Вас за письмо от 24 марта 1981 г. Будучи скучным ученым, я не умею писать общедоступно, поскольку ожидаю от читателей слишком широкой общей эрудиции. Кроме того, я устал от необходимости снова и снова дискутировать с высокомерной и невежественной схоластической наукой... Поэтому в приложении я передаю Вам несколько фотокопий одного из моих черновиков, в котором содержатся некоторые результаты исследований по доисторическим культурам на Земле. Содержание черновиков находится в Вашем полном распоряжении. Вообще Ваша манера писать доходчивее моей. Перечисленные в черновике пункты научно обоснованы, в любой момент их можно перепроверить... Прилагаемые черновые материалы бесплатны».

О самом докторе Кислинге я узнал, что он изучал химию и металлургию и еще во время учебы в Дрездене наткнулся на *Дрезденский кодекс*: «Оказалось, что мир мая намного интереснее, чем изучение химии!» Перед Второй мировой войной он эмигрировал в Гватемалу; там американский археолог Дж. Бадж приобщил его к культуре мая. Помимо профессиональной деятельности, Кислинга всегда влекло в Центральную Америку.

И вот я сидел перед результатами его страстного исследования, мне предстояло изложить сложное с максимальной простотой — трудная задача!

Цолкин и *хааб* вместе дают календарный круг из 18 980 дней, или 52 земных лет. Колесо *цолкина* с зубцами только для 260 дней меньше колеса *хааба* с его 365 зубцами для 365 дней. Следовательно, колесо *хааба* совершает за 52 года только 52 оборота, тогда как колесо *цолкина*, чтобы оставаться в цикле, должно обернуться 73 раза. Однако за это время каждое колесо выполняет свое плановое задание:

$$52 \cdot 365 = 18\,980 \text{ дней} \quad 73 \cdot 260 = 18\,980 \text{ дней}$$

Цолкин был ритуальным календарем, календарем богов, не имевшим какого-либо практического значения: 73 года богов соответствовали 52 земным годам.

В течение этих 52 лет, согласно расшифрованным глифам мая, боги со сложными именами появлялись на небосводе десять раз, и каждые 52 года люди боялись возвращения этих «ужасных созданий» [9]. Если за 52 года (= 18 980 дней) боги были видны на небосводе десять раз, то, следуя логике, за 5,2 года (= 1898 дней) они появлялись один раз. Доктор Кислинг спросил себя: что же появлялось на небе один раз каждые 5,2 года (или 1898 дней)? Комета?

Космический корабль? Планета богов Венера? Любопытный исследователь проверил данные орбит планет Солнечной системы и сделал поразительный вывод:

Вращение	планет вокруг Солнца	
В земных днях	В земных годах	
Меркурий	88	0,24
Венера	225	0,62
Земля	365	1,00
Марс	687	1,88
Планета X	1898	5,20
Юпитер	4329	11,86

При взгляде на карту Солнечной системы сразу бросается в глаза большая брешь, зияющая между Марсом и Юпитером.

Там огромная группа малых планет, называемых астероидами и различимых лишь в телескоп, движется по кеплеровским орбитам вокруг Солнца. Предположим, что эти астероиды являются обломками бывшей планеты, тогда эта планета в своем «собранном» виде оборачивалась бы вокруг Солнца один раз за 1898 дней = 5,2 года!

Если подходить к вопросу таким образом, то комбинация *цолкина*, календаря богов, и земного календаря *хааб* давала совсем не случайное число, а число, которое определяло точную орбиту планеты X. Эта комбинация давала не только такое определение: увеличившись в десять раз до 18 980 дней (= 52 года), она фиксировала некое идеальное положение планеты X относительно Земли. В этот фиксированный день простые смертные боялись наказания со стороны богов. По этой причине перед окончанием календарного цикла майя всегда охватывал большой страх. По этой причине каждые 52 года за небом наблюдали с особым страхом и вниманием, ожидая появления богов Кукулькана или Кецалькоатля. Совпадение дат по божественному *цолкину* и земному *хаабу* на 18980-й день предвещало опасность. Мне припомнят, что я говорил о десятикратном увеличении, а майя не знали такого понятия, поскольку считали в двадцатеричной системе. Конечно, майя не писали цифры 18 980, они строили свои колонки цифр: это *целое число* давало тот же результат, оно тоже показывало десятикратное появление богов на небе.

Большое спасибо, доктор Кислинг!

Десятилетиями в кругах археологов муссируется вопрос: как «дикие» индейцы додумались до своего календаря богов в 260 дней? Что должно было означать это магическое число *цолкина*. «Вероятно, оно должно символизировать контакт неба и человека», — предполагает профессор Вильгельми в своем труде «*Мир и среда майя*». Число говорит именно об этом, и более того: 260

дней *цолкина* состояли из 20 месяцев по 13 дней. «20» — основное число у майя. «20» на языке майя звучит как *уник*, это же слово означает *человек*. Божественные наставники, которым индейцы обязаны своими необычайными математическими знаниями, могли обучать их до гениального простым способом: для человека (*уник*) основой счета была двадцатиричная система (*уник*) потому, что он мог практиковать ее на десяти пальцах рук и десяти пальцах ног своего тела.

Планеты Марс и Венера отлично вписываются в божественный календарь с 260 днями: синодический период^[13] Марса длится 780 дней, или три календарных цикла по 260 дней! Синодический период обращения Венеры занимает 584 дня. Майя, конечно, задавали себе вопрос, сколько оборотов должна была совершить Венера, чтобы снова появиться в виде утренней звезды. Наименьший коэффициент равен 4. Такой расчет произвел самый знаменитый в мире ученый в этой области сэр Джон Эрик Томпсон [6]:

«584 разделить на 4 будет 146, а 146 умножить на 260 будет 37960. Таким образом, боги Венеры и боги 260-дневных циклов через 37 960 дней достигают по ходу времени одного и того же места отдыха, что составляет 65 обращений Венеры и 146 циклов из 260 дней».

37960 означало для майя священное число в механизме времени. Ведь после 37960 дней боги, совершив долгое путешествие, достигали «места для большого отдыха» — деление 37 960 на 1898 (количество дней периода обращения планеты X) дает основное число 20. Почему майя так усложнили себе жизнь, оперируя двумя параллельными календарями? Достаточно было бы 365-дневного календаря (*хааб*), касающегося их земного существования. Если из древних источников или в результате наблюдений за небесными объектами в течение сотен лет им стало бы известно, что каждые 52 года боги были ближе всего к Земле, им, вероятно, не был бы нужен отдельный божественный календарь (*цолкин*) с его 260 днями. Разве нет?

В качестве попытки объяснения могу лишь предложить теорию, наглядно показывающую, что может скрываться за цифрами.

Предположим, экипаж земных космонавтов совершил посадку на далекой планете, имеющей совершенно иную орбиту вокруг Солнца, чем наша голубая планета. Год на этой планете короче, чем на родной Земле, поскольку предполагаемая планета X вращается медленнее вокруг собственной оси, чем Земля, а следовательно, и длительность дня на ней не равна земному дню.

На запястье у наших космонавтов самые современные хронометры, в микрокомпьютеры которых они сразу ввели величину орбиты чужой планеты. С этого момента в памяти хронометров записаны две независимые хронологии: земное время и новое время планеты назначения. Новое время говорит им: сколько часов остается до наступления темноты? Сколько длится ледяная ночь? В случае продолжительного пребывания одновременная индикация даты показывает, когда начнется весна, когда в почву следует сеять семена...

В глубинах Вселенной и на дальней планете наши космонавты остаются теми, кем были: детьми Земли. Метаболизм продолжается в ритме земных процессов; они отмечают свои дни рождения по земному годичному циклу; если при новых временных законах астронавт хочет знать, сколько ему лет, он запрашивает у компьютера земные годы. В случае, если члены экипажа соберутся отметить Рождество, то 25 декабря по земному стилю они споют «С небес спустился ангел», а в канун Нового Года выстрелят пробками шампанского (если таковое будет), независимо от того, что показывает календарь планеты X.

Наш экипаж живет в затруднительном положении: ему приходится справляться с двумя

календарями. Сумасшедший дом. На чужой планете земной календарь совершенно непригоден — экипаж должен жить по незнакомому календарю планеты пребывания.

Пусть воображаемая планета совершает один оборот вокруг Солнца за 1898 дней. Что представляют собой одни сутки?

Собственное вращение планеты от полуночи до полуночи. Предположим, одни сутки на планете X соответствуют 7,3 земным суткам. Почему именно 7,3, почему не 5,6 или не 11,8 земных суток? Потому что «73» было священным числом майя! Вспомним: 73 божественных года завершают календарный цикл, и десятая их часть — 7,3 — связывалась с повседневной жизнью богов. Собственное вращение планеты X за 7,3 земных суток означало бы, что планета богов вращается вокруг собственной оси намного медленнее, чем Земля. Дикая утопия? Нет, такое существует: у Меркурия собственное вращение около 88 земных дней, у Венеры — 243 дня, у Марса — 24 часа 37 минут. Собственные вращения Юпитера и других планет нашей Солнечной системы еще точно не известны.

Одни сутки на нашей планете X должен продолжаться 7,3 земных суток. За 1898 земных суток она совершит один оборот вокруг Солнца. Из скольких суток будет тогда состоять год на планете X?

$$1898:7,3 = 260 \text{ суток}$$

С *цолкином* всегда все в порядке. «Случай — таким псевдонимом пользуется Бог, когда не хочет ставить свою подпись», — сказал Анатолий Франс (1844–1924).

В комбинации *цолкина* и *хааба* случаю не было места. Хотя и в математически зашифрованной, но понятной для человечества далекого будущего форме, боги отдали на хранение данные о своей планете древним предкам майя. Основное уравнение было простым: 73 божественных года соответствовали 52 земным годам.

Кроме того, инопланетные наставники наделили предков майя точными расчетами Орбит планет нашей Солнечной системы и передали им список всех предстоящих в будущем затмений Солнца и Луны, который содержится в *Дрезденском кодексе*.

Не хотели ли чужаки, подарив такие огромные знания, укрепить власть назначенных ими правящих жрецов? Возможно даже не правящих жрецов майя, а их неизвестных предков? Не хотели ли они избавить простой народ от страха перед непостижимыми явлениями природы? Несметные «почему?» и «зачем?» о календаре остаются без ответов, но первоначальный замысел кажется очевидным: последующим, дальним поколениям придется разобраться с загадочными, потрясающе точными календарями.

Знатоки психологии с другой планеты не ошиблись. На всей Земле умные люди на протяжении 100 лет пробуют на зуб твердые орехи этих загадок. Всегда готовые прийти на помощь дантисты вставили много потерянных зубов в открытые от изумления рты. Что же эти умопомрачительные циклы *калабтун* из 5 760 000 дней, *кинчилтун* из 1 152 000 000 дней могут означать в действительности? Можно ли вообще представить себе *алаутунт* 23 040 000 000 дней?

При составлении механизма календаря были применены явно неземные меры времени. Самая амбициозная династия — стремящаяся к длительному правлению — не взяла бы на себя смелость оставаться на троне по истечении *алау-туна* из 64109589 лет; ее это едва ли заинтересовало бы, а если и заинтересовало, то ей было бы достаточно предварительных оценок, округленных до сотен лет. Династия не стала бы требовать от придворных астрономов расчетов с точностью до года и дня. Значит, все это были забавы исключительно из любви к искусству математики?

Наверняка нет, потому что мифология майя — как мы увидим потом — устанавливала определенные действия богов в ритме календарных циклов. После 104 земных лет (37 960

земных дней) боги отправлялись, к примеру, в долгое путешествие к «месту большого отдыха».

Почему они отправились в большое путешествие? Откуда они прибыли? Может быть, с прежней планеты X, которая взорвалась и оставила после себя астероиды? Куда они стремились? Не сделали ли они посадку для «большого отдыха» на астероиде, малой планете?

В новогоднюю ночь 1801 года итальянский астроном, монах-театинец Джузеппе Пьяцци (1746–1826), директор обсерваторий Палермо и Неаполя, сидел за телескопом, проводя обычные наблюдения за небесными объектами, — он работал над новым звездным каталогом. Вдруг в поле его зрения попал небольшой объект, которого он раньше не видел. Так Пьяцци открыл первую малую планету, планетоид Цереру. Карлу Фридриху Гауссу (1771–1855), одному из величайших математиков и астрономов всех времен, удалось вычислить орбиту скрывшейся вскоре из виду Цереры. С 1802 по 1807 г. были зарегистрированы планетоиды Паллада, Юнона и Веста. В 1845 г. немецкий астроном-любитель В. П. Хенке отыскал пятую малую планету. Сейчас обнаружено уже столько планетоидов, что их регистрируют в Центральном ведомстве под четырехзначными номерами, а их общее число, по оценкам, составляет свыше 400000.

Еще до новогодней ночи 1801 года астрономы заметили, что во Вселенной между орбитами Марса и Юпитера зияет брешь в 480 000 000 км. Предполагали, что в бесконечной пустоте есть нечто, но найти не могли. Когда же только в последнем столетии удалось обнаружить более 400 малых объектов, это скопление назвали *поясом астероидов*. Название сохранилось, хотя — в буквальном смысле — его следовало бы назвать поясом планетоидов. Астероидом был бы обломок звезды (производное от греческого *astor* — звезда), а планетоид — это крошечная планета. Не дадим ввести себя в заблуждение: пояс астероидов — это скопление планетоидов! Для более чем 2000 таких малых планет сегодня известны данные орбит и даже — путем обратных расчетов — их диаметры [10]: у Цереры, самого крупного планетоида, он составляет 770 км, у Паллады — 452 км, у Весты — 393 км, у Психеи — 323 км... Это большие обломки, но среди планетоидов есть карлики диаметром один километр и даже малыши размером с футбольное поле.

Мнения о возникновении пояса астероидов противоречивы. Поначалу считали, что его многие тысячи частей — обломки метеоритов, которые при полете в атмосфере не сгорели полностью. Затем появилась идея, что это может быть космическая пыль, которая под возмущающим действием силы притяжения Юпитера не смогла соединиться в планетный ком. От мысли, что речь идет о частях взорвавшейся планеты, вскоре отказались, поскольку астрономы подсчитали, что общей массы планетоидов не хватило бы для образования настоящей планеты. Масса всех планетоидов предполагается равной от трех до шести триллионов ^[14] тонн. По сравнению с нашей Землей, общая масса которой составляет 5976×10^6 т, это слишком мало.

Это возражение, однако, имеет слишком слабое основание, ведь планета состоит не только из компактной материи.

Оболочка Земли очень тонка, она плавает на огненно-жидкой горной породе, потому что ее ядро раскалено до 4000 «С». Две трети поверхности Земли занимает вода, а континентальный шельф состоит из материалов разной плотности. Если бы наша славная голубая планета взорвалась, то масса ее носящихся по Солнечной системе обломков тоже была бы несопоставима с массой «целой» Земли. Крупные осколки могли попасть на другую планету или даже навсегда покинуть Солнечную систему. Профессор Гарри О. Руппе [11] не исключает, что пояс астероидов может быть остатками планеты, «которая была разрушена вследствие катастрофы», и, по его мнению, «эта планета могла быть довольно большой», в том случае, если при разрушении «основная часть ее материи была выброшена за пределы Солнечной системы».

В пользу гипотезы о взрыве планеты свидетельствует и то, что пояс астероидов обладает слишком большой собственной энергией [12]! Если бы он состоял из глыб, которые за

миллиарды лет самостоятельно образовались из космической пыли, или если бы это были обломки метеоритов, залетевших в нашу Солнечную систему извне, то тогда многие сотни тысяч частиц имели бы иные орбиты, чем компоненты пояса астероидов. Они двигались бы медленнее, чем сейчас, и Юпитер засосал бы их своей гравитацией. Еще остается гипотеза [13], что «большая комета столкнулась с небольшой планетой». Математическая вероятность подобного столкновения настолько мала, что об этой гипотезе можно забыть. Всерьез она больше не обсуждается.

И последнее: можно ли оставить без внимания гипотезу о том, что планета X, возможно, была разрушена инопланетными разумными формами жизни?

Нам, детям подходящего к концу XX века, изо дня в день вдалбливают в голову, что уничтожение нашей планеты вполне реально, что ученые разработали ужасные виды оружия, которые военные держат наготове. Если это оружие пустить в ход, оно в апокалиптических стычках сможет разорвать наш прекрасный мир на кусочки.

Разве у каждого из нас нет страха перед глобальной катастрофой, которая когда-то может стать неизбежной? Разве этот страх не делает мрачной нашу жизнь, не парализует всякую надежду на будущее? Разве этот страх, даже без уловок СМИ, не гнездится в нас как полузабытое воспоминание о событии, которое однажды уже произошло в глубоком прошлом? Не служат ли такие воспоминания предостережением на будущее?

Научатся ли когда-нибудь люди, имея различные мнения, мирно уживаться между собой? Поймут ли когда-нибудь идеологи, что ни одно мировоззрение не может претендовать на то, чтобы быть единственно правильным? Поймут ли революционеры, что в каждой удавшейся революции уже сокрыт зародыш следующей, поскольку она подавляет инакомыслящих? Возникнет ли когда-нибудь понимание, что ни в одной войне больше не будет победителей, разве что только немногие уцелевшие? «Приходится согласиться, что человеку не так важно выживание его самого или же человечества, как важно уничтожение противника», — признался на закате своей жизни британский философ Бертран Рассел (1872–1970).

Такая неосмотрительность может привести человечество к огромной, непоправимой катастрофе, которая вызовет взрыв нашей планеты. Будут ли тогда уцелевшие? Смогут ли хоть горстка умных и прозорливых спастись где-нибудь, возможно, на Марсе? Или в другом «месте для большого отдыха» во Вселенной? Спросят ли через тысячи лет после катастрофы потомки беженцев с голубой планеты, почему там, где была их родная планета, вращается пояс астероидов — второй после расколовшейся планеты X? Будут ли они тоже мудрствовать о возникновении скопления планетоидов? Или решатся высказать доказанные факты? Иначе история повторится — помимо Земли — еще и в межзвездном пространстве.

Пояс астероидов существует между Марсом и Юпитером, и я считаю, что его более 400000 частей — осколки планеты X, которая совершала оборот вокруг Солнца за 1898 дней... и была планетой богов. Однако также возможно, что пояс астероидов существовал задолго до того, как инопланетяне прилетели в нашу Солнечную систему. Может быть, в поясе был какой-то особенно крупный планетоид, который они выбрали в качестве «места отдыха» для своего космического корабля-носителя, чтобы оттуда отправлять экспедиции к Земле? Не рассорились ли небожители — как утверждают многие предания — и не разрушили ли перед отступлением преднамеренно свой планетоид, служивший местом отдыха? «Не бывает ничего слишком чудесного, чтобы быть истинным», — уже сказал великий Майкл Фарадей (1791–1867).

С 27 сентября по 2 октября 1982 г. в Париже проходил 33-й конгресс Международной федерации астронавтики. Там высокоуважаемый профессор Майкл Папагианнис из Бостонского университета (США) сделал сенсационный доклад «Необходимость исследования пояса астероидов» [14]. Будучи председателем конгресса, ученый развивал идеи, которые —

говорю со всей скромностью — могли быть моими. Как сказал Папагианнис, в принципе существуют две возможности думать о распространении разумной жизни во Вселенной:

- или Галактика уже была колонизирована, и тогда наша Солнечная система включена в этот процесс;
- или наша Солнечная система не была колонизирована. Но тогда оставшаяся часть Млечного Пути тоже не колонизирована, поскольку не существовали передовые цивилизации, которые могли бы запустить такой процесс. Это, в свою очередь, означает, что человечество на Земле представляет собой одну из немногих, возможно даже единственную разумную форму жизни во Вселенной. Естественно, эти важные выводы профессор сделал лишь после того, как продемонстрировал математически, сколько времени требуется цивилизации, чтобы развиться и распространиться во Вселенной. Выводы Папагианниса сводятся к тому, что инопланетных космических гостей следует поискать *сначала в нашей Солнечной системе*.

Однако до сих пор поиски радиосигналов инопланетных разумов ведутся среди многих миллионов звезд, которые удалены на сотни световых лет. Разумнее же следовать исходной логической посылке Папагианниса: начать поиски следов инопланетных существ в пределах нашей Солнечной системы. Именно этого я добиваюсь на протяжении последних 25 лет.

Как считает профессор, поиски непременно должны охватывать пояс астероидов, поскольку очень велика вероятность, что внеземная цивилизация поначалу обосновалась там. Почему?

В длительном путешествии в межзвездном пространстве расходуется много энергии. Ее нельзя получить от Солнца: в черноте Вселенной солнечная энергия неэффективна. Стало быть, в расчет принимаются только такие формы энергии, которым в качестве основы требуется какое-либо сырье. Например, чтобы получить уран, инопланетянам нужна урановая руда. Или если космический корабль-носитель с термоядерным двигателем работает на базе водорода и гелия, то сначала их нужно получить, потом высвободить и наконец ввести в термоядерную реакцию между собой. В пределах пояса астероидов доступны и легко могут быть добыты все виды сырья. Железо и никель представлены в чистейшей форме. Лед (водород) имеется в огромных количествах, известно, к примеру, что 10 % общей массы планетоида Церера составляет вода [15].

Профессор Папагианнис прав: для совершающей космические перелеты цивилизации было бы выгодно устроить станцию в поясе астероидов.

Высадка в поясе астероидов представляется убедительной и еще по одной причине. Чужаки, которые проникают в нашу Солнечную систему, не знают, существуют ли уже где-нибудь местные виды разумных живых существ. Приближаясь, они выясняют, какая из планет имеет зону обитания, в которой они могут существовать: она не должна быть ни слишком жаркой (Меркурий), ни слишком холодной (Юпитер). Внутри нашей Солнечной системы идеальные условия им предлагает Земля. Вскоре чужаки распознают нашу планету как возможного носителя цивилизации, но они не знают, насколько развита эта цивилизация (ютится ли ее интеллект в пещерах или уже располагает лазерными пушками и водородными бомбами), встретят ли их гостеприимно или враждебно. Чтобы все это выяснить, они должны исследовать Землю, оставаясь по возможности незамеченными. Где они могут спрятать космический корабль-носитель и свой небольшой флот транспортных космических кораблей? В поясе астероидов! Незаметно для телескопов Земли космический корабль можно поставить на якорь с обратной стороны большого планетоида, и среди многих тысяч астероидов небольшие космические корабли могут спокойно пролагать свои пути.

Убедившись — посмотрев издали — в безобидности землян, можно начинать добычу исходных материалов. Пополнив запасы энергии, они готовы оказать небольшую помощь развивающейся цивилизации на выбранной планете Земля... как однажды это случилось в

незапамятные времена. Об этом, восхваляя и удивляясь, повествуют мифы. Свой доклад профессор Папагианнис закончил призывом:

«В глазах будущих поколений мы будем иметь глупый вид, если будем продолжать искать внеземные цивилизации на далеких звездах, тогда как ответ следовало найти здесь, прямо в нашей Солнечной системе».

Рационален ли поиск свидетельств визитов инопланетян? Почему внеземная, далеко ушедшая по пути прогресса цивилизация вообще должна была заниматься космическими полетами? Вот некоторые возможные причины, которые могут когда-то стать и нашими проблемами: исследование космического пространства — колонизация космического пространства — господство в космосе некоего разумного вида — бегство от космической катастрофы — борьба на родной планете, вынуждающая какую-то группу к побегу в космос, — перенаселение собственной планеты — поиск Бога и начала творения — открытие редких видов сырья — тяга к приключениям.

Однако разве давным-давно не доказано, что эти и многие другим причины в действительности оказываются несостоятельными, поскольку межзвездные космические полеты не могут быть осуществлены?

В Швейцарском техническом институте в Цюрихе профессор М. Таубе читает лекции, на которых в аудитории не бывает свободных мест. Профессор Таубе предлагает для обсуждения интересную гипотетическую модель [16]:

- космический корабль летит со скоростью $1/10$ скорости света = 30000 км/с;
- достигнув первой пригодной для колонизации планеты у потомков экипажа корабля есть 500 лет для восстановления и оснащения нового космического корабля;
- это соответствует скорости распространения 0,016 скорости света;
- наш Млечный Путь имеет диаметр 100 000 световых лет, в нем, по оценкам, есть 100 миллиардов пригодных для жизни планет (по моему мнению, очень оптимистическая оценка!);
- чтобы колонизировать всю Галактику, понадобился бы следующий период времени:

$$\frac{100\,000 \text{ световых лет}}{0,016 \text{ скорости света}} = 5 \times 10^6 \text{ лет}$$

- все 100 миллиардов планет были бы заселены всего за пять миллионов лет.

Профессор Таубе воспринимает свой расчет как чистую математику, не имеющую практического значения, поскольку он не видит никаких реальных возможностей построить космические корабли, которые могли бы летать от звезды к звезде со скоростью в одну десятую скорости света. Тут у меня другое мнение. В истории человечества слишком часто смелые фантазии становились действительностью, в том числе благодаря теоретическим исследованиям, к которым профессор Таубе относит и свои расчеты. «В условиях этого мира нельзя держаться только за настоящее. Сущее часто значит очень мало, но то, что будет, часто значит очень много» — считал герцог Талейран. Я с ним согласен.

Во всех странах и на всех языках меня спрашивают, какая нам будет польза, если мои теории верны. Что нам будет с того, если удастся доказать, что несколько тысяч лет тому назад инопланетяне посетили Землю? Повлияет ли это знание на наши повседневные проблемы, будем ли мы от него умнее? Накормит ли оно голодающих в бедных странах? Подарит ли человечеству вечный мир? Так ли важно знать, что в поясе астероидов была планета X, которая

совершала оборот вокруг Солнца за 1898 дней, а потом взорвалась? Кого может интересовать, изобрели ли майя свои календари сами или им дали их инопланетяне? Разве у нас нет более насущных проблем, требующих решения?

«Что есть человек? — спросил астроном Вильгельм Рабе (1893–1958) и сам же ответил на этот вопрос: — Во всяком случае, не венец творения, которым он себя считает». Одно доказательство того, что человек представляет собой не единственную разумную форму жизни, стоит всех усилий исследователей: неукротимая гордыня от ощущения себя венцом творения будет сломлена. И еще: никогда в прошлом человечество не решало старые проблемы, не обратившись перед тем к новому исследованию, а вот по результатам нового исследования ему удавалось преодолевать старые проблемы.

Только открытие и разработка эффективных лекарственных препаратов освободили человечество от таких древних эпидемий и инфекционных заболеваний, как оспа, холера, желтая лихорадка, малярия, туберкулез. Только современная физика и техника подарили нам электрическую энергию, без которой население мира росло теми же темпами, но умирало бы от голода и нищеты. В момент, когда иссякали известные запасы сырья, в небо полетели спутники и сообщили о новых ресурсах древних месторождений в неосвоенных ранее районах. «Каждое поколение должно совершить свой суточный переход на пути прогресса. Поколение, которое шагает назад по уже отвоеванной земле, удваивает переход для детей» (Ллойд Джордж, 1863–1945).

Что дадут нам земные доказательства существования «богов» из космоса?

Больше, чем обнаружение жизни на просторах нашей Галактики? Лишь когда мы будем знать — а не просто верить, — что во Вселенной мы живем не одни, для увлекательных исследований откроются совершенно новые миры. Новые перспективы откроются для эволюции и философии, для техники и религии, а все виды искусств получат новые импульсы.

15 лет назад я писал [15]:

«Как только имеющиеся влияние, силы и ум будут направлены на изучение космоса, по результатам исследований со всей убедительностью станет ясна бессмысленность земных войн. Если люди всех рас, народов и национальностей объединятся в решении наднациональной задачи по технической реализации путешествий к дальним планетам, Земля со всеми своими мини-проблемами окажется в этих масштабах в правильной взаимосвязи с процессами в космосе. Никто больше не сможет навязывать людям вздор, превосходно продававшийся на протяжении тысяч лет. Если Вселенная откроет перед нами свои врата, мы попадем в лучшее будущее».

Я и сегодня подтверждаю это заявление, но хочу его дополнить.

Поиски доисторической астронавтики, розыски доказательств давнего посещения Земли «богами», которыми я занимаюсь вместе со многими другими людьми, уже давно намного сильнее повлияли на наше мышление, чем научная догадка, что где-то во Вселенной можно обнаружить «жизнь». Мы применяем доказательство от противного: если мы докажем гипотезу — они здесь были! — то будет бесспорно, что инопланетяне *существуют*. Тогда возникает ряд вопросов: какие следы они оставили? Могут ли они вернуться? И когда? Готовы ли мы к этому? Чему мы можем научиться, исходя из этих фактов?

В апреле 1983 г. опрос [18], проведенный в английских начальных школах, показал, что «значительное число» девочек и мальчиков находятся под впечатлением поставленных мной вопросов. При этом я вовсе не разделяю высказывание детей, что Иисус был астронавтом,

однако это мнение показывает, что смышленная молодежь больше не хочет безоговорочно — «без проверки» — следовать старым религиозным представлениям.

Пользующийся всемирным признанием художник Диего Ривера (1886–1957) создал по заказу мексиканского правительства цикл фресок, изображающих жизнь ацтеков до прибытия испанцев. Детали своих изображений Ривера почерпнул из образно переданной истории и устных описаний их потомков. Панно украшают стены правительственного дворца в Мехико

«Доисторическая астронавтика», которой я занимаюсь, не имеет с религией ничего общего. Я не гуру и не пророк, я ничего не обещаю — ни блаженства в загробном мире, ни прощения всех грехов на земле. Я разделяю и защищаю гипотезу, в правильности которой уверен.

Английский журнал *New Scientist*[19] оказал мне честь и подверг нападкам в статье «Десятилетие (и более) псевдонауки». Автор призывает ученых больше не молчать и наконец включиться в борьбу с этим господином фон Дэникеном. Я рад предстоящему состязанию, но уже сейчас отвечу автору изречением его великого соотечественника Уинстона Черчилля:

«Ничто в жизни так не воодушевляет, как то, что в тебя стреляли и промахнулись».

КОГДА С НЕБА УПАЛ ОГОНЬ

Самое опасное мировоззрение — это мировоззрение людей, которые никогда не видели мира.

Александр фон Гумбольдт (1769–1859)

Ошибки научных выводов — Сочинения на заре человечества — Проблемы идентификации — Странные эксперименты — Воспоминание о визите — Хроники и книги пророчеств — Когда Солнце было в тени — И повсюду был потоп — Мысли о датировке — В гостях у Белого Медведя, хранителя традиций майя — Эмиграция по воздуху — Переселение индейцев хопи — Насколько правдив рассказ Белого Медведя? — Страх перед возвращением богов — Древние наездники драконов — Чичен-Ица, каменный рассказ майя — Картинки-загадки — Приложение

Астрофизик профессор Хейнц Хабер, ответственный редактор журнала *Bild der Wissenschaft*, сказал мне в приватной беседе: «Нам не нужны ваши боги!»

Так называемой эмпирической науке действительно удалось отменить богов и вместе с ними вытеснить в тайные каморки большие священные предания, где с ними позволено забавляться психиатрам и психоаналитикам. О том, что в конце концов получается при такой научности, метко и с иронией писал Эрвин Шаргафф — профессор биохимии, директор Института биохимии Колумбийского университета, штат Нью-Йорк:

«Кроме того, ученые и впрямь приносят нам массу сведений, но очень мало научных выводов» и «Тем временем пошли разговоры: единственное, чему может научить история, это то, что она ничему научить не может (и это на тысячах страниц)» [1].

Как часто нам всем, в том числе и ученым, нужны боги, — чтобы найти *missing link*, отсутствующее звено в развитии человечества, — я убеждаюсь на протяжении 25 лет, а именно с тех пор, как пытаюсь обосновать свою теорию, состоящую из косвенных доказательств. Недавно мне это стало особенно понятно, когда я, готовя эту книгу, продирался через бумажные горы научных трудов о рукописях майя и ацтеков, через еще существующие кодексы и удивительные археологические и этнологические открытия почтенных американистов столетия. Мне нет нужды излагать своими словами, что я об этом думаю, — я еще раз процитирую Шаргаффа: «Они пишут только для себе подобных, а с такими, как они, знакомиться не хочется. Поэтому у них остается своя голова, какой бы слабой она ни была».

Система науки имеет столь глубокую специализацию, а ее члены превратились в настолько элитарное закрытое общество, что кажется святотатством — или взрывом динамита, — когда мысль о прежнем существовании богов только выносится на обсуждение. Правда, в этой сфере, которую нужно обсудить, нет специалистов, нет «боговедов», а те, кто мог и должен был бы заняться этой гипотезой, — археологи и этнологи — хотят оставаться в своем тесном кругу. Там, в благонадежной группе потомков, совокупно владеющих наследством, они могут взаимно

подтверждать свои «научные выводы», ссылаться в сносках друг на друга, делать ходы конем психологических интерпретаций и сальто-мортале зачастую непроверяемой логики, а в результате плести друг другу лавровые венки на лбы мыслителей.

Наш гражданский долг — вторгнуться в круговорот пустоты, свежим ветром широко распахнуть окна!

При такой весенней уборке нового мышления речь идет не о том, чтобы отказаться от сведений, накопленных специалистами за сто и более лет, или преуменьшить достижения археологических исследований, или не принимать во внимание усилия выдающихся ученых по расшифровке рукописей майя, и не о том, чтобы заново переписать историю народов Центральной Америки, однако на основании многих тысяч полученных фактов следует правильно сформулировать насущные вопросы.

В преданиях ацтеков и майя — некогда самых могущественных в политическом плане индейских племен Мексики — недвусмысленно сообщается о богах **их предков**, которые прибыли на Землю из космоса и стали тут наставниками. В преданиях описывается, как однажды с неба упал огонь и как могучий потоп едва не уничтожил род человеческий.

Важные источники, которые не пострадали от разрушительных методов христианских миссионеров, поскольку они возникли во время или после эпохи испанских завоеваний:

- **«Пополь-Вух»**, священная книга киче-майя. Записана около 1530 г. на латыни;
- **«Чилам-Балам»**, мифы и исторические хроники. Записаны в XVI веке на языке майя, но латинским шрифтом;
- древнеамериканские пиктографические рукописи;
- документы испанских хронистов, которые были свидетелями подавления майя и ацтеков.

Таким образом, этим основным источникам в лучшем случае 450 лет. Как, спрашивается, эти «молодые» книги могут содержать сведения о визитах инопланетян, которые (если они были!) происходили за несколько тысяч лет, а не в XVI веке?

Я знаю мусульман, которые могут сура за сурой продекламировать весь Коран. Я встречал христиан, хранящих в голове Новый Завет, и иудеев, которые по памяти читают Тору. Очень многие верующие, пусть и не дословно, помнят основное содержание культовых книг своих религий. Если бы в ужасной войне все Библии превратились в пепел, но выжили несколько священников, миссионеров и набожных мирян, Священное Писание возродилось бы из памяти и было записано, возникли бы новые древние Библии — подобное 2000 лет назад случилось с так называемыми первоначальными текстами, ни один из которых сегодня не сохранился в подлиннике. То же произошло в Центральной Америке XVI века. Жрецы и старейшины племен собирали воспоминания, предания, относящиеся к эпохе их богов. Новой была только бумага, на которой тогда все это было записано, а возраст того, что было написано, мог составлять тысячи лет.

Из-за страха за свою жизнь они приняли христианство, но на протяжении многих поколений по-прежнему следовали своей древней вере. Это облегчало их существование и их совесть, а также позволяло рассказывать предания. Как говорит Вольфганг Кордан, эксперт по истории майя и один из переводчиков «Пополь-Вух», даже сегодня их сердце и чувства принадлежат древней вере:

«Они до сегодняшнего дня не испанизированы. Они упорно сохраняют свои национальные костюмы, свою племенную организацию, свой язык; их католицизм не стоит ни гроша, ведь в Гватемале, в горном городе Чичикастенанго, они отвоевали церковь для языческих ритуалов, и каждое воскресенье киче-майя совершают на близлежащем холме жертвенные воскурения перед статуей бога плодородия

Сообщения очевидцев-испанцев мало знакомят с мифологией и миром верований порабощенных народов, поскольку это были преимущественно «документы, составленные для испанской публики» [3], т. е. отчеты Кортеса в четырех длинных *Cartas* (письмах) с 1519 по 1524 г. королю Карлу V [4]. Кортес описывал события со своей точки зрения, и «язычество» «дикарей» мало его тревожило. Содержание индейских книг более компетентно.

Передо мной лежат три издания «*Пополь-Вух*». Самое старое опубликовал в 1861 г. аббат Брассёр де Бурбур [5], второе издание вышло в 1944 г. [6] и третье — в 1962 г. [7]. «*Пополь-Вух*» содержит древнейшие предания майя племен киче, это их, так сказать, Ветхий Завет. Первоначальный текст пропал. Вот что пишет о нем профессор Шульце-Йена:

«Можно только предполагать, что способный, обученный чтению и письму будущим епископом Маррокином, крещеный как Диего Рейносо индеец из города Кумаркаах-Утатлан, обладавший глубоко укоренившимся и издавна профессионально поддерживаемым стремлением своей расы сохранить духовное наследие отцов, примерно в 1530 г. первым... письменно изложил предания киче на их родном языке» [6].

Обнаружил рукопись монах-доминиканец Франсиско Хименес лишь в начале XVIII в. у индейцев в Чичикастенанго, о которых Вольфгангу Кордану известно, что они и сегодня придерживаются древних языческих обычаев. Предания киче, переведенные на испанский Хименесом, хитрый аббат Брассёр разыскал в университетской библиотеке в Мадриде.

Самый древний «*Пополь-Вух*» состоит из 56 листов формата 16 x 26 см; они исписаны с обеих сторон: слева — индейский оригинальный текст, справа — испанский перевод. Это «*Пополь-Вух*», о котором Кордан сказал: «Книга Совета — *Пополь-Вух* — относится к великим сочинениям зари человечества» [7].

Переводы «*Пополь-Вух*» отличаются своими текстами, а точнее — акцентами, которые расставлял тот или иной переводчик в зависимости от эпохи и своего образования. Если речь шла о кресте, то священники, естественно, узнавали в нем крест Иисуса на Голгофе, тогда как майя имели в виду крест Вселенной. Стоило в тексте появиться юношам, отправившимся к созвездию Плеяд, как современные этнологи мигом представили эту часть как мифологическую. Какое им дело, что для индейцев майя мифы были чужды, как китайская грамота! Все высказывания священных книг были для них так же правдивы и неподдельны, как для христиан Евангелие.

В том-то и беда, что каждый переводчик привносит в источники — разумеется, из лучших побуждений! — свое толкование понятий майя, которое сообразно духу времени он считал правильным и целесообразным.

«*Пополь-Вух*» начинается с такого утверждения:

«Вот начало старинной вести о Том, кто на этой земле носит имя киче. Здесь мы запишем старинную весть с начала и происхождения всего того, что было совершено в твердыне киче племенами народа киче.

Вот чем мы также займемся: как То, что было сокрыто, стало очевидно, раскрыто и оглашено, как это было освещено Создательницей и Творцом, Великой матерью и Великим отцом сыновей, как их называют».

Немного позже неизвестный индейский автор правильно констатировал, что текст был записан лишь в эпоху христианства. На мой взгляд, автор писал историю своего народа в укромном месте, опасался разоблачения и потому подстраховывал свои тексты — насколько ему

позволяло непривычное мышление испанцев — путем приведения в соответствие с христианским учением. Несмотря на такие оговорки, он подтверждает, что в основе этой редакции «Пополь-Вух» лежит тайное древнее произведение:

«Такая книга существует, она написана давно, но сокрыта от взгляда тех, кто смотрит и думает. Благородным было ее появление и возвешение о том, как свершилось появление целого неба и земли».

Поэтическим предложением, что до начала всего «мир парил в глубоком молчании», автор вступает в книгу бытия, приступает к описанию истории сотворения своего народа. Тогда, говорит он, не было ни человека, ни зверя, ни растения, ни камня — «было лишь небо», все находилось «в сумраке ночи», потому что солнце не светило.

Аббат Брассёр, который владел, как мы знаем, языком майя, в свое время беседовал с индейцами и имел доступ к более древней редакции «Пополь-Вух», очень точно описал появление богов из тьмы:

«Люди замечают их прибытие, но не понимают, откуда они появились. Можно сказать, что они таинственным образом появляются из моря или, как боги в греческих мифах, спускаются с небесных высот» [5].

То, что Брассёр добавил как пояснения, часто в сносках, он узнал от майя — комментарии к первоисточнику из первых рук. Если из немецких переводов могло возникнуть мимолетное впечатление, что вся жизнь, по мнению майя, пришла из моря — как предварение новых предположений о возникновении жизни, то Брассёр комментировал, исходя из собственных сведений:

«Не было ни людей, ни зверей, ни птиц, ни рыб, ни раков, ни деревьев, ни камней, ни долин, ни трав, ни лесов; было только небо. Вид земли еще не показался».

Не был ли назван морем тот пра-бульон, в котором жизнь возникла только под внеземным воздействием? Это совпало бы с очень современными, совершенно новыми воззрениями, но тогда всем толкователям мифов следует сесть на школьную скамью учиться у сторонников эволюционной теории! Среди ведущих естествоиспытателей — впереди которых сэр Фред Хойл, получивший всемирную известность своими исследованиями в астрономии, — все больше распространяется мнение, что жизнь не случайно возникла в заваренном наукой пра-бульоне, а была в своем биологическом строении коренным образом изменена посредством генов из космоса. Фрэнсис Крик — лауреат Нобелевской премии 1962 г. за открытие ДНК, носителей генетической информации, — удивил (испугал?) специалистов своей теорией *управляемой панспермии*, согласно которой миллиарды лет тому назад некая высокоразвитая цивилизация могла в головной части беспилотного космического корабля отправить на Землю микроорганизмы, чтобы они размножились в праокеане.

Во тьме не было «никакого движения и ни малейшего ветерка», и в море тишины и черноты двигались только творцы «в небесно-голубых одеждах». Особенно выделялся бог *Teneu Кукумац*.

Это всего лишь иное, обычное на Юкатане написание имени Кукулькана, которое, в свою очередь, идентично имени изгнанного из Тулы ацтекского жреца-правителя, почитаемого как бог Кецалькоатль. Не принимая во внимание такую тождественность, некоторые специалисты связывают небесно-голубой цвет одежд с цветом разноцветных перьев Кецалькоатля.

Аббат Брассёр поясняет в своем переводе: «Слово *гахва* языках киче и какчикель [\[15\]](#)

означает как «синий», так и «зеленый».

Синие или зеленые перья птицы кецаль не могли подойти к небесно-голубым одеждам бога *Тешу Куку мац*, поскольку во время сотворения, когда выступил бог, еще не было никаких птиц. Понятно! Хронист майя упомянул разноцветные перья в связи с *Teneu Кукумацем*, чтобы через немедленно возникающую по ассоциации птицу кецаль дать представление о цвете одежд незнакомцев, которые были на них, когда они очень-очень давно вышли из тьмы.

Итак, в небесно-голубых одеждах они вышли из безмолвной черноты Вселенной. Это не новость. В бесчисленных мифах, например полинезийцев на Кирибати [8], сообщается то же самое. Существа, которые там появились, не были ни животными, ни шаманами — служителями культа, которые ищут контакты с духами или душами умерших, даже если их способности по глупости сравнивали со способностями животных.

Нет, речь шла о «белых мужчинах, больших знатоках наук», которых называли «сердце небес». Брассёр настойчиво подчеркивает в своем переводе, что все три первых бога, которых называли Гром, Молния и Быстрота, спустились с небес вместе с *Teneu Кукумацем*.

Здесь я должен ответить на обвинение, которое мне предъявляют этнологи и — по дружбе — психологи. Я имел смелость истолковать Гром и Молнию иначе, чем это допускает неприкосновенное ученое мнение. Оно гласит, что такие природные явления, которые таинственно гремели и блистали с небес, первобытные люди не понимали, а потому «обожествляли».

Существуют примитивные религии, мне не нужно это объяснять. Однако я осмеливаюсь спросить: разве природные явления *говорят*, как они это делают в преданиях? Разве они издают законы, проявляют себя в качестве наставников? Разве природное явление дало Моисею десять заповедей? Разве молния и гром диктовали пророку Еноху отрывки его удивительной астрономической книги? Разве древние майя обращались к явлениям природы, когда называли гром и молнию «белыми мужчинами, большими знатоками наук»? Разве не по непостижимой воле Молнии, Грома и Быстроты были некогда созданы первые люди?

Можно допустить, что толкователям позапрошлого поколения другие объяснения не пришли в голову, однако эти толкования просочились в специальную литературу и с тех пор затуманивают свежий взгляд юных студентов. Мне кажется, это противоречит здравому смыслу, когда до самого конца последнего века ах какого прогрессивного второго тысячелетия продолжают делать вид, что нет более реалистичных аргументов относительно смысла мифов о сотворении мира, чем изобретение «примитивных религий»! Собственно говоря, такое упорство можно объяснить лишь некоторым страхом, что включение инопланетян в академическое представление сможет развалить все здание.

«Осознать, что заблуждался, — это значит всего лишь признать, что сегодня ты умнее, чем вчера», — констатировал Йоганн Каспар Лафатер (1742–1801). Следовательно, нашим достопочтенным мужам следует без стеснения распрощаться с устаревшим мировоззрением.

Богам «*Пополь-Вух*» после нескольких неудачных экспериментов удалось сотворить нового человека, который, правда, еще не соответствовал нашему представлению о *Homo sapiens*. То, что эксперименты с первым человеком заключались не в земном оплодотворении, следует из предания:

«Вот имена первых людей, которые были созданы, сотворены: первый человек был Баламкице, затем второй Балама-каб, затем третий Махукутах, наконец, четвертый Икиба-лам — это имена наших первых предков. Они назывались только *созданными*, только *сотворенными*: у них нет матери, у них нет отца, мы можем называть их только *благородными*. Их не рожали женщины, и они не были зачаты как сыновья

Создательницей и Творцом, Праматерью и Праотцом. То было чудо, что они были созданы, что они были сотворены, колдовство, сотворенное Праматерью и Праотцом, Всемогущей и Кукумацем».

Как в большинстве историй о сотворении мира, так и в преданиях майя в создании человеческой расы активно участвуют боги. Однако создание оказалось настолько удачным, что могло стать опасным для создателей:

«Они смотрели и тотчас видели даль; они смогли все увидеть, все познать, что есть на свете. Когда они смотрели, они сразу видели все в округе, и повсюду они видели купол небес и недра земли. Они видели все сокрытые далеко вещи, не сходя с места. Они сразу увидели весь мир, и они видели его оттуда, где они стояли».

То, что создания равны им, а в конце концов могут и превзойти их, «создателям» не понравилось, они быстро ограничили исключительные способности:

«И набросил бог по имени Сердце Небес пелену на глаза. И они затуманились, как налет покрывает зеркало. Их глаза затуманились: они могли видеть только то, что вблизи, только это было им ясно видно. Так были разрушены мудрость и все знания всех четырех людей истока и начала. Так были созданы и получили свою форму наши предки, наши отцы. Сердцем Небес, Сердцем Земли».

Свою гипотезу о возникновении *Homo sapiens* мне не удастся сформулировать короче, чем в строчке — «Сердцем Небес, Сердцем Земли»: это двойственная натура из земного телесного вещества и внеземного разума.

В «Пополь-Вух» открываются удивительные утверждения:

«Тут было много темных и светлых людей, людей разных сословий, людей разноязыких, было поразительно слушать их» [7].

В другом переводе написано очень похоже:

«И тут же жили в удовольствии темные и светлые люди. Приятна была внешность этих людей, приятна их речь, внимателен их слух» [6].

Это высказывание удивительно тем, что предки майя понятия не имели о существовании белых и черных: когда появился «Пополь-Вух», Центральная Америка еще не была открыта!

Примечательно также сообщение, что поначалу все говорили на одном языке, прежде чем — как в Библии при строительстве Вавилонской башни — заговорили «на разных языках». Каким мог быть начальный единый язык? До визита инопланетян гоминиды прозябали в неведении. Лишь после целенаправленной искусственной мутации они приобрели способность к учению, и первым языком, на котором говорили все народы, вероятно, был язык «богов».

Синхронно с другими священными преданиями «Пополь-Вух» повествует об избранных, которые вознеслись на небо. То, что в Библии случилось с пророками Енохом и Илией, в древнем мире майя произошло с несколькими избранниками:

«Это было прощание с ними. Они исчезли над вершиной горы Хакавиц. Они не были погребены своими женами и детьми, никто не видел их ухода».

Они «исчезли», но не улизнули бесшумно, они оставили очень странные воспоминания о своем пребывании — памятки для живущих в будущих тысячелетиях, предостережение от мании величия, что они якобы венец творения, и о том, что вроде бы над ними никого нет:

«И Баламкиц оставил символ своей сущности. «Пусть это послужит вам напоминанием обо мне, то, что я оставляю тут для вас, должно быть вашей силой!» — сказал он. И оставил как символ своей сущности нечто со «связанной силой», как его называют: воистину, оно совсем связано, его не развязывают, никто не знает, как оно связано, потому что никто не видел, как его завязали».

Что за «связанная сила» могла быть там? Вольфганг Кордан [7] говорит, что на языке майя это называется *Писом К'ак'аль* = Никто не знал, что это было. Судя по основе слова, Кордан полагает, что речь могла идти об особом камне, которому майя поклонялись и которого боялись. Обычных камней, которые были в избытке, никто не боялся. Почему так?

Мне вдруг вспомнилась Кааба, святыня мусульман в Мекке, которую пророк объявил целью хаджа. В юго-восточном углу пустого помещения, не имеющего окон, находится Черный камень, предмет поклонения, паломники прикасаются к нему и целуют его. Говорят, что на Землю его принес архангел Гавриил. Почему ковчег иудеев я тоже считаю сувениром инопланетян, я попытался объяснить в скрупулезном анализе информации о священной реликвии по всем сохранившимся документам [9]. Тут мне вспоминается и таинственное металлическое зеркало, которое в 660 г. до н. э. богиня Солнца Аматаэрасу послала основателю японской империи Дзимму Тенно. Как мусульмане в Мекку, так сегодня миллионы японцев совершают паломничество в город Исе на острове Хонсю, чтобы в найку, внутреннем реликварии храма, поклониться Священному Зеркалу как величайшему из сокровищ империи. Никто из живущих до сих пор не посмел раскрыть чудесный пакет, завернутый в многочисленные слои ткани.

С завидным постоянством критики требуют веские доказательства моей гипотезы, и я могу их понять. Я не могу понять, почему в наш просвещенный век нет возможности исследовать Черный камень в Мекке, Священное Зеркало в Исе, останки иудейского ковчега, которые с изрядной долей уверенности находятся под собором Святой Марии города Ак-сум в Эфиопии. Снаружи и внутри этих объектов должны иметься неземные особенности, иначе на протяжении более 2500 лет (в Японии!) они не смогли бы сохранить свою притягательную силу [10].

Хранят ли религии ключ к пониманию земного прошлого? Скрывают ли его? Несомненно, соблюдая уважение ко всем религиозным чувствам, необходимо предоставить упомянутые — и некоторые другие — закрытые секретные материалы для исследования. Время назрело. Пока же меня утешает

Джованни Гуарески (1908–1968), автор книги *«Дон Камилло и Пеппоне»*: «Критик — это курица, которая кудахчет, когда другие несутся!»

Я уже говорил, что к источникам, которые пережили страсть к уничтожению, охватившую епископа Диего де Ланду, относятся книги *«Чилам-Балам»*. В них собраны исторические рассказы и пророчества, записанные латинскими буквами, но на юкатанском языке, так называемом языке майятан.

«Чилам» означает *«пророк»* или *«переводчик богов»*, *«балам»* — *«ягуар»*. Существуют 17 книг *«Чилам-Балам»*. Их различают путем указания места прежнего хранения на *«Чилам-Балам»* из Мани, *«Чилам-Балам»* из Балама, Чумайеля, Ишиля, Текаша и т. д.

Документы были написаны между XVI и XVIII в., поскольку народ требовал от жрецов сведений о своем прошлом, а от пророков — предсказаний будущего; книги читали на ритуальных собраниях, они пользовались у майя большим авторитетом, еще в XX в.

пользовались копиями с копий священных преданий, таким своего рода самиздатом.

Составленные многими поколениями жрецов, записанные многочисленными писцами, часто непонятные по смыслу, с ошибками в датах, смешавшие воедино историю и пророчества, напичканные ошибками переписчиков, книги «Чилам-Балам» — трудная для чтения литература. Сотворение Земли происходит в тот момент, когда уже вершится история, в то же время нисшествие бога-творца связывается с последующим мировым пожаром. Так уж бывает с самиздатом, которому приходится появляться тайно, под игом чужой власти, во тьме времени.

В «Чилам-Баламе» из Чумайеля сотворение Земли описывается так:

«Это история мира, записанная в стародавние дни, ибо не пришло еще время писать такие книги... так что люди майя хотят узнать, как они родились в этой стране... Это случилось в Катун 11 Ахау (дата. — Э. ф. Д.), когда появился Ах-Музенкаб (снизошедший бог. — Э. ф. Д.). Тогда было так, что опустился огонь, затем сверху упала веревка, потом скалы и деревья...»

В дальнейшем Ах-Музенкаб, снизошедший бог, разрушает прекрасные знаки тринадцати богов космоса майя. Небо падает на землю и поджигает ее: закончилась первая эра. Поскольку у майя все происходило в виде циклов, вскоре возникли новые народы — и так до самого истребления майя испанцами. Кажется, что одно пророчество указывает на наше время:

«На небе будет круг, земля будет гореть. Поднимется Кавиль^[16], он будет поставлен в начале времени, которое наступит. В этот катун (дата. — Э. ф. Д.) на земле все будет гореть».

Ральф Л. Ройс, который в 1933 г. перевел «Чилам-Балам» из Чумайеля на английский [11], дал сноску к этому разделу:

«Нам напоминают о пророчествах, возвещавших об испанских завоевателях: на небе появился огонь, который пылал с полуночи до восхода солнца... и потом исчез».

Какими бы важными среди редких источников ни были книги «Чилам-Балам», поскольку они частично основывались на подлинных документах майя, высказывания в «Кодексе Чимальпопока» гораздо яснее. Усердный аббат Брассёр обнаружил эти тексты во время своих страстных поисков древних американских преданий. Брассёр, настоящий гений в языках, выучил также ацтекский язык, а потому сумел распознать в рукописи хронику ацтекской династии Иштлиль-шочитль [12]. Он дал своей находке имя учителя, который обучил его языку ацтеков: Чимальпопока Галисия.

Согласно «Кодексу Чимальпопока», после того как боги сотворили небо и землю, «сверху упали палочка и деревяшка, о которую та трется для добывания огня; Тецкатлипока бросал вниз дрова и закоптил ими небо». Проделав это, боги стали совещаться, кому из них в будущем жить на Земле:

«Горестно обдумывали Та, что в звездном одеянии, Тот, кто богат звездами, Повелительница в воде, Тот, кто стал над людьми, Та, которая приминает землю, Тот, который валит изгородь, Кецалькоатль».

Кажется, что Кецалькоатль был тут всегда.

В Кодексе утверждается, что было не только четыре сотворения мира, но и четыре Солнца,

но только в пятую эпоху Солнце стало таким, как мы его видим, — это удивительно, как и утверждение:

«В пятую эпоху, как было известно старым людям... тут была основана земля, небо... а также четыре вида живущих людей...»

По преданию, основание Земли произошло в году 1 кролика, момент времени, который соответствовал 726 г. до н. э. нашего летосчисления. Дата неправильная, но, возможно, с 726 г. до н. э. началась ацтекская хроника. Впрочем, не важно, когда она началась и что она означает, остается непостижимым, откуда ацтеки почерпнули свое утверждение о существовании «четырех видов живущих людей».

В Кодексе драматично описан мировой пожар и солнце, потемневшее настолько, что наступила зловещая ночь:

«Было основано второе солнце. Его дневным знаком были четыре ягуара. Его называли солнцем ягуаров. При нем случилось так, что обрушилось небо, что солнце тогда не следовало своим путем. Только что был полдень, и сразу после него наступила ночь!»

Итак, это случилось в эпоху второго солнца. Непонятное смертельное зрелище под знаком третьего солнца превратилось в катастрофу:

«Оно называется солнцем огненного дождя. В эту эпоху случилось так, что огонь падал дождем, поэтому жители сгорали. Тогда же с неба сыпался песок с камнями. Старики рассказывали, что тогда ветер взметал песок с камнями, которые мы теперь видим, и пенились андезитовые лавы^[17], и тогда оседали разные красноватые скальные породы».

Видимо, речь шла о чем-то большем и совершенно ином, чем об «обычном» солнечном затмении: майя и ацтекам солнечные затмения были известны, в Дрезденском кодексе есть целая таблица затмений с точными данными о них.

Озадачивает также то, что в «Кодексе Чимальпопока» в эпоху второго солнца сообщается о великанах. Сказано, что они приветствовали друг друга фразой «Не упади!», потому что тот, кто падал, больше не ориентировался в темноте. Обычно солнечное затмение длится несколько минут, и даже в течение этого времени остается достаточно света, чтобы видеть, куда поставить ногу. Великаны, о существовании которых в давние времена сказано в Кодексе, появляются во многих мифах, в некоторых местах исследователям даже удалось подтвердить подлинность отпечатков их огромных ступней в осадочных породах.

Полное потемнение нельзя также объяснить извержением вулкана и связанным с ним дождем из огня и песка, поскольку в таком случае речь шла бы о локальном событии, пусть и на значительной территории. Однако огненные дожди одновременно с полным затмением (или отсутствием?) Солнца и наводнениями отмечались во всем мире.

Удобное объяснение, что такие явления происходили вследствие неких «беспокойных» процессов в недрах Земли, звучит здраво, но при внимательном рассмотрении оказывается слишком простым и не чем иным, как недопустимым трюком, чтобы уклониться от загадки. Ведь описание катастрофы существует не только в Кодексе ацтеков! Видимо, это событие было глобальным, поскольку подобные описания — совпадающие по смыслу, а зачастую даже в деталях, — приведены во многих преданиях из разных частей земного шара.

Если предположить взрыв целой планеты в нашей Солнечной системе, то катастрофа сразу приобретает мировой масштаб. Солнце потемнело бы не на часы, а на месяцы или годы — как об этом говорится в древних хрониках. После взрыва планеты космическая пыль заполнила Солнечную систему, раскаленные осколки падали на Землю, «оседали» красноватые скальные породы. Раскаленные добела бомбы рвали тонкую, чувствительную поверхность нашей планеты, сотрясали ее — не только под действием космических снарядов, но и вследствие смещения сил тяготения в Солнечной системе: взорвавшаяся, распадающаяся планета вывела бы из равновесия сложную структуру орбит, по которым планеты вращаются вокруг Солнца, логичным следствием стали бы наводнения, находящееся в состоянии затмения (или отсутствующее?) Солнце и огненные дожди. Другими словами, происходило то, о чем сообщают предания: обитателям земного шара показалось, будто горит небо, будто оно падает на них. Все стихии разбушевались, моря выплеснулись на сушу, ураганы хлестали по водным массам, начали извергаться вулканы, их жар гас в становящейся паром пене.

Огонь упал с неба, Солнце погасло, кругом бесцельно бродили уцелевшие люди, тащили с собой на спине идолов, искали где-нибудь защиту от стихии. Индейцы, еле живые от голода, постепенно собирались на вершине горы Хакавиц, которую также называли «местом привала». Окоченев, стояли они в бесконечной ночи, скорчившись возле своих идолов:

«Не было им сна, не было отдыха. Велики были их сетования в глубине души, что не наступал день, что не становилось светло. Лишь отчаяние было на их лицах, великая скорбь и уныние охватили их, они были совершенно сбиты с толку страданиями... О, если бы мы увидели рождение солнца! — сказали они и много говорили между собой, исполненные уныния, исполненные отчаяния и сетований, говорили и никак не могли найти утешения тому, что день не наступал» [6].

Господа умники утверждают, что племена на горе Хакавиц ожидали только восхода Венеры, которой они поклонялись. Однако господа нарочно не замечают, что в «Пополь-Вух» Венера и Солнце различаются четко. Притаившимся в нетерпеливом ожидании испуганным людям в бесконечной ночи издали светит Венера: они рады тому, что наконец на небе снова забрезжил слабый проблеск света. Они поют и танцуют, в честь богов зажжена смола для воскурений:

«Но потом они стали сетовать, что все еще не видели рождения солнца, не увидели его.

И тут солнце появилось.

И возрадовались малые звери и большие звери, все стояли возле русел рек и в ущельях; и те, которые были на вершинах гор, устремили свои взгляды туда, где появилось солнце».

В предании описывается пробуждение после долгой, страшной ночи: пума и ягуар, которые ушли в пещеры, чтобы умереть, неожиданно зарычали, птицы, которые были немые, защебетали, орлы и коршуны поднялись со своих гнезд на утесах. Жизнь вернулась.

Относительно этого описания объявляется, что здесь воспето только начало нового дня — или, с точки зрения мифологии, воспроизведение первого дня человечества: «Да будет свет».

У меня другое мнение. До того времени солнце светило сотни, тысячи лет, давно жили существа всех видов, почти весь зоопарк Ноева ковчега. Были также давно построены города майя — такие, как легендарная столица Тула. И тут вдруг грянула катастрофа. Не стало видно не

только солнца, луна и звезды тоже больше не излучали свой бледный свет. Во тьме, где не было солнца, поверхность земли покрылась бесплодным болотом. Естественно, что уцелевшие люди обрадовались, когда после казавшейся бесконечной ночи снова наступил день. То, что из года в год с естественной регулярностью повторяется 365 раз, не вызывает слез радости. В «Пополь-Вух» [7] отмечалось, что жар нового солнца был почти непереносим и то, что «сегодня» (в момент возникновения хроники) можно было видеть на небе, было лишь «отражением» того, первоначального солнца.

Убедительное воспроизведение ситуации! За время бесконечной ночи атмосфера остыла, бушующие ураганы и дикие ливни очистили слои воздуха. Возможно, взрыв планеты разорвал радиационный пояс (пояс Ван Аллена) в верхних слоях атмосферы, который двумя защитными полями наподобие тороида на высоте 5000—16000 км окружает земной шар; вполне вероятно, что катастрофа нарушила и озоновый слой на высоте до 65 км.

После такого «кондиционирования воздуха» солнце застало индейцев врасплох, а потому шок их понятен. Впечатление, что новое солнце представляет собой лишь подобие первоначального солнца, можно объяснить и оптическим обманом: оно казалось увеличившимся из-за «промытой» атмосферы — такое явление известно каждому, кому приходилось наблюдать восход или закат огненного колеса солнца либо диска луны над уровнем моря.

Тот же самый конец света со всеми перечисленными сопутствующими обстоятельствами зафиксирован и в ацтекском предании «История царств Колхуакана и Мексики» [12]:

«В то время люди гибли, в то время они умирали. И тогда погибло солнце».

Людей «уносило ветром. Их дома, их деревья, всё было снесено ветром». Документально кратко подтверждены четыре вида разрушений — американцы называют их также «четыре срока существования мира». После катастрофы появился небесный огонь:

«И так они погибли: их залило огненным дождем... Целый день огонь лился дождем».

За огнем последовал потоп, который затопил даже горы:

«И так они погибли: их залило водой, и они превратились в рыб. Небо рухнуло вниз, за один день они погибли... И срок, пока продолжалась воды, длился 52 года».

Указание о 52 годах бессмысленно. Хронисты придерживались циклов, принятых в свое время в Центральной Америке. Это не мой личный вывод — меня вполне устроили бы разрушительные волны, следующие одна за другой с короткими промежутками, без всяких «четырех возрастов мира»! Нет, непригодность указания подобного количества лет констатирует и такой компетентный переводчик оригинального текста, как профессор Вальтер Леман [12]:

«Я считаю, что годы, якобы обозначающие те сроки существования мира, переданы неверно».

Перенесясь из Центральной Америки на Древний Восток, мы вспоминаем, что библейский Ной, благополучно пережив потоп, покинул свой ковчег, соорудил алтарь и принес в жертву животное: «И обонял Господь приятное благоухание» (Бытие 8:21). Точно так же — чудо для события местного масштаба! — повели себя в тропических лесах наши друзья-ацтеки: они разожгли праздничный костер:

«Вот боги посмотрели вниз, Та, что в звездном одеянии, и Тот, кто богат звездами. Они сказали: о боги! Кто там что-то сжигает? Кто коптит небо? И тогда с неба спустился Он, кому мы покорны, Тецкатлипока».

Значит, после потопа могущественный бог всех подданных спустился с небес! То же сказано в преданиях индейцев кагаба в Колумбии [13]:

«Теперь погибли все злые духи, и все жрецы, старшие братья спустились с небес...»

Знаменитый древневавилонский список царей WB 444, в который включены также боги, признанные наставниками, был найден в 1932 г. в иракской провинции Хорсабад, поблизости от г. Мосул в долине Тигра [14]. В него включены десять первых царей за 456000 лет от сотворения Земли до всемирного потопа, затем царство продолжило династию:

«После того как потоп схлынул, цари снова спустились с небес».

Древним шумерским царем в Южном Вавилоне был Гильгамеш, живший около 2600 г. до н. э. Согласно одноименному эпосу, его предок Утнапиштим пережил потоп на острове на другой стороне моря. После катастрофы он тоже зажег жертвенные воскурения из кедра и мирта [15]:

«Боги услышали аромат; богам было приятно его обонять. Как мухи собрались боги над жертвой».

Не обладая ни малейшими способностями древних индейских пророков, я уже знаю, что будет сделана попытка из дробовика пробить дыру в густой сети соответствий. Скажут, что *«История царств Колхуакана и Мексики»*, которую я цитировал, подверглась влиянию христианских источников, что испанцы нашептали ацтекам историю о Ное и его ковчеге вместе с рассказом о благоуханных жертвенных воскурениях. Возможно, это и так. Но тогда я потребую убедительного, а не премудрого объяснения, почему в намного более старом *«Пополь-Вух»*, существовавшем задолго до вторжения испанцев, сообщается о том же событии! Я хотел бы также знать, уж не были ли, в конце концов, умные миссионеры знакомы с эпосом о Гильгамеше? Знать его они не могли, поскольку это предание, записанное на 12 глиняных табличках примерно за 2000 лет до н. э., было обнаружено лишь в ходе раскопок в

Ниневии (доисторическом городе на левом берегу реки Тигр) в середине XIX в. И как быть с легендами индейцев кагаба, которые были записаны лишь в начале XX в.?

На мой взгляд, напрашиваются такие варианты:

- катастрофа произошла где-то в мире лишь однажды как событие местного масштаба. Оставшиеся в живых расселились по всем континентам, прихватив с собой знания и хроники, и сочинили за тысячи лет разные варианты ее описания;

- катастрофа имела глобальные масштабы, поэтому многие народы пережили, перетерпели и записали сведения о ней одновременно.

Мне кажется, что речь идет не так об альтернативе, как о том, что допустимы оба варианта, поскольку «боги» — за которыми я иду по пятам, — всякий раз были здесь. И из источников можно понять, что катастрофа в любом случае произошла в глубокой древности.

Почему?

Археологи признают, что тольтеки (индейцы, переселившиеся в доколумбову Мексику с

севера) и ацтеки существовали как народы в период между 900 и 1500 гг. По грубым подсчетам, царству майя отмерен срок с 1500 по 800 г. до н. э. В этом интервале не было никакой глобальной катастрофы. В эпохи вавилонского и египетского царств, которые довольно точно исторически реконструированы, опустошительных потопов не было. Легенды и мифы повествуют об ужасных событиях, которые, по всей видимости, происходили намного раньше. После Рождества Христова солнце не скрывалось, небо не горело, никакой потоп не сносил ничего с лица земли, никакие «боги» не спускались с небес. Иначе римляне и греки точно бы включили сведения об этом в свои обширные и точные хроники.

Следует также исходить из того, что хроники индейцев Центральной Америки передают события, происходившие до существования их самих, — если только все существующие на сегодняшний день данные исторической науки не являются ложными и появление майя и их древнейших предков не должно быть перенесено намного дальше в прошлое. Не может ли это начало совпасть с загадочным началом календаря майя — с 11 августа 3114 г. до н. э.?

Любители ученой премудрости боятся таких выводов. То, что не удается отнести к точно датированным периодам, считается второсортным и объясняется как нечто загадочное, поскольку они допускают только выводы, вписывающиеся в устоявшиеся догмы. В то же время они охотно используют найденные орудия и небольшие фигурки из загадочного периода. И тогда происходят фокусы, пригодные для демонстрации в варьете. Например, найдены обсидиановые ножи и каменные топоры, относящиеся к доклассическому периоду майя, восходящему к 1500 г. до н. э. Отсюда делается вывод, что на территории, где они найдены, видимо, жили первобытные охотники. Из цилиндра фокусника молниеносно появляется аргументация (тут можно попасться на удочку, если внимательно не наблюдать): при таких примитивных орудиях не было реально действующих «богов», поскольку они оснастили бы первобытных охотников высокотехнологичными устройствами. Вот вам подтасовка фактов: примитивные орудия равняются отсутствию инопланетян! Когда я недавно совершал экскурсию по Женевскому озеру на старом уютном пароходике, по радио на борту передали сообщение о запуске американского космического челнока. Справедливо ли тут уравнение: пароход равняется отсутствию астронавтики?

«Нельзя отказаться от мотора только потому, что пророк Мухаммед ездил верхом на верблюде», — сказал малайский премьер Датук Хусейн Онн. Любителям ученой премудрости следовало бы запомнить эти умные слова.

Результаты сравнительных этнологических исследований едва ли что-то изменят в исторически истолкованном повседневном быту индейцев, однако новое объяснение их преданий могло бы вызвать коренной переворот.

Тот, кто непредвзято читает сохранившиеся хроники, даже без моей — признаю, предвзятой — фантазии обнаружит, что в них восхищались неизвестными колесницами, испытывали страх перед невиданным оружием, обращения через громкоговорители считали божественными голосами, а небесные колесницы описывали как облачных драконов. То, что «первобытные» народы, встретившись с продуктами современной цивилизации, до настоящего времени ведут себя точно так же, на многочисленных примерах подтвердил Ульрих Допатка, библиотекарь университетской библиотеки в Цюрихе [16]. Айрин Николсон [17], которая 17 лет жила среди племен Центральной Америки и занималась там исследованиями, пишет следующее:

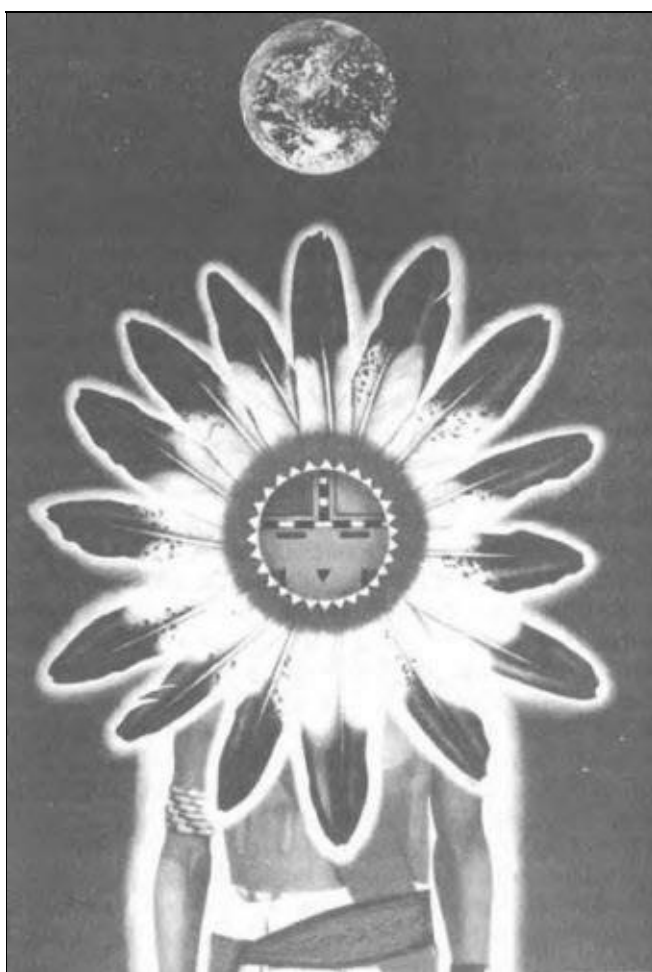
«Очень поверхностным является представление, что мифы ацтеков и майя созданы первобытным народом, желания которого ограничивались тем, чтобы получить урожай получше, дождь в нужное время и солнце для отбеливания

К сожалению, такое поверхностное представление широко распространено в специальной литературе. Наша наука сама себя вводит в заблуждение, что якобы для всего существует «естественное» объяснение. Она не терпит загадок, отрицает их. Она намеренно не замечает взаимосвязей между преданиями различных народов, находящихся на большом удалении друг от друга. Правда, специалисты знают об этом, но не торопятся сделать из этих глобальных соответствий сами собой напрашивающиеся выводы. Богам майя приятный запах жертвенного костра щекотал ноздри так же, как и богам из эпоса о Гильгамеше, только у наших экспертов хронический насморк: они никак не поймут, в чем дело. В отчаянных ситуациях для оказания первой помощи привлекают психологов, а те всегда знают, что делать: они мелют вздор. То, что получается при этом, становится академическим общественным мнением, имеющим силу закона. Хватит.

Хорошо, что еще есть индейцы, хранящие традиции своего народа. У них можно спросить, как следует понимать предания их давних предков.

Прошло вот уже 15 лет, как я посетил Белого Медведя, вождя индейского племени хопи, которое живет в резервации в североамериканском штате Аризона. При этом присутствовал мой друг Джозеф Ф. Бламрич, в то время руководитель отдела составления проектов НАСА в Хантсвилле, и наш первый недельный визит побудил его к десятилетним исследованиям. Он представил их в своем труде «Каскара и семь миров» [18], который должен стать настольной книгой всех исследователей мифов.

Белый Медведь — мудрый старик 80 лет, член рода Койота и суда племени хопи. В котловине, оберегаемой индейцами от любопытства чужаков, он показал нам настенные рисунки и насечки, в них зафиксирована история его народа за несколько тысяч лет. Белый Медведь произносит продуманные фразы и, только когда ему задают вопросы, говорит с тихим недоверием. Ощущается некоторая озлобленность по отношению к белым, причинившим его народу столько горя. За много лет Бламрич завоевал неограниченное доверие индейца. Краснокожий и бледнолицый уселись перед микрофоном, магнитофонная лента зафиксировала рассказ Белого Медведя об истории его племени, которая также относится к древней истории майя. После доказательств из сохранившихся хроник.

Индейцы хопи, проживающие в резервации в Аризоне, США, во время своих празднований носят маски качина, которые они сделали в соответствии с мифами, полученными от предков пусть здесь будет место и живому преданию как оригинальному документу.

Прежде чем начать, Белый Медведь заверил, что уже пришло время сообщить, кто такие хопи и почему они поселились там, где живут сейчас:

«Когда я рассказываю тебе нашу историю, мне приходится думать о том, что время имело не такое большое значение. Сегодня время кажется важным, время все усложняет, время становится препятствием. Но в истории моего народа время, собственно говоря, не имело особого значения, как и для самого творца».

Как у майя и ацтеков, в истории хопи также известны четыре срока существования мира, время, в которое они живут, представляет собой четвертый срок. Тысячи лет тому назад предки хопи жили на тихоокеанском континенте, который они называли Касскара. В то время разразилась межконтинентальная война с обитателями другой части света. В эту эпоху истории хопи Касскара стал опускаться в океан — но не так, как в Библии, где все разыгралось за сорок дней всемирного потопы. Напротив, гибель происходила постепенно. Наконец над затопленным континентом поднимались только самые высокие участки суши — это некоторые из нынешних полинезийских островов. Хопи были вынуждены отступить. В этом им помогали качина. Белый Медведь поясняет, что качина — это «высшие и почитаемые посвященные», элита, с которой его народ всегда имел контакт. Качина были существами с планеты Тоонаотека, находящейся далеко от нашей Солнечной системы, и они периодически посещали Землю.

У качина были три категории посвященных: производители, наставники и хранители

законов.

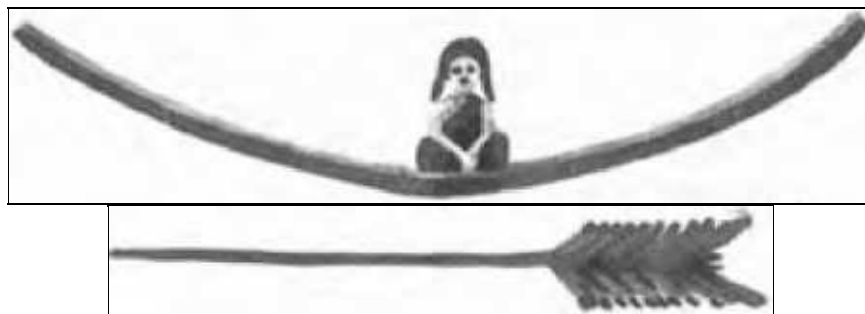
Уже с первой группой возникает соответствие с другими легендами. Производители качина таинственным образом производили *разных* людей.

Белый Медведь ясно понимает мистику этих рождений: «Как бы странно это ни звучало, сношений не было никогда, никаких половых актов, и все же избранные женщины беременели». То же говорится в «*Пополь-Вух*» [7], главной хронике киче-маяя. Первые люди были зачаты «без отца»: «Их называли «созданными». Они были созданы чудом, волшебством». В «*Пополь-Вух*» написано также, что среди созданных были мужчины «большой мудрости и ума». Белому Медведю, не читавшему «*Пополь-Вух*», это известно из преданий хопи: «То были удивительные, могучие мужчины, всегда готовые помочь, но не разрушать».

В ацтекской легенде [17] сообщается, как в точном лабораторном отчете, что жрец-правитель Кецалькоатль был продуктом искусственного оплодотворения: когда богиня Коатликуэ, «Та, которая в змеином одеянии», очищала землю, в нее попал маленький шарик из пуха, который она спрятала в своем одеянии; позже, когда она стала его искать, он исчез, а еще позже она почувствовала, что беременна. Сын, которого «Та, которая в змеином одеянии», родила, был Кецалькоатль, «пернатый змей». В другой легенде, повествующей о таком же случае, богиня забеременела от птичьего пера, в еще одной — от драгоценного камня, мужчин же при этом никогда не было. Выдающийся случай полнейшей эмансипации.

Белый Медведь описывает, как качина оказывали помощь при исходе его народа. Они использовали три способа: на «летающих щитах», небесных колесницах богов, они вывезли из опасной зоны по воздуху так сказать правящую верхушку, которая должна была подготовить новую землю — Южную Америку — для переселенцев. Для массовых перевозок имелись «большие птицы», а также, естественно, суда, лодки и каноэ самых разных размеров.

Каковы технические параметры «летающих щитов», Белый Медведь, исходя из предания, сказать не мог, однако сравнил их форму с половиной тыквы. То, что легендарные небесные колесницы явно существовали, иллюстрируют наскальные рисунки в Ораиби, древнейшем поселении хопи в Аризоне. Вот, например, на щите с загнутыми кверху краями сидит женщина, под ней в скале выцарапана стрела с перьями. Стрела означала, как переводит Белый Медведь, «полет» и «быстроту».

Бегло взглянув на карту Египта, вспоминаешь, что там можно увидеть очень похожие рисунки «летающих щитов», которые, правда, египтяне называют «небесными барками». Тот, кто попадет в те края в качестве туриста, сможет любоваться целыми эскадрильями небесных барок на так называемой астрономической крышке в склепе Сенмута в Дер-эль-Бахри, в Храме мертвых Рамзеса II в Фивах на восточном берегу Нила (сегодняшний Луксор) или на астрономическом фризе храма в Эдфу [19]. Хопи называют эти конструкции «летающими щитами».

Мифы передавались путем подобных, понятных сравнений. Если Белый Медведь говорит о форме половины тыквы, то в преданиях аборигенов островов Таити [20] в Тихом океане используются в качестве образа «раковины», на которых боги прилетели «из черноты Вселенной». В легендах Кирибати [21], группы островов Микронезии, первый бог Нареау летает

на скорлупе кокосового ореха, а Макемаке, «бог обитателей воздуха» [4], прибыл на остров Пасхи, самый восточный из полинезийских островов, в пустом яйце. Таким образом, Белый Медведь, характеризуя летающий предмет как половинку тыквы, входит в хор рассказчиков преданий, настроенный на одну волну.

Следующую группу, как рассказывает Белый Медведь, перевезли с затопленного континента Касскара «на спине больших птиц». Эта аллегория тоже имеет параллели, одна из наиболее выразительных представлена в индийской мифологии. Там по небу несется Гаруда («гаруда» значит «крылья»). Он был царем птиц и служил ездовой птицей бога Вишну (что означает «вездесущий»). Замечательной птице — с крыльями орла и телом человека — приписывали огромные способности: говорили, что она была очень умна, действовала самостоятельно, вела войны и выигрывала сражения; ее тело было красного, а лицо белого цвета, тогда как ее крылья сияли с неба золотистым цветом. Когда царь птиц начинал махать крыльями, дрожала земля.

Третья группа, основная масса беженцев с Касскары, достигла Южной Америки на больших судах и маленьких лодках. В этой массовой эвакуации боги участвовали тоже: качина, мужчины большой мудрости, всегда готовые прийти на помощь, вели караваны судов от острова к острову и не давали им отклониться от курса. Поскольку, как предполагается, радиолокаторов тогда еще не было, такие указания о направлении движения могли бы передаваться с наблюдательных постов в воздухе. Правда, этого не сказано в предании Белого Медведя, так подсказывает мне здравый смысл.

После прибытия хопи в Америку началась их новая история. Индейцы усердно размножались, развивали врожденные для человека племенные интересы, делились на рода. Некоторые группы за несколько тысяч лет переселились с юга на север. В их числе были роды Медведя и Койота, к которому принадлежит Белый Медведь. Могут ли теперь хопи обращаться к тому, длившемуся несколько тысяч лет прошлому? Белый Медведь ограничивает такую возможность:

«Не все люди, которые пришли в четвертый мир и жили в Таотоома, были хопи. Было бы лучше сказать, что в числе этих людей были наши предки. Среди многих прибывших в Южную Америку людей индейцами хопи называли только тех, кто в конце концов добрался до Орауби, и их стали называть хопи лишь тогда, когда приняли там».

Внутри большого народа хопи образовывались новые племена, которые отделялись от основной части; они поселялись в высокогорной области и в девственных лесах, при этом предками майя были как инки, так и ацтеки. Явным подтверждением тому служат почти идентичные предания, а также наскальные рисунки древних индейцев.

Белый Медведь рассказывает о городе Палаткуапи (= Красная земля), который его предки возвели в Центральной Америке, он считался центром науки. Никто из хопи, независимо от того, к какому роду он принадлежит, «никогда не забудет Палаткуапи», потому что этот город глубоко врезался в память. В Палаткуапи было четырехэтажное здание, которое служило только для обучения. Оно было построено ступенями, и каждая более высокая ступень приравнивалась к большим знаниям: чем выше поднимался храм образования, тем меньше индейцев могли туда попасть.

На первом этаже молодые индейцы изучали историю своего народа, на втором этаже их обучали естествознанию, включая строение веществ (химия!): здесь оттачивался ум, пробуждались чувства, закладывались основы понимания гармонии всей жизни в природе.

Белый Медведь сказал:

«По этой причине хопи в своих обрядах поют хвалу природе, которая вокруг нас, и всем стихиям. Это происходит из уважения к великой силе божественного существа».

Наверху, на четвертом этаже, где число индейцев-студентов значительно уменьшалось, изучали астрономию — интересный предмет, который совершенно неизвестен ученикам наших школ. Вот что рассказывает Белый Медведь:

«Изучались все подробности нашей Солнечной системы. Они знали, что Земля круглая, что на Марсе лежит мелкий песок, что на Венере, Марсе и Юпитере жизни нет».

Система школьного образования древних индейцев явно не придерживалась образовательной уравниловки!

Кто были преподаватели, откуда почерпнули они свои знания?

Белый Медведь говорит кратко: «Уроки давали качина!» Ныне в науке образовалась молодая ветвь, археоастрономия, которая занимается астрономическими знаниями древних народов. Она может привести ученых к колоссальным научным выводам, если они, конечно, не будут носить шор.

Профессор Энтони Ф. Эйвени из университета Колгейта в Гамильтоне, штат Нью-Йорк, в предисловии к своей очень умной книге [22] сердится на меня. Поскольку есть люди, пишет Эйвени, которые утверждают, что на знания наших предков повлияли инопланетяне, то одна из его целей — доказать, что народы Месоамерики, в том числе на территории высокоразвитых культур майя, всецело следовали путем «логичного, эволюционного развития». «Границы между высокомерием и невежеством расплывчатые», — заметил Альфред Польгар (1875–1955), мастер тонкой иронии.

Археoaстрономия — молодая наука, которая собирается заняться неисследованными областями, — уже исчерпала бы себя, если бы не принимала во внимание, какие именно предания имеются у народов Месоамерики, опровержение которых Эйвени сделал своей программой. Пусть Эйвени спокойно берет меня на мушку, ему все равно в меня не попасть, потому что — клянусь! — это не я вписал в мифы документальные сообщения о визитах «богов» из космоса. А Эйвени придирается к достоверности древней истории индейцев, к источникам, без которых и его новая наука не может заниматься исследованиями.

Заверяю под присягой: я не был знаком с пророками Енохом и Илией, я не встречался с Гильгамешем, я не работал над планом Ветхого Завета и не принимал участия в записи «Пополь-Вух», придя в восторг от сообщений почтенного Белого Медведя, я не вступил в род Койота. Однако ученый Эйвени лишает свое важное, если относиться к нему серьезно, исследовательское задание опоры, как только толстым ластиком стирает богов древности из дошедших до нас древних священных хроник; там они на месте уже тысячи лет. Современным исследованиям в этой области хочется пожелать скромности какого-нибудь жреца-ученого какого-нибудь древнего народа, его благоговения перед богами, которых он благодарил за знания, принесенные гостями из Вселенной.

«Странно, но люди пришли в самый настоящий восторг, узнав, что происходят от обезьян, — пишет Эрвин Шаргафф [1]. — До сих пор они думали, что их создал только Бог».

Мистер Энтони Эйвени знает совершенно точно, что в знаменитой дарвиновской теории

происхождения видов не хватает одного звена — называемого во всем мире *missing link*. С помощью учения об эволюции можно объяснить (почти) всё, но только не появление разума у гоминидов. Я давно уже не одинок со своей гипотезой, что решающий шаг им помогли совершить взрывные силы.

Белый Медведь сообщил, что индейцы в Палаткуапи жили в довольстве сотни лет, пока демографический взрыв не вынудил их заняться основанием новых поселений. От этого ослабли связи с центром в Палаткуапи: новые общины требовали независимости. Качина покинули Палаткуапи, потому что их чистое учение было опошлено настолько, что индейцы мало вспоминали о тех, кто принес им культуру, а вместо этого создали новых богов и кумиров. Каждое племя было одержимо своими новыми творениями, поэтому неизбежно происходили ужасные братоубийственные сражения. Хотя враждующие племена уважали храмы и пирамиды старых богов, однако священные обряды утратили традиционные формы, вследствие чего религиозные центры были постепенно покинуты.

Так опустела столица рода Лука, город майя Тикаль, где уже самые первые раскопки обнаружили доказательства заселения доклассического периода. Опустели и улицы и храмы города Палаткуапи, который мы сегодня называем Паленке.

Индейцы, желавшие жить в согласии с природой и космическими законами, основали новые селения в новом духе. Под знаком пернатого змея Юкатан стал преимущественно страной могучего рода Змеи. Роды Медведя и Койота обосновались дальше к северу; если их не убили или не вытеснили бледнолицые, они живут там до сих пор. В наше время в Хотвилле, деревне хопи в Аризоне, каждый февраль проводится «церемония пернатого змея».

Благодаря Джозефу Ф. Бламричу мы можем сегодня ответить на вопрос о серьезности рассказа Белого Медведя. Бламрич годами проявлял необходимое терпение, которого требует серьезное исследование; он установил глубокое сходство исторических фактов и достоверность преданий хопи.

Когда хопи в Аризоне показали изображения города Тикаль, они разразились восторженными индейскими криками: они повсюду узнавали символы своего рода, знаки, которые подтверждали прошлое их собственной истории. Белый Медведь сказал:

«Во всем есть значение, и повсюду записана история. Мы духовно ориентированные люди, и археологи, и историки должны отдавать себе отчет, что сначала им нужно понять нас, тогда они смогут объяснить развалины».

С давних пор археологи ищут вескую причину, по которой майя могли покинуть свои старые города и основать новые. Белый Медведь дает убедительное решение через понимание его народа: жизнь в исконных местах была отравлена религиозными спорами и оставаться там не стоило. Умные качина, которые могли бы вмешаться, давая советы и улаживая споры, уже покинули Палаткуапи.

Новые исследования заставляют специалистов датировать существующие развалины построек майя все более ранним временем. Доклассический период, эпоха перед майя, давно не соответствует вчерашним временным предположениям. Известный в Америке ученый Норман Хэммонд [23] нашел на Юкатане керамические изделия, относящиеся к 2600 г. до н. э. — это на 1500 лет больше, чем допускала прежняя схема. Такие академические скачки во времени не оставил без внимания профессор Шаргафф: «Впрочем, в естественных науках объяснения представляют собой нечто особое. Все они имеют обычно не признаваемый срок годности». Вот так. Кто решится утверждать, что «новейшие» данные являются окончательными?

Белый Медведь сказал, что умные качина, существа из Вселенной, обучили их жрецов. В

книгах «Чилам-Балам», тщательно хранимых во многих селениях майя, имеется подтверждение слов Белого Медведя:

«Это рассказ о нисшествии бога, тринадцати богов и тысячи богов, которые дали указания... жрецам Чилам-Баламу, Шупану, Науату» [24].

Желающие ознакомиться с западным описанием тех же фактов найдут в книге пророка Еноха не только точное название «стражи неба», но и сведения об экипаже, который равным образом оказался группой наставников:

«Семъяза научил... нарезке корневых черенков, Армарос — снятию заклятий, Бараквел — наблюдениям за звездами, Кокабеэль — астрологии, Эзеквеэль — науке облаков, Аракиэль — знамениям Земли, Самсавеэль — знамениям Солнца, Сериэль — знамениям Луны...»

Чтобы странность не осталась незамеченной, позволю себе заметить, что предметы, которым обучали «стражи неба», становились все сложнее (от нарезки корневых черенков до толкования небесных знамений) — такая мысленная структура очень похожа на многоэтажный университет качина.

Единственное, что кажется неизменным, с тех пор как люди стали в состоянии мыслить: им нужны образцы, идеалы. Для молодых народов — или древних, как хотите, — это были «боги», «падшие ангелы» или «стражи неба» (Енох) либо качина, мудрецы из космоса. Если идеалы исчезали из поля зрения, тогда поднимало голову мелкое честолюбие «близких родственников»: эпигоны создавали свои «школы» и требовали уважения. Многочисленные мелкие, поддельные «боги» порождали хаос убеждений, при котором было легче преодолеть власть настоящих богов.

В сознании древних народов память уничтожена не была. Их постоянно тревожил страшный вопрос: накажут ли нас боги, когда они вернутся из Вселенной, как было обещано? Не следует упускать из виду, что этот вопрос жив и в современных религиях, только наказание богов или бога отсрочено до дня Страшного Суда, т. е. перенесено на время после смерти. С учетом перспективы возврата богов это представляется даже логичным: если они не могут привлечь людей к ответственности при жизни — поскольку во время их краткого существования возвращения богов не происходит, — то следует угрожать и преследовать их даже на том свете. Тогда все становится нереальным и не поддающимся проверке.

Между тем народы Центральной Америки, и не только они, боялись реального возвращения своих богов. Они со страхом следили за небосводом, ведя тщательный учет всяческих измерений. Этот страх наверняка был мощным стимулом для получения грандиозных астрономических знаний.

Видимо, наблюдение за небесными объектами делилось на две категории: изменения и перемещения на небе, предшествующие прибытию богов, и затмения Солнца и другие явления, возвещающие конец мира.

Подтверждение такого предположения дает старательно выполненная работа испанского миссионера и исследователя индейской культуры Бернардино де Саагуна (1500–1590), который, будучи монахом ордена францисканцев, работал на территории Мексики.

Саагун изучал язык нахуа, группы индейских племен, которые во второй половине I в. н. э. ассимилировали более древние народы с высоким уровнем культуры; на их языке нахуатль до сих пор говорит подавляющая часть сельского населения Мексики.

Находясь в миссионерских походах или пребывая в иезуитской школе в Санта-Крус,

которой он руководил, Саагун заставлял индейцев рассказывать ему, что они знали о прошлом своих народов. Так возникла его «*Historia general de las cosas de Nueva Espana*» («Общая история дел в Новой Испании»), которая представляет собой протокол фактов. В ней выдающееся место занимает астрономия. Индейцы образно описывали свои страхи перед небесными явлениями:

«Когда наступила эта ночь, все очень испугались, ждали того, что было сказано: если палочка с деревяшкой, о которую она трется для добывания огня, упадут неудачно, то все погибнут, наступит конец, придет вечная ночь. Солнце больше не взойдет, так что будет полная тьма. Сверху свалятся чудовища цуцицими и будут пожирать людей... и рассказывали, что никто не сел на земле, а все залезли на плоскую крышу. И каждый был охвачен волшебной верой, что ему следует остерегаться неба, остерегаться звезд, которые называются «Множество» и «Палочка с деревяшкой»» [26].

В «Истории...» также говорится о «дымящихся звездах», предвещающих беду; видимо, речь шла о кометах или метеорах, которые с огненным хвостом проносились в небе. Помимо дымящихся звезд, индейцы рассказывали и о «стреляющих звездах»:

«Говорят, что выпущенная ею стрела не минует цели, не пролетает мимо... и ночью приходилось остерегаться, закутываться, укрываться, надевать одежду и чем-то перепоясываться, вот так боялись люди стрел звезды».

Астрономические наблюдения для удобства объяснения ловко объявляются астрологией, которая обращается с небесными телами, имеющими хорошее или дурное влияние. Однако мерцающие на небе звезды не могут изначально считаться «злыми» или «добрыми». То, что происходило высоко наверху над маленькими индейцами, никому не причиняло вреда! По моему мнению, то было первичное воспоминание, переданная через поколения хроника, которая воскрешала в памяти определенные ассоциации с известными звездами. Видимо, была причина, по которой майя — подобно древним грекам и римлянам — боялись Марса как планеты войны [24].

Разумеется, свое место в «Истории...» нашел и восход первого солнца как начало сотворения мира. Боги разожгли большой костер, в который пришлось броситься двоим из них, чтобы своей жертвой вынудить солнце взойти, тогда как другие боги внимательно наблюдали за небом, чтобы не пропустить восход солнца:

«Как говорят, теми, кто смотрел туда, были Кецалькоатль, прозвище которого Экатль, еще Тотек, или владыка кольца, еще красный Тецкатлипока, еще те, кто называли себя Облачными Змеями!» [26]

Странная компания с забавными именами собралась здесь!

И снова с нами бог Кецалькоатль, наш «пернатый змей», которого киче-майя называли Кукумац, а на Юкатане — Ку-кулькан. Согласно преданиям, он — фигура многоплановая: у ацтеков был правитель по имени Кецалькоатль, но поначалу так называли и жрецов. Поскольку имеющиеся о Кецалькоатле-Кукулькане данные явно охватывают полтысячи лет, речь не могла идти об одном и том же лице.

Первоначальный, так сказать, настоящий Кукулькан был «небесным змеем», «небесным чудовищем», которое «периодически приходит на землю» [27]. Этот единственный в своем роде

Кукулькан был с самого начала тесно связан с Ицамна, верховным небесным богом майя, создателем письма и календаря. Он был владыкой небес, «который живет в облаках». Его изображали стариком, тело его было украшено символами планет и астрономическими знаками, он считался своего рода двуглавым драконом.

Драконы как неперемный мотив встречаются в мифах многих древних народов, они появлялись у египтян, вавилонян и германцев, а также у тибетцев, индусов и китайцев, у которых в эпоху Суй (420–479 гг.) дракон считался символом императорской власти.

Дракон был известен еще в период Шан около 1400 г. до н. э. Воспоминание о божественных драконах в Китае сохранилось вплоть до наших дней: по случаю великих торжеств китайцы запускают в небо ряды пестрых воздушных змеев на длинных шпагатах; в пасть изготовленных из огнестойкого материала голов чудовищ они кладут плошки с горючей смолой или сапужной ваксой; от движения в воздухе возникает горячий воздушный поток, который поднимает змея как в невесомости. Часто в корпуса змеев вставляют петарды, и тогда в небе как по волшебству возникает огнедышащее чудовище. То, что сегодня служит для развлечения, раньше было частью ведения психологической войны: извергающих искры, стреляющих воздушных змеев запускали над вражеским фронтом, где они вызвали замешательство и страх.

О мотиве драконов, подтвержденном по всему миру, высказывалось много предположений. Существовало ли общее для всех народов первичное воспоминание о ящерах, огромных ископаемых рептилиях? Весьма неправдоподобно! Все виды ящеров вымерли 64 миллиона лет тому назад, когда людей не было и в помине [28]. Как и почему эти безобразные рептилии должны вдруг летать и извергать огонь? Профессор Зенгер-Бредт задала вопрос [29], не стал ли мотив драконов «таким продуктивным от вида Млечного Пути на небе. Не дал ли такой «небесный змей», охватывающий весь небосвод, повод для создания мифов о драконах?»

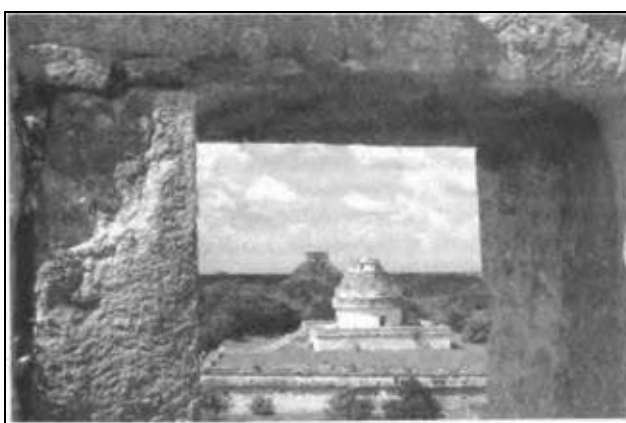
Ответ такой: едва ли! У наблюдателей за небесными объектами тех народов, которые поклонялись дракону, мирно мерцающий Млечный Путь был известен под другим названием.

Настоящий Кукулькан не был обычным пернатый змеем, рожденным из фантазии о перьях птицы кецаль и чешуйчатой коже змеи, нет, предания говорят о «летающем змее», который появился с неба, дал людям наставления во многих областях и улетел обратно туда, откуда появился. Тому есть неопровержимые доказательства.

Город Чичен-Ица был одним из важнейших центров майя на Юкатане; даже его руины внушительны и благородны.

В центре культовых сооружений находится 30-метровая ступенчатая пирамида, посвященная богу Кукулькану, которая, имея квадратное основание с длиной стороны 55,50 м, представляет собой гениальное отображение календаря как символа летающего змея. Каждая грань пирамиды, состоящая из девяти размещенных друг над другом платформ, соединенных между собой посередине широкой лестницей, поднимается вверх. Каждая из четырех лестниц имеет по 91 ступени. На верхней платформе еще одна ступень ведет в храм, по бокам входа в который стоят две колонны, изображающие пернатых змеев.

Каждая ступень считается одним днем; поэтому получается $4 \times 91 = 364 + 1$, количество дней года. Каждая грань пирамиды состоит из 52 искусно украшенных каменных плит, это число соответствует календарному циклу майя. Пирамида настолько точно выставлена по странам света, что 21 марта, в день весеннего равноденствия, и 21 сентября, в день осеннего равноденствия, можно наблюдать, как пернатый змей сползает по пирамиде и снова ползет вверх.

Чичен-Ица

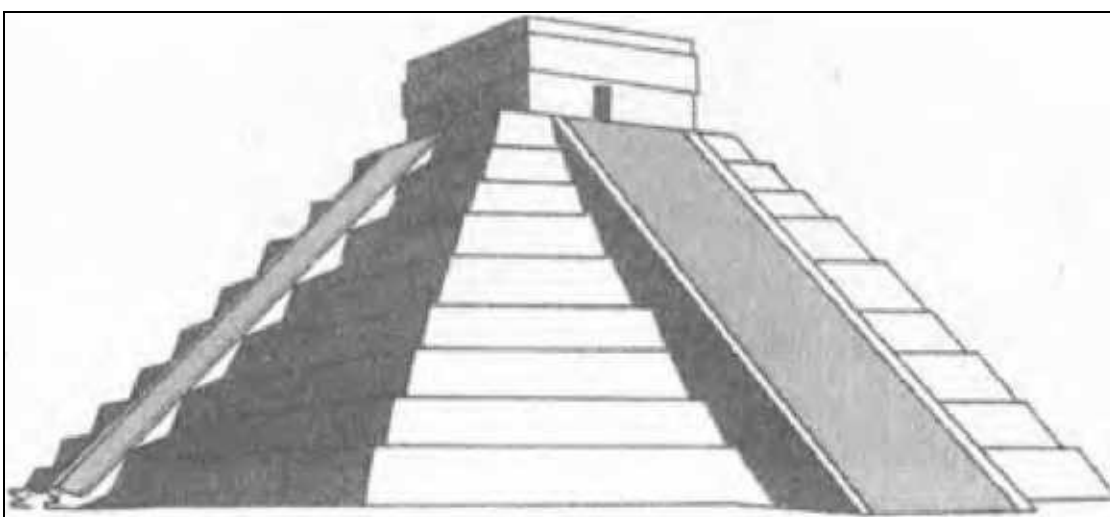

Пирамида Кукулькана

Потрясающее представление разыгрывается следующим образом.

Все четыре лестницы слегка отклоняются от стран света, они лежат почти рядом с основными направлениями стран света С — В — Ю—З. 21 марта примерно за полтора часа до захода солнца солнце светит на обращенную к западу грань пирамиды. Лучи и длинные тени змееподобно тянутся к северному фасаду пирамиды. Чем ниже опускается солнце, тем более захватывающим становится уникальное зрелище, из года в год привлекающее тысячи любопытных.

По мере захода солнца сначала благодаря уступам девяти платформ на краю лестницы тень образует равнобедренные треугольники. Они символизируют девять частей тела Кукулькана. Затем треугольники превращаются в волнистую ленту, которая — по мере захода солнца — ползет по краю лестницы, чтобы на последней, верхней ступени соединиться с могучей каменной змеиной головой бога.

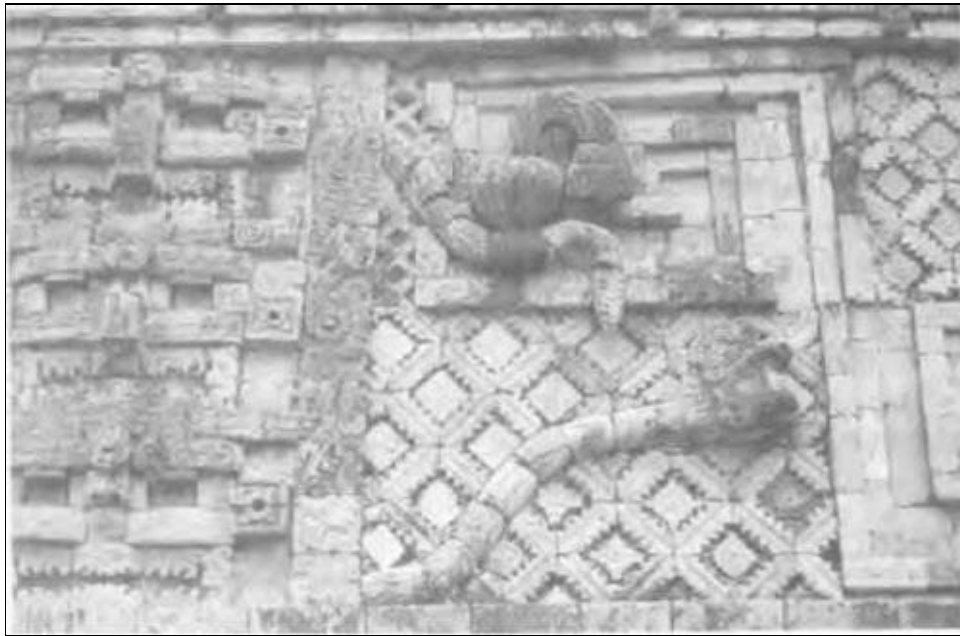
21 сентября, на восходе солнца, на противоположном фасаде пирамиды спектаклем можно любоваться в обратной последовательности: сначала кажется, что из света и тени оживает голова пернатого змея, затем темные, четко ограниченные солнечным светом линии тени ползут по телу змея к верхней платформе. После короткой остановки в храме Кукулькана волшебство, созданное тенями, пропадает: в сияющем солнечном свете пернатый змей исчезает во Вселенной. Все увиденное — демонстрация высшей математики на службе богов: Кукулькан спустился из космоса, пробыл некоторое время среди людей и вернулся на свою звездную родину.

На модели видно, что «современная» пирамида была построена поверх более древней. Модель находится в Музее антропологии в Мехико

Пирамида Кукулькана, блестящая шутка гения, показывает, как астрономы, математики, архитекторы и жрецы увековечили в этом сооружении народные предания. Она доказывает, что непостижимые теоретические знания в сочетании с превосходным техническим ноу-хау были в

наличии с самого начала, что они не были наработаны в эволюционном смысле. Под покровом развалин ступенчатой пирамиды лежит вторая пирамида меньшего размера, относящаяся к более раннему периоду, и она тоже выверена по астрономическим закономерностям.

Космический змей ползет вдоль стены.

...он несет голову в шлеме

Можно ли вообще решить загадку этих сооружений, не признавая содействия сведущих в технике инопланетян? При строительстве ничего, абсолютно ничего нельзя было оставить на волю случая или исправить потом. Уже расчет основания пирамиды должен быть согласован со всеми девятью платформами и четырьмя лестницами по 91 ступени. Малейшее угловое смещение не позволило бы достичь желаемого результата, который я только что описал. Но как

жрецы-астрономы должны были контролировать, соответствует ли возводимое сооружение проекту, всем подробным расчетам? Природа не могла в этом помочь: равноденствия происходят лишь два раза в год, и только в эти два дня мог быть виден феномен спускающегося или поднимающегося Кукулькана. Не было также никаких гарантий, что во время обоих равноденствий солнце «включит» свой свет. Нет, еще до начала работ должны были существовать четкие планы, полностью исключавшие отклонения. Не велись ли работы по изоциркульным масштабным моделям пирамиды? Тогда шапки долой перед народом каменного века, который был настолько продвинут в техническом отношении. Даже по руинам видно совершенство.

Для истории его народа время так же не имеет значения, как для самого творца, сказал Белый Медведь, указав тем самым на бесконечность мышления майя. Строители Чичен-Ицы воплотили ее в камне, они предвидели, что волны времени сомкнутся над их культурами, как возвещали книги «Чилам-Балам». Чтобы их послания не пропали, свои знания о богах они вверили храмам, пирамидам и стелам... как о том распорядились их божественные наставники.

«Летающий змей» представлен повсюду; он даже обрамлял балюстраду площадки для игры в мяч...

...и нес караул у Храма тысячи колонн

Исламские мечети во всем мире сориентированы на город Мекка в Саудовской Аравии. Если, не важно в каком далеком будущем, через продольные оси мечетей будут проведены линии, эти линии со всех четырех стран света сойдутся в точке пересечения возле Каабы в Мекке. Даже если когда-то Мекка с Каабой перестанет существовать, то все еще устремленные к легендарной цели линии будут означать: здесь когда-то был важный священный центр. Майя достигли подобного строительством пирамид Чичен-Ицы.

Мы рассмотрели три из четырех групп источников, переживших разрушительные вахканаллии и эпохи, — «Пополь-Вух», книги «Чилам-Балам», хроники Бернардино де Саагуна. Остаются еще древнеамериканские пиктографические рукописи.

В Мексике у ацтеков при храмах были школы, в которых послушники — как средневековые монахи в монастырях далекой Европы — копировали древние пожелтевшие рукописи и переносили пиктограммы с древних оригиналов на кожу или бумагу из волокон агавы. Видимо, когда-то таких скопированных рукописей было много. Ханс Бидерман, большой знаток истории Центральной Америки, в своем труде «*Altmexicos heilige B cher*» («Священные книги Древней Мексики») [30] цитирует испанского иезуита Франсиско Хавьера Клавигеро:

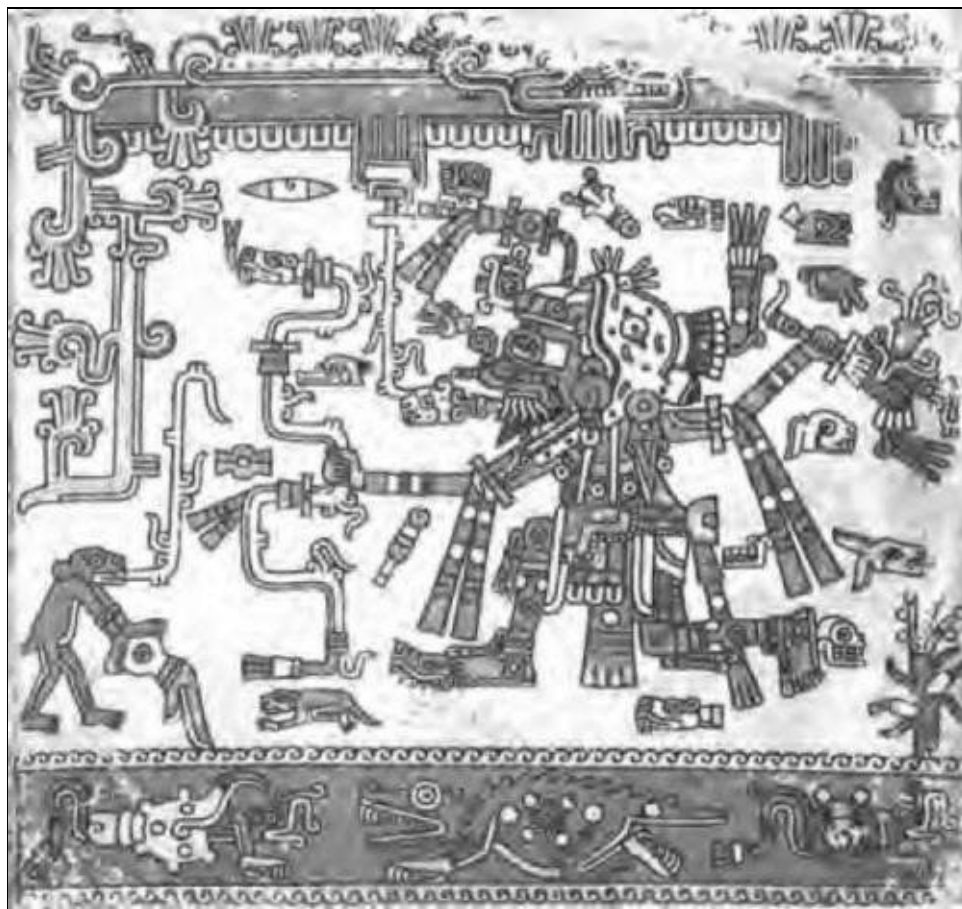
«Все рукописи, найденные в Тезкуко, они свалили на рыночной площади в таких количествах, что куча напоминала небольшую гору; они подожгли ее и сожгли дотла воспоминания о многих весьма редких, странных событиях».

После аутодафе этой горы книг во всем мире оставалось около 20 таких пиктографических рукописей, из которых по крайней мере некоторые были изготовлены в доиспанскую эпоху. Они называются *Кодекс Виндобоненсис* (сейчас находится в Вене), *Кодекс Ватиканус* (Рим), *Кодекс Колумбинус* (Мехико), *Кодекс Эгертон* (Лондон), *Кодекс Тоналаматль* (Париж) и *Кодекс Борджиа* (Рим). *Кодекс Борджиа* — самый известный и лучше всего сохранившийся. Как и все рукописи майя, он сложен гармошкой. Размеры каждого из 39 исписанных с обеих сторон листов 27 x 26,5 см; в развернутом виде прекрасная историческая книга имеет внушительную длину свыше 10 м.

Каков возраст *Кодекса Борджиа*, насколько глубоко в прошлое уходит его начало — неизвестно, но можно с уверенностью считать, что он происходит из города Чолула. Там, примерно в 100 км южнее Мехико, стоит пирамида Тепанапа, площадь основания которой больше, чем у пирамиды Хеопса под Каиром. Возраст пирамиды пока не определен, поскольку она перестраивалась от 15 до 20 раз: огромное, покрытое растительностью сооружение, которое мы видим сегодня, — это лишь внешняя оболочка первоначальных пирамид. В окрестностях Чолулы загадочен, как пирамида Тепанапа, и характер орнамента на храмах, который имеет явно перуанское происхождение: «Узор в виде шахматного поля с бордюром в виде ступенчатого меандра или бахромы» [31]. Странно видеть такой перуанский орнамент на мексиканских храмах, не менее странно обнаружить такой же стиль в *Кодексе Борджиа*.

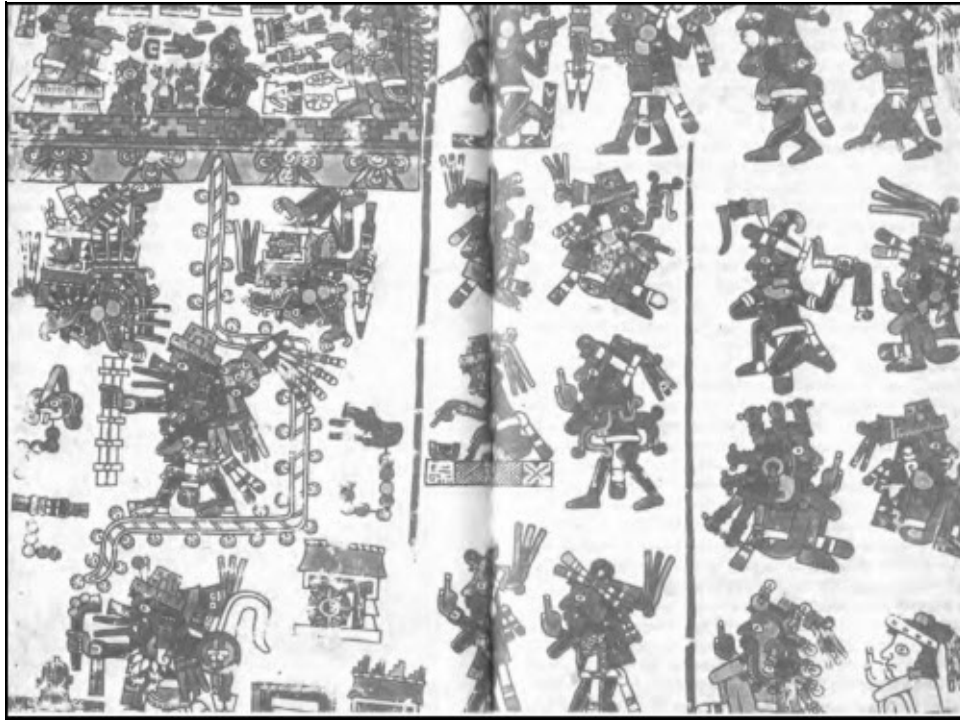
Прилежные специалисты считают, что им удалось истолковать содержание одной трети *Кодекса*, но расшифровка всех древнемексиканских пиктографических рукописей происходила и происходит с огромным трудом. Специалисты топчутся на месте, ходят по кругу, часто обнаруживают вещи, которые объективный наблюдатель увидеть не в состоянии. Два примера: I. На рисунке, приведенном на с. 207, показана вторая страница *Кодекса Аууда*, который принадлежит Бодлейской библиотеке в Оксфорде. В центре такой специалист, как Бидерман [30], опознал ацтекского бога дождя Тлалока: «Для него [Тлалока] характерны круглые обрамления глаз, напоминающие очки, и торчащие вниз из верхней челюсти зубы. Верхнюю губу и ряды зубов можно вывести из символического изображения дождевой тучи и проливающегося дождя!»

Может, тут и в самом деле позирует бог дождя Тлалок — но только где «торчащие вниз зубы»? Я не понимаю, что общего могут иметь «верхняя губа и ряды зубов» с «символическим изображением» дождевой тучи.

Фрагмент *Кодекса Аууда*

Тлалок «носит шлем с ягуаром», читаю я в комментарии. Да, я обнаружил такую штуку вроде шлема, но где ягуар? В левой руке бог «держит роскошный топор, лезвие которого выступает из пасти змеи». Рассудок, не покидай меня! С лупой я пытаюсь рассмотреть портрет Тлалока, но мне удастся разглядеть только небольшой, похожий на жезл предмет — эта маленькая штука и есть «роскошный топор»? На искусных рисунках может быть изображено все что угодно, но интерпретация для меня не *убедительна*. Ах да, а «в другой руке он несет белую змею, вероятно, символ молнии». Это ж надо до такого додуматься...

Фрагмент Кодекса Виндобоненсис

На предыдущем развороте показан фрагмент страницы 48 Кодекса *Виндобоненсис*. Интерпретатор полагает, что 16 фигур на правой половине представляют собой «очевидно различные ипостаси бога Кецалькоатля» [30], на левой половине рисунка показан «спуск Кецалькоатля на землю», а в самом верху «небесный фриз с двумя древними богами, между которыми сидит еще нагой Кецалькоатль». В том же небесном фризе посередине есть отверстие, из которого свисает нечто вроде «облепленной пухом» веревочной лестницы.

Почему маленькие круглые шарики — такая форма их видна под микроскопом — должны быть «из пуха», я не понимаю, но поверю, если толкователь сможет предъявить документ, что он является энной инкарнацией воспитанника ацтекских жрецов, который когда-то прикоснулся к шарикам из пуха! По бокам от чудесной веревочной лестницы находятся «небесные существа», которые падают вниз. В довершение всего у нижнего левого края рисунка изображен спускающийся — по веревочной лестнице? — Кецалькоатль в полной боевой раскраске со щитом, дубинкой и украшениями, он обрамлен «храмами и таинственными местами».

Такие толкования могут быть приемлемы среди специалистов, не мне об этом судить, но я не могу избавиться от неприятного чувства, что эти рисунки должны передавать совсем другое содержание. Разве мы прилагаем недостаточно усилий, чтобы с современной точки зрения находить свежие решения? Что может означать тот факт, что в 16 «различных ипостасях» на фигуре Кецалькоатля каждый раз другое головное украшение? По-видимому, это важно, иначе древний хронист не старался бы, изображая варианты головных украшений. Вокруг обнаженного

черного Кецалькоатля стоят не только боги — если это вообще боги. Что означают наросты позади него? А многочисленные странные символы вокруг него? Я прочел, что это «дни-знаки». Но что они все-таки обозначают?

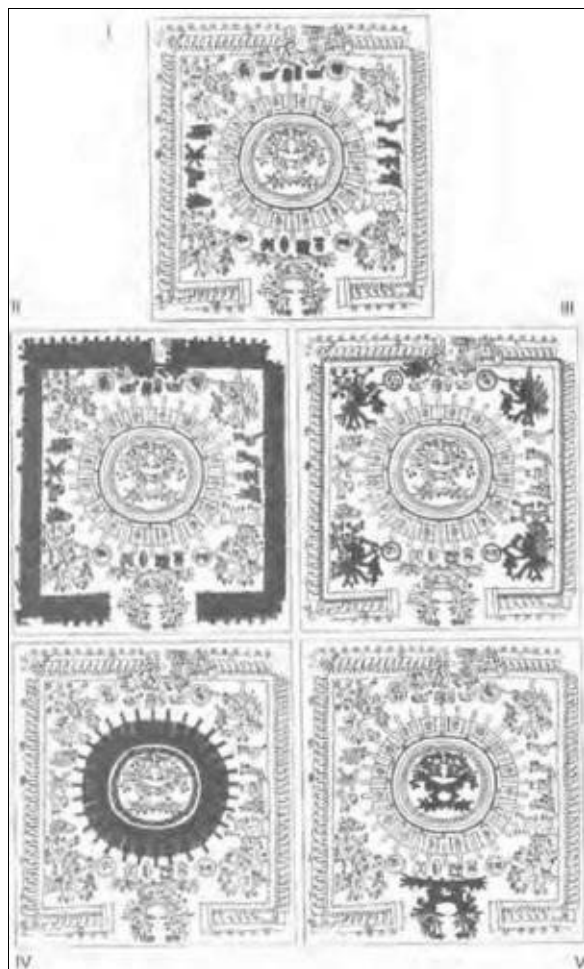
Древнеамериканские пиктографические рукописи представляются мне картинками-загадками. Согласно словарю, картинка-загадка — это графическое изображение, при внимательном рассмотрении которого можно увидеть другую картинку, или это картинка-головоломка, содержащая не сразу различимую фигуру. А что, если в случае знаков, которые считаются открытыми, речь идет о знаках сокращения для, например, аминокислот или химических соединений?

Среди предложенных толкований эта мысль не кажется мне самой нелепой; она не моя, мне изложил ее в переписке мой читатель Хельмут Хаммер из Форххайма, ФРГ.

Кодекс Борджиа

Сначала я вынул из конверта фотокопию страницы 30 *Кодекса Борджиа*. Хельмут Хаммер спрашивал: «Вам ничего не бросается в глаза?» — Нет, ничто не привлекало моего внимания; я казался себе одним из первых людей, о которых в «*Пополь-Вух*» говорится, что боги затуманили им глаза, чтобы они не могли видеть слишком ясно. Впоследствии я узнал, что у Хельмута Хаммера был профессиональный взгляд, поскольку он художник-график. Для него картинки состоят из частей, которые он расчленяет и складывает; у него правильный взгляд на древнемексиканские картинки-загадки. Я получил пять фрагментов страницы 30 *Кодекса Борджиа*. На каждой странице была показана другая, выделенная разными красками деталь. Поскольку выборки интересны и требуют обсуждения, я представляю на рассмотрение открытие

На рис. I изображены 20 дней-знаков. Почему именно 20? — спросил себя Хельмут Хаммер: «Случайно существуют также только 20 природных аминокислот, участвующих в построении жизни» Рисунки ацтеков и майя многозначны. Если 20 символов действительно обозначают «дни-знаки», то это не исключает и другого толкования. Мы знаем, что 20 дней лежат в основе календарей ацтеков и майя, а 20 аминокислот служат основой белков и клеток.

На рис. II изображены дни-знаки, обрамленные полосой. Каждая природная аминокислота состоит из четырех базовых элементов — водорода, углерода, азота, кислорода. Хотя в зависимости от кислоты добавляются и другие элементы, но без четырех базовых элементов обойтись нельзя. «Не потому ли, — спрашивает Хельмут Хаммер, — дни-знаки разделены на четыре группы?» Основные элементы, атомы, состоят из протонов, электронов и нейтронов. Если атомы имеют и другое строение из четырех базовых элементов, то без триединства протона, электрона и нейтрона нет атомов, на которых основана вся Вселенная? Если следовать по полосе, выделенной Хаммером, и сравнить его выборку с оригинальной страницей из *Кодекса*, то бросается в глаза, что каждые две желтые точки дают шарик, и эти шарики = атомы показаны везде посредством красной полосы, которая все окружает.

На рис. III показаны четыре заштрихованных человечка = бога, которые творят жизнь. Они несут на своих спинах связанные пучками символы химических соединений. Все четверо держат в руках жезлы, на их концах прилипло по аминокислоте (выделены кружком), которые они извлекают из какого-то колючего предмета или возвращают в него.

На рис. IV выделена оболочка клетки с разными мембранами, на наружном слое которых расположены шипы; они могли бы изображать подачу энергии. На каждом втором шипе имеется шарик из двух колечек, структурных элементов клетки. В ядре клетки извивается лента, похожая

на двойную спираль ДНК.

На рис. V показано содержимое клетки с разными веществами, самым важным из которых является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), макромолекулярный носитель наследственной информации. ДНК состоит из оснований — аденина, гуанина, цитозина и тимина. Каждый из них предпочитает разные контакты: аденин магнитом притягивается к тимину, тогда как гуанин влечет к цитозину. Стремящиеся друг к другу пары выделены на рисунке; два из четырех оснований уже переплелись. Помимо четырех оснований, цепочка жизни ДНК состоит еще из нуклеотидов, фосфорнокислых сахаридных оснований. В оригинале Кодекса они обозначены точками и кружками. На нижнем крае рисунка группа из четырех оснований покидает сцену: она передаст дальше генетическое послание — в оригинале четко отмечены четыремя цветами базовые основания, которые — изображенные извивающимися змеями — переплелись в единство двойной спирали. Тем не менее змея стремится прочь от партнерши. И это понятно. Каждая ветвь ДНК теперь самостоятельна и содержит полное генетическое послание, а значит, может отправляться в путь одна.

В предложенной краткой форме описание может показаться путаным, и кто-то высокомерно улыбнется над рассуждениями Хельмута Хаммера. Для таких я напомню, что начиная с 1851 г. застежку «молнию» пытались разработать блестящие инженеры — американец Э. Хоув (1851), немец Ф. Клотц и австриец Ф. Подушка (1883), американцы У. Л. Джадсон (1893) и П. Э. Эронсон (1906), но в результате застежку «молнию», одно из крупных изобретений XX века, запустили в производство лишь в 1911 г. мои соотечественники К. Кун-Моос и Х. Форстер, и при этом они не были профессиональными инженерами.

Почему Хельмут Хаммер не может быть на правильном пути? Естественнонаучное объяснение я охотно сравнил бы с аналогичным разумным объяснением из специальной археолого-этнологической литературы, однако комментарий [31] к Кодексу Борджиа содержит лишь сентенции вроде этой:

«Четыре бога дождя несут три разных дерева и куст агавы. Костяными ножами они указывают на те четыре дня-знака, с которых начинаются четверти календаря тональпохуалли. Они стоят вокруг красного круга с глазами-звездами. Ночь».

Действительно, ночь. С объяснениями подобного рода более чем за 100 лет мы не продвинулись ни на шаг. Из рукописей майя и древне мексиканских пиктографических рукописей якобы постоянно выскакивают только боги и их символы, ягуары, магические символы и много других фокусов.

Археолого-этнологические толкования могут мирно сосуществовать с естественнонаучными: «дни-знаки» могут изображать дни-знаки, точно так же как они могут представлять и аминокислоты. Я хотел бы только приоткрыть дверь к новым возможностям. Даже если я еще раз скажу, что не вижу, плодотворно ли предложение Хаммера, то непременно услышу в ответ, что древние народы Центральной Америки не имели понятия о клетках, их строении и генетическом коде, ведь они же были народами каменного века.

Поскольку сказанное мудрым Белым Медведем, который из истории своего народа знает, что на втором этаже «университета» в Паленке ученикам преподавали строение жизни и химические элементы, не помещается в ящички научных знаний, его слова пропускают мимо ушей. Их первыми преподавателями были качина — наставники, прибывшие из Вселенной.

Если согласиться с этим, станет также понятно, что сотни раз переписанные кодексы были передаваемыми из поколения в поколение учебниками.

«Иметь фантазию — не значит что-то придумывать. Это значит что-то делать из вещей».

Томас Манн (1875–1955).

ТЕОТИУАКАН — ОГРОМНЫЙ ГОРОД, ВОЗВЕДЕННЫЙ ПО ПЛАНАМ БОГОВ

Строить воздушные замки ничего не стоит, но разрушать их очень дорого.

Франсуа Мориак (1885–1970)

«Место, где становятся богам» — «Боги» и избиение ацтеков — Большой город, возведенный по плану, но не имеющий истории? — Теотиуакан — кандидат в Книгу рекордов Гиннесса — Расследование тайн с воздуха и с помощью компьютеров — Каким основным модулем пользовались планировщики Теотиуакана? — Специалисты поражаются, дилетанты удивляются — Загадочные географические карты — Облака тумана из ящика фокусника — То, чего не знали... — Краткие выводы — У нас все сверкало перед глазами

Тот, кто сегодня протискивается в хаосе Мехико, не подозревает, что ходит по земле с богатой историей. Я не знаю, имеют ли об этом представление местные жители.

В крупнейшем городе мира — на высоте 2440 м в высокогорной долине Анауак — живут примерно 18 млн человек, более точно сказать нельзя, поскольку каждая перепись дает другие данные. Эксперты ООН подсчитали, что в 2000 г. при продолжающемся бурном росте на этих 1500 км будут жить около 40 млн, если к тому времени город не погибнет сам по себе, как тот, на древних руинах которого он стоит.

Миллионы задыхаются под колпаком смога; ежегодно 100000 случаев смерти относят за счет отравленного воздуха. Мексиканцы, потомки ацтеков, с фатальным равнодушием губят свои легкие ядовитым воздухом, словно древние боги требуют от них человеческих жертвоприношений.

С шести утра до глубокой ночи в ушах стоит гул автомобильных гудков трех миллионов легковушек; в высокогорной котловине гудки кажутся более пронзительными, более громкими, сильнее бьющими по нервам. Более 20000 автобусов выбрасывают иссиня-черные клубы дыма, против которого влажные носовые платки в качестве фильтров бессильны. 17000 полицейских в синих мундирах пытаются резкими свистками и по-южному небрежными жестами управлять лавиной металла, она же ползет очень медленно — несмотря на грандиозные городские автомобильные магистрали, медленнее, чем пара лошадей сто лет назад. Насколько поражена система кровообращения этого гигантского города, видно по фонарям, которые по вечерам загораются и часто полностью гаснут на время, это демонстрирует перегруженная телефонная сеть, в которой звонки превратились в лотерею с сомнительным выигрышем, это показывает питьевая вода, вечно воняющая хлором и другими неопределимыми химикатами. Даже без войн люди могут массово убивать себя.

Город Мехико — это роскошные дворцы таких отелей, как «Камино реал» и «Эль президенте Чапультепек», в которых находятся филиалы самых изысканных парижских ресторанов, например «Максим» и «Фуке». Множество кафетериев и бистро, небольших

закусочных с фольклорными программами и не всегда солидная элегантность на сверкающих проспектах небрежно скрывают бедность и перенаселенность. В нескольких же кварталах от центра в жалких трущобах царствует нищета, люди живут в крошечных хижинах рядом с помпезными средневековыми соборами и церквями, у края дороги фешенебельного квартала колониальной эпохи сидят бродяги.

В парке Чапультепек зеленеют кусты и огромные древние деревья ауэуэте в пышном великолепии, по-видимому, они адаптировались к ядовитым выхлопам. В этом парке когда-то прогуливались ацтекские цари, Моктесума II построил здесь на холме свою летнюю резиденцию. По воскресеньям тут объединяются бедность и богатство. Гордые мексиканцы восхищаются фонтанами, плавают на лодках по озерам, танцуют в ритмах самбы, приглашают туристов в свой задорный круг. Артисты — и те, кто себя таковыми считает, — демонстрируют свое певческое искусство добровольным слушателям. Туристы на газонах наблюдают за оригинальным мексиканским образом жизни во время пикников, танцев и игр. Подходят мальчишки с коробками или деревянными ящиками, в которых они носят свои нехитрые принадлежности; покорно-вопросительными взглядами они просят у иностранцев позволения наполировать до блеска их запыленную обувь. В толпе, словно феи былых времен, танцуют красивые девушки с черными волосами, огромными темными глазами и прелестной смуглой кожей.

Раскопки посреди Мехико

Тут и там обтяпывают свои дела воришки: иностранцы на проспектах совершают покупки, в том числе в сотнях ювелирных магазинов, покупают настоящие и поддельные камешки, а в камешках воришки знают толк. Бутики соблазняют дорогими витринами, а рядом с ними нищие в дырявых брюках тусклым взглядом и просящими жестами морщинистых рук умоляют дать

пару песо.

Мехико — город контрастов. Треть населения живет в трущобах, например в пригороде Незауалькойтль босоногие люди обосновались вдоль дороги в город Пуэбла в хижинах из гофрированного листа и картонных коробок, автомобильных шин, деревянных палок и стальных прутьев. Здесь, естественно (!), процветает алкоголизм; мужчины пьют текилу или дешевую пультке, убивающую их водку из агавы. И это неудивительно при уровне безработицы почти 60 %. «Жителям Мехико приходится постоянно что-то делать, — сказал мне один из 150 000 водителей такси, — а если они ничего не делают, они пьют».

Недалеко от этого царства нищеты находится величественная Государственная опера. Каждый день на площади Гарибальди играют группы музыкантов-марьячи в широкополых шляпах и расшитых серебром одеждах. Такие великолепные здания, как Дворец изящных искусств, Дворец изразцов, относящиеся примерно к 1600 г., Национальный дворец, построенный Кортесом на развалинах резиденции Моктесумы, и другие соборы, церкви и музеи повествуют о богатой истории города.

За всеми ужасающими контрастами Мехико показывается портрет ацтеков и их предков. Копии нет нигде. Оригинал — этот крупнейший город мира.

В июле 1520 г. Эрнандо Кортес, завоеватель Мексики, со своим отрядом из 438 солдат пережил свою *noche triste*, «ночь печали»: ему, потерпевшему поражение, униженному и израненному, пришлось оставить столицу ацтеков Теночтитлан; сначала он бежал в город Отумба — в 40 км к северо-востоку от Мехико. Через несколько дней против Кортеса и его шайки выступило войско ацтеков из 200000 воинов. С возвышенностей вблизи Отумбы Кортес, должно быть, заметил в 2 км к югу холмы подозрительно однообразной формы. Хотя это не отмечено ни в одной хронике, Кортес, возможно, скакал между холмами и холмиками, не подозревая, что скрывает земля под копытами коня. Ацтеки называли район холмов ацтекским словом *теотиуакан*, что означало «место, где становятся богом». Добросовестный исследователь культуры и миссионер-францисканец Бернардино де Саагун записал: «Они назвали местность Теотиуакан, потому что тут было место погребения богов» [1]. На самом деле первоначальное название этого места неизвестно; никто не знает, кем были теотиуаканцы и откуда они пришли, никто также не знает, на каком языке они говорили [2].

Во времена ацтеков Теотиуакан уже лежал в руинах, поросших травами, мхом и кустарником. Ацтеки оказались в плену заблуждения, когда решили, что Теотиуакан когда-то выполнял роль кладбища для огромных существ, их древних богов. Теотиуакан был чем угодно, но не городом мертвых, по крайней мере, могилы богов не обнаружены до сих пор.

Достоверно известно одно: ацтеки видели Теотиуакан только в руинах и знали о нем лишь по легендам [1]:

«В ночное время, когда солнце еще не светило, когда день еще не наступал, говорят, что тогда собирались боги и совещались боги на том месте, которое называли Теотиуакан, и говорили друг другу такие слова: «Подходите, боги! Кто займется тем, чтобы сделать так, что появится солнечный свет, что наступит день?»»

Боги — как видно из этого предания — боялись, и предприятие по спасению солнца казалось им опасной авантюрой.

В совете богов в Теотиуакане принимали также участие Ситлалиникуэ, богиня звездного неба, и красный Тецкатлипока, бог в звездном облачении. Кецалькоатль, «змея в зеленых перьях», бог Луны и утренней звезды, — согласно другому преданию — тоже участвовал в

важной встрече [3]. Только двое богов из светлейшего общества — Текусицтекатель и Науацин — согласились на рискованную авантюру.

Оба эти смельчака четыре дня исповедовались, потом искупались в священном пруду, а затем натерлись белым мелом и облачились в дорогие, украшенные перьями одеяния. Между тем коллеги-боги растопили «печь богов» и разожгли большой пылающий огонь, чтобы потом бросить обоих героев, наряженных для этого предприятия, именно в эту «печь богов». В огне и дыму божественные жертвы исчезли на небосводе.

Этнолог Карл Коленберг [4] видит в этом предании «типичный пример того, как в мифических рассказах причина и следствие часто принимаются одно за другое», и считает, что это описание с таким же успехом могло быть *обратным отсчетом* перед пуском ракеты.

Такой современный подход вполне может представлять смысл: сначала боги оказались виновными в том, что Солнце исчезло — из-за взрыва планеты X или крупного астероида. Потом они совещались, как можно справиться с бедой. Возможно, они обсуждали, можно ли раздробить обломок астероида или отбуксировать его на другую орбиту, но, очевидно, отказались от такого вмешательства и предпочли благородную жертву двух своих коллег. Четыре дня экипаж из двух богов занимался подготовкой к предприятию, пока остальная команда готовила к запуску «печь богов». Потом наконец появились оба добровольца «в дорогих одеяниях» (в космических скафандрах?), чтобы броситься в «печь богов». В клубах дыма и языках пламени они исчезли в просторах Вселенной.

Согласно ацтекской легенде, обоим склонным к риску богам-астронавтам не удалось удовлетворительно выполнить задание из-за возникших трудностей. В вахтенном журнале было записано, что одного из смельчаков поразила «в лоб» стрела постороннего звездного бога; он упал вниз «в девятикратный поток, в море Запада». Наконец находящимся в центре запуска богам не осталось ничего иного, как самим полететь и принести себя в жертву, потому что только их кровь могла возвратить Солнцу силу и жизнь.

То, что с древнейших времен описывалось в мифах, привело в конечном счете к ужасным человеческим жертвам среди ацтеков.

Это было еще до завоевания Теночтитлана, когда Кортес во время добропорядочного общения с правителем ацтеков Моктесумой попросил разрешения войти в большой храм в центре города. Кортес пришел в ужас. Стены храма были покрыты засохшей человеческой кровью, на алтарном камне лежали три человеческих сердца. В коридорах воняло хуже, чем на скотобойне, хуже, чем тысяча разложившихся трупов. Когда Кортес со своей свитой спустился по лестнице храма, он увидел на холме большую деревянную постройку. Зайдя в нее, испанцы сделали еще одно жуткое открытие: от пола до потолка там были уложены черепа. Их насчитали 136 000 штук — свидетельства ужасной резни при владычестве ацтеков. Это подтверждено в «Истории царств Кол-хуакана и Мексики» [5]:

«И те, которые участвовали в освящении, были пленные, которых принесли в жертву.

Погибли:

Цаптеки — 16000

Тлаппанеки — 24000

Уэшоцинки — 16000

Циукоуаки — 24400».

Что же общего имеют человеческие жертвоприношения ацтеков с погибшим городом Теотиуакан, который никогда им не принадлежал?

В Теотиуакане боги принесли себя в жертву ради людей; они отдали свою кровь, чтобы снова светило солнце, а земля проснулась.

Люди во все времена искали примеры — и часто ошибались. Здесь мысли тоже перепутались: люди подражали богам, которые принесли в жертву себя. Они превратно поняли предание, верили и боялись, что солнце будет светить им лишь тогда, когда они будут жертвовать ему потоки человеческой крови. То, что было хорошо для богов, должно быть уместно для людей.

У ацтеков и майя ритуалы жертвоприношений достигли невообразимых масштабов. Народы Месоамерики — области высокоразвитых культур — вели войны, «чтобы сделать достаточный запас человеческой крови», «не расходуя запасы собственного племени» [6]. Исполненные священным сумасбродным усердием, они были убеждены в том, что солнце следует «кормить» кровью.

В соответствии с ритуалом двое крепких мужчин прижимали жертву за руки и ноги к жертвенному камню; чтобы торжественное зрелище видело как можно больше людей, жертвенный камень располагался высоко вверху на пирамиде перед небольшим храмом. Облаченный в великолепные разноцветные одежды, украшенный драгоценными перьями жрец ловким хирургическим разрезом своего богато украшенного обсидианового ножа вынимал сердце из груди жертвы. Часто он протягивал солнцу как трофей еще бьющееся сердце; по особым случаям с убитых сдирали кожу, которую жрец надевал на себя, чтобы в ней плясать.

Испанские хронисты описывали жертвенную церемонию майя: сначала жертва, ничего не подозревая, плясала с мужчинами племени, затем ей на грудь наносили белую метку и привязывали к деревянной раме. Во время пляски жертва служила живой мишенью: каждый участник выпускал стрелу в раненое тело. Продырявленное сердце вырезали из груди.

Вас удивляет, что жертвы безропотно позволяли вести себя на смерть? Но они ведь считали, что отдают кровь ради жизни солнца, а значит, ради существования своего народа. Некоторые находились также под действием опиатов; они не понимали, что с ними происходит.

Во всех крупных городах майя и ацтеков были хранилища для костей, в которых хранились и гордо демонстрировались черепа и кости жертв; они служили доказательством того, что это племя не сидело сложа руки, глядя, как гаснет солнце [7].

Прежде чем боги после бурных обсуждений улетели из Теотиуакана и исчезли во Вселенной, они оставили планы огромного города, планы, которые постепенно становятся понятны лишь сегодня.

Никто не знает, кем были те жрецы-архитекторы, ибо ни один человек не может сказать, кто и когда начал строительство Теотиуакана. В споре мнений, предположений и рассуждений Теотиуакан бесспорно считается древнейшей цивилизацией на Мексиканском нагорье и городом, который не имел предшественников.

Археолог Лоретта Сежурне несколько лет руководила раскопками в Теотиуакане и опубликовала несколько отчетов. Она считает:

«Истоки этой высокоразвитой культуры представляют собой самую неприступную из всех тайн... Если трудно предположить, что такие культурные признаки, как различные архитектурные характеристики, ориентация зданий или особенности ваяния и живописи с самого начала получили свой окончательный вид, то еще труднее представить себе, что вдруг просто возник соответствующий, полностью сформировавшийся, комплекс духовных предпосылок. У нас нет никаких материальных свидетельств такого удивительного процесса развития...» [8]

Кто же побудил древних строителей к возведению Теотиуакана? Неужели все-таки «боги»?

Теотиуакан был, безусловно, крупнейшим городом Месоамерики: в период расцвета его протяженность составляла 25 км, а количество жителей оценивалось в 200000. Согласно существующей теории, строительство было начато около 300 г. до н. э. Теотиуакан расширялся в пять этапов, примерно к 600 г. н. э. было возведено около 2600 важных зданий. 900 лет — с 300 г. до н. э. по 600 г. н. э. — большой срок, но в каждом поколении архитекторы и строители придерживались заданных планов. Такое «послушание» возможно представить только в рамках мощной всеохватной религии.

Около 650 г. н. э. Теотиуакан был в полном расцвете. Однако, видимо, тогда произошел мятеж. Причины его неизвестны. Возможно, крестьяне вместе с «простым» людом взбунтовались против правителей, а может быть, рабы — постоянные жертвы ритуальных жертвоприношений — оказали сопротивление убийственному произволу жрецов, не исключено, что городом овладели чужеземные захватчики. Высказываются даже предположения, что жрецы сами разрушили свои храмы [9], но для этого нет видимых причин. Многоплановая загадка Теотиуакана становится еще запутаннее. Должно быть, после жестокого разрушения жители, а также жрецы вернулись назад, поскольку доказано, что и после 650 г. в самом городе и вокруг него велось строительство... и только около 800 г. Теотиуакан перестал существовать. Лишь небольшие группы остались жить в руинах, но и они вскоре переселились. Древним городом богов завладела растительность.

Всего в 40 км от Теотиуакана начало формироваться царство ацтеков, столицей которого стал Теночтитлан. Это на его руинах грохочет сегодня Мехико.

Теотиуакан вызывал изумление своей огромной протяженностью, а по своей совершенной инфраструктуре являлся просто чудом. Современные специалисты по планировке городов могут научиться здесь очень многому.

С севера на юг проходила блистающая роскошью трехкилометровая улица шириной в 40 м, сегодня ее называют *Ка-мино де лос муэртос* (Дорога мертвых). На этой роскошной главной улице располагались небольшие пирамиды и платформы с храмами; в северном направлении бульвар имел 30-метровый подъем, так что наблюдатель с юга становился жертвой оптического обмана: ему казалось, что великолепная улица ведет в небо. И сегодня, если вы станете на нижнем конце улицы, то увидите «бесконечную» лестницу с одинаковыми ступенями, которые сливаются с пирамидой Луны. Дело в том, что Дорога мертвых заканчивается перед пирамидой Луны — вздымающимся ступенчатым комплексом с основанием 150 x 200 м (больше, чем два футбольных поля). С южной стороны сооружение представляет собой пирамиду с пятью террасами и широкой лестницей посередине, по которой можно подняться на самый ее верх.

Если вы будете смотреть со стороны пирамиды Луны, то по левой стороне роскошной улицы увидите самое монументальное сооружение Месоамерики — пирамиду Солнца. Она имеет квадратное основание 222 x 225 метров и сориентирована на запад. Хотя ее высота составляет 63 м, что на 19 м больше, чем высота пирамиды Луны, у наблюдателя при взгляде на Теотиуакан с вершины пирамиды возникает впечатление, что оба сооружения имеют одинаковую высоту. Такой эффект возникает из-за уклона проспекта.

Размеры пирамиды Солнца больше, чем пирамиды Хеопса в Гизе под Каиром. Масса ее внутреннего материала оценивается в 1 млн тонн сырцового кирпича воздушной сушки. Сердцевина пирамиды состоит из камней и сырцового кирпича; наружные фасады из застывшего известкового раствора первоначально были покрыты слоем извести.

То, что сегодня открывается взору туристов, весьма впечатляет, но несопоставимо с нетронутыми сооружениями периода расцвета метрополии. Тогда пирамиды и храмы сияли разными цветами. Сегодня на сглаженных пирамидах нет храмов, на пирамиде Луны нет

трехметровой каменной фигуры весом в 22 тонны, которую обнаружили и раскопали у подножия пирамиды. Изначально на вершине пирамиды Солнца стояла покрытая золотом и серебром статуя какого-то бога; во времена испанских завоевателей она еще была, но францисканец Хуан де Сумаррага (1478–1548), первый епископ Мексики, велел ее демонтировать и расплавить [10]. Таким образом, нет возможности сказать, о каком именно божестве шла речь.

Дорога мертвых сфотографирована в двух направлениях: с юга на север улица кажется бесконечной лестницей, поднимающейся в небо; если смотреть с севера на юг, она кажется роскошной улицей, на которой исчезли все искусственные террасы!

Ацтеки рассказали испанцам, что Теотиуакан — город-кладбище их царей и богов. Исходя из этих сообщений, археологи предполагали, что пирамиды — это богато украшенные гробницы. В 1920—1930-е гг. и относительно недавно в пирамиде Солнца были пробиты туннели — могил не нашли. Если они здесь все-таки есть, то, по всей вероятности, находятся глубоко под пирамидами.

Третье по размерам сооружение — «цитадель» с храмом Кецалькоатля. Название, присвоенное городу после его гибели, не имеет смысла; оно не происходит ни от строителей, как и названия пирамид Луны и Солнца, ни от теотиуаканцев. Кецалькоатль был летающим богом ацтеков и майя, но Теотиуакан не связан с историей ацтеков, да и вообще цитадель имеет так же мало общего с бастионом фортификационного сооружения, как индийский храм с центральным вокзалом в Цюрихе.

Размеры пирамиды Солнца больше, чем пирамиды Хеопса в Гизе под Каиром

При боковой длине цитадели 400 м строители заложили с северной, южной и западной сторон по четыре пирамиды, от которых остались одни возвышения.

Храм Кецалькоатля

Надо признать, что храм Кецалькоатля — самое красивое сооружение Теотиуакана, украшенное богатейшей отделкой (ныне отреставрированной). Украшенные перьями змеиные тела извиваются по идущему по периметру фризу, со стен лестниц и рельефов взирают маски демонических существ, змеиные тела ползут вокруг цоколя храма. То, что сегодня при солнечном свете мы видим в серовато-коричневых тонах, прежде сверкало яркими цветами радуги; у каждого бога и каждого демона был «свой» цвет. Рельефы были не только украшением, но и служили в религиозных целях. Священные послания выражались в монументальных сооружениях во всех деталях. Ничего, совсем ничего не было оставлено на откуп вдохновению художника, все до мельчайших нюансов делалось по предписанию.

Прежде стены храмов и пирамид сверкали яркими цветами радуги

До 1983 г. были обнаружены 2010 жилых кварталов

Орнаментальные мотивы внутри и снаружи храма подтверждают, что символ крылатого бога-змея был известен в Месоамерике задолго до эпох ацтеков и майя. Эти мотивы почти идентичны более поздним изображениям «настоящего» бога ацтеков Кецалькоатля, который у майя носил имя Кукулькана. Тем самым из комиксов были убраны стандартные утверждения о «белом бородатом человеке», который в эпоху майя, как говорили, пришел «с востока» [11]. Может быть, в эпоху майя с востока и пришел белый бородатый человек и звали его Кецалькоатль — первый, первоначальный и *настоящий* Кецалькоатль был еще у теотиуаканцев.

Об этом все говорит в городе, правда, от многих сооружений сохранились лишь жалкие остатки. Между тем археологи, ведущие раскопки, считают, что прежде наружные стены всех сооружений были украшены искусными фигурами и символами. Найдены впечатляющие остатки рельефов с масками и орнаментами, настенные панно в ярких цветах. Во внутренних помещениях расчищено около 350 фресок, а, по предположениям специалистов, их может быть тут десятки тысяч [12].

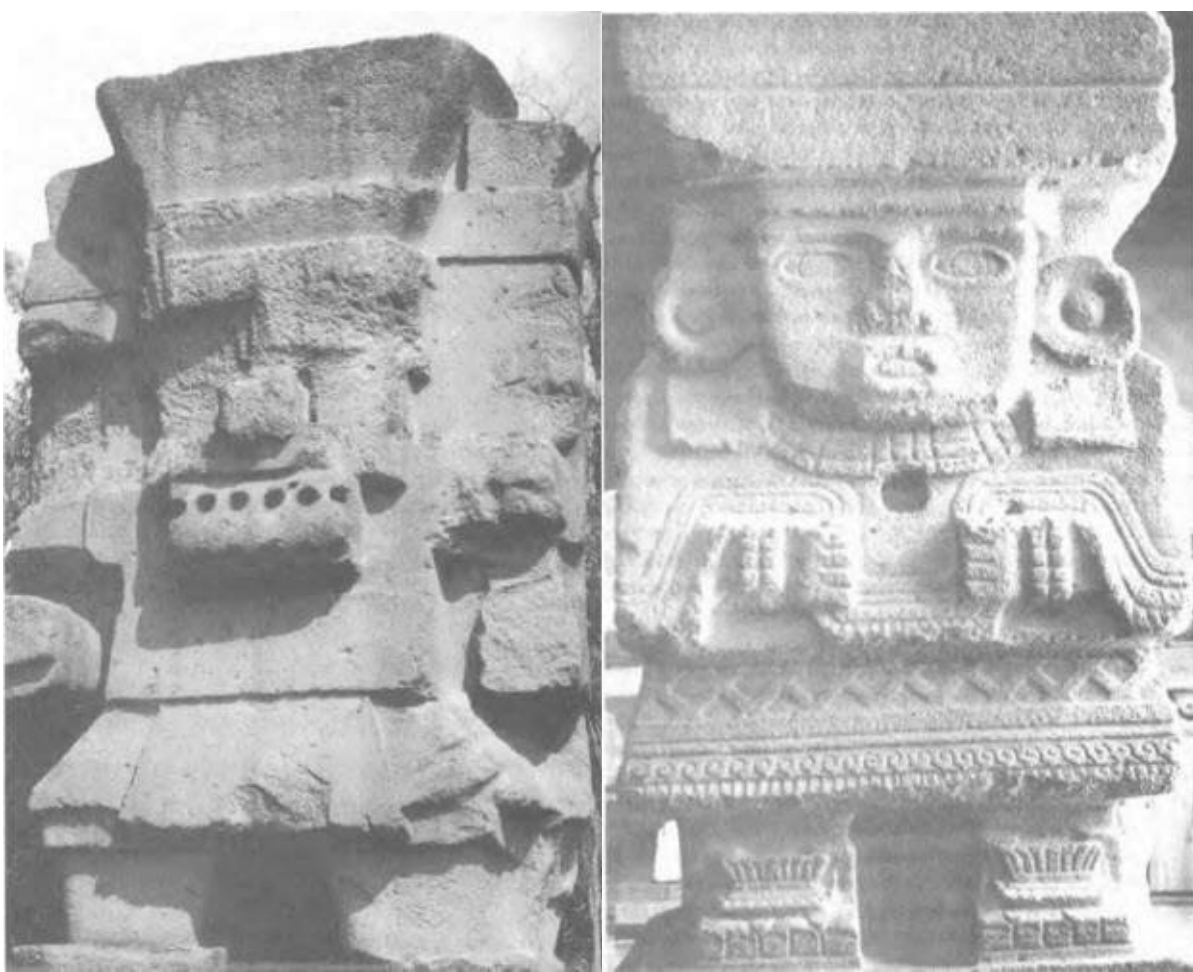
Позади храмов и пирамид, которые обрамляли роскошную улицу, располагались здания, которые сегодня считаются жилыми, — помещения, состоящие из соединенных между собой дворов и комнат. Как установлено, в среднем такой жилой блок состоял из 30 помещений, но раскопано несколько блоков и со 175 помещениями. До 1983 г. были обнаружены 2010 жилых кварталов; некоторые были пристроены к храмам и молитвенным помещениям. Огромные жилые помещения были оборудованы превосходными водопроводом и канализацией. Обнаружение гончарных мастерских и необходимых для работы инструментов позволяет сделать вывод, что кварталы располагались в зависимости от ремесла, которым занимались их обитатели. В городе с населением 200000 жителей гончарное ремесло предположительно процветало и даже давало возможность экспортировать предметы, потому что вплоть до Гватемалы были найдены гончарные изделия из Теотиуакана и подтверждена их подлинность. Теотиуакан был более крупным центром, чем античный Рим в эпоху Цезаря.

Американскому археологу Рене Миллону из Рочестерского университета пришла в голову блестящая идея. Чтобы разглядеть систему в лабиринте развалин раскопанных сооружений, он поднялся в воздух на самолете и открыл схему инфраструктуры города. Из сотен аэрофотоснимков он сложил воедино головоломку, на которой был виден огромный фантастический город, четко разделенный на четыре части. Дорога мертвых служила осью север — юг, две большие поперечные улицы — осью восток — запад.

Более 5000 мелких и более крупных квадратов обозначали жилые дома и мастерские ремесленников. Теотиуакан представлял собой сеть совершенно прямых улиц, пересекавшихся исключительно под прямым углом. Наконец удалось в прямом смысле слова получить картину древнего крупного города.

Весной 1971 г. профессор Миллон попросил о помощи своих коллег с факультета компьютерных наук. В базу данных было введено 281 базовое сообщение. Эта программа немедленно выдала сведения, в каком районе города уже были зарегистрированы такие же или подобные артефакты; очень скоро удалось установить 300 гончарных мастерских и 400 мастерских по обработке обсидиана [13]; была также закартографирована выполненная по плану оросительная система.

Сегодня археологи придерживаются мнения, что Теотиуакан был городом, посвященным богу дождя Тлалоку — вероятно, потому, что вода текла из тысяч труб. Две тысячи лет скульптура этого божества была зажата между скал возле деревушки Коатлинчан — в 20 км от Теотиуакана. Сегодня горчичного цвета чудовище охраняет Национальный музей антропологии в Мехико. 168-тонная статуя была доставлена в столицу на особом 48колесном грузовике, специально нанятом для этого в Техасе. Теперь старик Тлалок дремлет на своем постаменте. Руки он потерял, лицо его изуродовано до неузнаваемости, но под подбородком у него висит что-то вроде корзины с многочисленными отверстиями, из которых прежде якобы капал дождь. Поскольку возле пирамиды Луны было найдено небольшое изваяние большого зловещего бога дождя, Теотиуакан посвятили толстяку Тлалоку. Должно быть, в головах обеих скульптур вертятся дикие мысли, они то и дело вопрошают, почему их прообраз Тлалок объявлен богом дождя. Но это остается тайной беспомощной науки.

Найдено две скульптуры толстяка Тлалока — одна из них ныне находится в Национальном музее антропологии в Мехико

Теотиуакан оказался единой большой каменной «космической моделью» [14], изображением нашей Солнечной системы. Американский исследователь Питер Томпкинс [15] определил поразительные взаимосвязи между культовыми сооружениями и звездной Вселенной. Томпкинс сослался на факты, которые установил его соотечественник Хью Харлстон-младший [16], занимавшийся во время четырехлетнего пребывания в Мексике решением главного для себя вопроса. Будучи инженером, он сказал себе, что никогда проектирование не было возможно без единой меры... и занялся поисками основного модуля, которым пользовались планировщики Теотиуакана.

Повсюду Харлстон находил в качестве единицы 57 м; или измерения длины сторон зданий и храмовых платформ давало 57 м либо кратные величины, или сооружения находились на расстояниях, делившихся на 57. Например, по Дороге мертвых заметные сооружения находятся между собой на расстоянии 114 (= 2*57) и 342 (= 6*57) метров; стена цитадели составляет ровно 399 (= 7*57) метров.

Харлстон искал единицу поменьше: он разделил 57 на 3. Результат (19) подходил для многочисленных небольших сооружений, боковая длина которых составляла ровно 19 м. В силу профессии приученный иметь дело с еще меньшими основными модулями в конструкциях, инженер разделил 19 сначала на 6, потом на 3. Результаты он сверил с картами профессора Милона. Харлстон продолжал поиски, пока не нашел наименьшую единицу измерения, которая подходила для всех сооружений Теотиуакана. Он обнаружил, что она равна 1,059 м. Он дал этой мере название *хунаб*, что на языке майя означает «единица». Масштабный ключ к плану города был найден, весь Теотиуакан можно было начертить в плане с помощью *хунаба*. Все замеренные

данные давали серии из нескольких *хунабов*.

«Чтобы ясно видеть, часто бывает достаточно изменить направление взгляда», — писал Антуан де Сент-Экзюпери (1900–1944). Определив единую меру, Хью Харлстон нашел новое и удивительное направление взгляда.

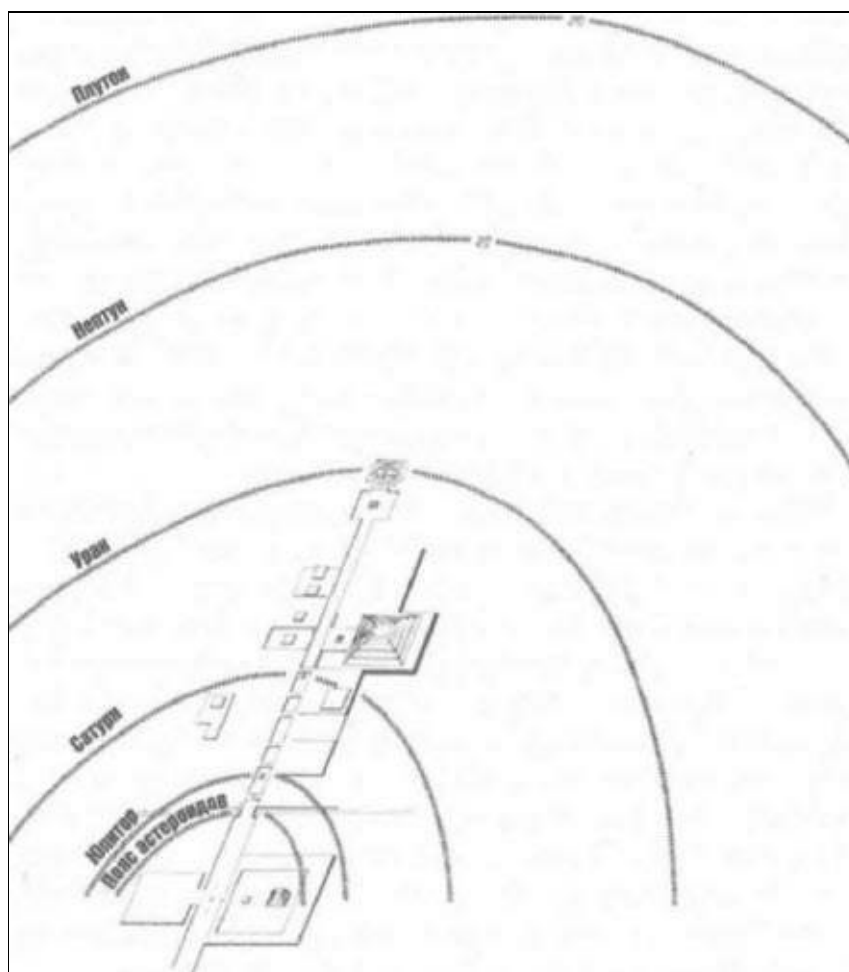
Высота пирамиды Кецалькоатля, пирамид Солнца и Луны равна соответственно 21, 42 и 63 *хунаба*, т. е. они находятся в отношении 1: 2: 3 между собой; ступени пирамиды Солнца дают кратное 3 *хунабам*. Расчеты на компьютере дали поразительный результат: кромка вида в плане пирамиды Кецалькоатля соответствовала 1/100000 части полярного радиуса ^[18]. На цитадели Харлстон обнаружил различные пифагорейские треугольники, число *k* и его функцию, а также цифры скорости света (299792 км/с).

Харлстон чуть было не засомневался в числах, которые мигали на компьютере. Оставшиеся от пирамид возвышения и платформы цитадели обозначали средние данные орбит планет Меркурий, Венера, Земля и Марс. Для соответствующего масштабу расстояния от Земли до Солнца Харлстон подставил 96 *хунабов*; исходя из такой разметки, Меркурий находился на расстоянии 36, Венера — на 72 и Марс — на 144 *хунаба*.

Прямо за цитаделью в проложенном строителями города искусственном «канале» протекает ручей Сан-Хуан. Расстояние оттуда до оси симметрии цитадели составляет 288 *хунабов*, на расстоянии еще 520 *хунабов* лежат развалины неизвестного строения, и этот отрезок соответствует в масштабе расстоянию Солнце — Юпитер. Отмерив от центра цитадели — по Дороге мертвых по направлению к пирамиде Луны — 945 *хунабов*, Харлстон должен был обнаружить сооружение, которое обозначало бы линию планеты Сатурн, но тут ничего не было. Не превращались ли от этой ошибки все его расчеты в игру воображения? В Национальной библиотеке в Мехико Харлстон нашел старые планы Теотиуакана, на которых именно в этом месте значилось сооружение: оно было снесено во время земляных работ, когда для удобства туристов здесь прокладывали асфальтированную дорогу. Значит, проектировщики не забыли место для планеты Сатурн.

На 1845 *хунабов* далее, в конце Дороги мертвых, ось симметрии пирамиды Луны отмечает данные орбиты Урана. Не забыли ли проектировщики поставить каменные реперы для Нептуна и Плутона?

Продолжением Дороги мертвых за пирамидой Луны в холмистой местности служит так называемая Улица процессий. Хью Харлстон со своими помощниками осмотрел склоны. На дуге на расстоянии 2880 *хунабов* должен был находиться (если он вообще существовал) знак, соответствовавший среднему положению Нептуна по отношению к другим планетам. Действительно, на Серро-Гордо, примечательной горной вершине, Харлстон обнаружил холм с храмом, а дальше вверх, на расстоянии 3780 *хунабов*, остатки башни в форме фаллоса, которую местные жители называют Шочител (цветок). Не осталась забытой в модели и планета Плутон. С самого начала строители запланировали каменную модель нашей Солнечной системы, в которой они — за пределами Дороги мертвых, идущей с севера на юг оси, — учли естественные возвышения ландшафта.

Я всегда стараюсь информировать читателя лишь о тех вещах, которые можно проконтролировать, поэтому я решил проверить, действительно ли на Серро-Гордо имеются отметки, как это утверждает Харлстон.

Летом 1983 г. я направил свой взгляд через полевой бинокль и телеобъектив вдаль; я осмотрел Серро-Гордо, но не смог обнаружить в его защитной коричневато-зеленой окраске никаких признаков отметок. Я спросил одного из многочисленных торговцев, которые навязывают туристам сувениры (в основном небольшие керамические флейты), есть ли дорога на гору. Он посоветовал мне доехать до деревушки Отумб, отсюда на вершину ведет дорога, по которой доставляли строительные материалы для радиолокационной станции. Торговец сомневался, удастся ли мне пройти, потому что там наверху запретная зона. Однако мне приходилось преодолевать и не такие препятствия, когда меня манила цель.

Проезжая по полям кактусов, я утолял жажду небольшими зелеными плодами опунции, которые продавали по дороге дети; плоды были сладкие на вкус и в них — как в цитрусовых — много витамина С. Видимо, эти плоды пользовались спросом, потому что бригады женщин и мужчин укладывали их в деревянные ящики. Я не видел дороги, которая вела бы от Отумбы наверх. Я свернул куда-то налево: узкая дорога была основательно вымощена булыжником и, извиваясь, шла на гору. Козы с овцами провожали «фольксваген» такими же удивленными взглядами, что и их пастухи-индейцы. На полпути на натянутом поперек дороги канате висела предупреждающая табличка «Прохода нет». Видимо, здесь начиналась закрытая зона; я сделал ее открытой, убрав канат. Дорога круто шла к вершине, защищенной от любопытных повторным предупреждением «Военная запретная зона». Солдат нигде не было видно, и я дал газ, шины завизжали на гладких камнях.

Башня без окон и дверей...

Выходя из-за поворота, я увидел огромную антенну радара, вращавшуюся на башне, можно сказать, в величественном покое. «Фольксваген» я припарковал в низине, надеясь, что он не появился на экране дежурного. Будучи незваным гостем, я пригибался, перебегая от дерева к дереву, чтобы найти позицию, где я был бы на непосредственном продолжении лежащей далеко внизу подо мной Дороги мертвых. Пирамиды Солнца и Луны выглядели отсюда сверху как игрушечные кубики, Дорога мертвых — как воздушный коридор между пирамидами. Теперь я передвигался почти у самой вершины, взбирался по скалистой местности, крепко держась за ветки, — так я добрался до нужной точки на одной оси с Дорогой мертвых! Где-то здесь, если Харлстон был прав в своем утверждении, можно было найти отметку для Плутона. Я не увидел ее. Кверху до самого плато с радиолокационной установкой в поле зрения не было ничего, поэтому я стал спускаться вниз, не сводя глаз с линии визирования — Дороги мертвых.

Крыши древней башни не заметить было нельзя! В нескольких шагах передо мной находилась башня в форме фаллоса! В ней нет дверей, нет окон. Штукатурка местами отпала, обнажив коричневато-черные камни. Отметка для Плутона на прямом продолжении Дороги мертвых!

Увлечшись, я не заметил, что давно сгустились тучи; дождь хлынул прежде, чем мне удалось еще дальше вниз проверить отметку для Нептуна. Промокнув до нитки, я добрался до «фольксвагена», который — как я и опасался — больше сползал вниз в долину по гладким камням и скользкому мху, чем ехал на вращающихся колесах. Будучи аккуратным швейцарцем, я как раз хотел снова укрепить канат с табличкой «Прохода нет», когда рядом остановился джип с четырьмя солдатами:

— Что вам здесь нужно?

— Я турист, хотел отсюда сверху сфотографировать поле с пирамидами... — извинился я.

— Это запрещено!

— Ну да, раз идет дождь... — усмехнулся я.

Вычислил ли Хью Харлстон на самом деле единую меру, подходящую для модели Теотиуакана? Не хотел ли он ввести в заблуждение современников? С помощью цифр можно доказать почти все. Почему думают, что древние архитекторы запланировали свой гигантский город по единой универсальной модели? На расчеты Харлстона археологи отвечали усталой улыбкой, пока другие наблюдения не озадачили их.

Дорога мертвых лежит не точно в направлении юг — север, она «отклоняется от северного направления на 17° к востоку» [18]. Все другие сооружения Теотиуакана также сориентированы аналогичным образом. В этом не было бы ничего особенного и это можно было бы списать на специальные правила для Теотиуакана, если бы именно такое отклонение на 17° от направления юг — север не обнаруживалось и в других культурных центрах Месоамерики, например в Туле, новонайденной столице царства тольтеков, или в Чичен-Ице, древнем городе майя. Древние индейские земельные угодья также лежали с отклонением на 17° к востоку от северного направления, и позднее даже испанцы придерживались этого при строительстве своих поселений. Доказано, что дороги, поля, деревни, монастыри и крупные сооружения приспособлялись к 17-градусной системе. Профессор Франц Тихи [18], подробно занимавшийся данным феноменом, считает:

«Проблема состоит в том, что, согласно такой точке зрения, земельные угодья должны сохраняться на протяжении 2000 лет. При чисто культурно-религиозном значении земельных угодий и сети населенных пунктов этот факт понять трудно».

Ну да, можно было бы предположить, что ацтеки и майя скопировали оправдавшую себя 17-градусную систему Теотиуакана, и загадка была бы решена. Но найти решение ребуса не так-то легко. Дело в том, что Теотиуакан давно лежал в развалинах, когда майя и ацтеки начали строить свои новые города. И еще: если строительство велось в некоей системе координат, то почему не точно в направлении с юга на север?

Дорога мертвых — с отклонением на 17° к востоку — была осью север — юг и главной улицей города, вдоль нее группировались крупные сооружения. Трехкилометровая улица проходила мимо цитадели, в центре которой по задуманной модели Солнечной системы предполагалось положение Солнца, вдоль ручья Сан-Хуан, который в космическом пространстве обозначал пояс астероидов, через лежащие сегодня под асфальтом руины, которые обозначали Юпитер, а также проходила мимо пирамиды Солнца, отметки Сатурна, и шла к пирамиде Луны, обозначавшей Уран. На прямом продолжении этой оси на склонах Серро-Гордо обнаружили отметки для Нептуна и Плутона; наконец, строго следуя этой линии, на вершине горы удалось найти древнейшие индейские рисунки, высеченные на скале.

Стало быть, строители Теотиуакана с самого начала учли ландшафт в задуманной модели нашей Солнечной системы. Совершенно прямая, стремящаяся к вершине Серро-Гордо ось требовала отклонения на 17° от абсолютного направления с юга на север. Даже гениальные градостроители не могли передвинуть горы! «То, что какие-то вещи происходят, не означает ничего. То, что о них становится известно, означает все», — хочется мне сказать вместе с Эгоном Фриделлем (1878–1938).

Это не дает ответа на вопрос, почему майя свои намного более поздние поселения — скажем, Майяпан или Чичен-Ицу, находящиеся от Теотиуакана на расстоянии свыше 1000 км по

прямой в лесах Юкатана, — возвели в соответствии с давно погребенной в земле «системой 17°». Там не было ни доминирующей над уровнем города горы, ни вообще какой-либо причины, чтобы составлять план по такой системе. По геодезическим причинам «система 17°» впервые была применена в Теотиуакане. Видимо, такой божественный план города считался в месоамериканском мире образцом передовой городской культуры. Теотиуакан стал моделью за пределами «чисто культурно-религиозного значения».

В последние годы были обследованы холмы, склоны и вершины гор. Повсюду на заметных местах археологи находили высеченные на скале индейские рисунки, которые своими продленными линиями накладывали сетку на Теотиуакан.

На вершине горы Серро-Аравильяс, в 7,5 км к западу от пирамиды Солнца, была откопана трехметровая каменная глыба, на которой Солнце выгравировано как два переплетенных и два «перечеркнутых» кольца. С места находки пирамида Солнца не видна, потому что видимость закрывают отроги Серро-Кала-вера. Когда же исследователи с помощью буссоли посмотрели в направлении, на котором — за холмами — находится пирамида Солнца, на следующем холме они снова обнаружили каменную глыбу, на которой при внимательном осмотре также были найдены высеченные геометрические знаки — «перечеркнутые» круги, треугольник; ось кругов с точностью компаса указывала на вершину пирамиды Солнца.

Измерения и расчеты открыли еще одно чудо! Если в начале весны смотреть с вершины пирамиды Солнца на запад, Солнце сядет за горизонт точно над отмеченным камнем. Похожие отметки были найдены на Серро-Чиконаутла, в 14 км к юго-западу, а также в 35 км к северо-востоку от Теотиуакана.

До сих пор на больших и меньших расстояниях насчитывается более 30 точек, связанных с загадочным Теотиуаканом, но они служили еще одной цели: отметки сориентированы по расположению звезд на небе, большей частью по Плеядам, а также указывают на отдаленные города. Еще в 720 км к северу от Теотиуакана, вблизи города

Дуранго, найдены такие же высеченные на скале рисунки, как на горах вокруг древнего великого города. Не подлежит сомнению, что на всей Месоамерике — предположительно также далеко на севере, в США и Канаде, — лежит геометрическая сетка. В горах Бигхорн, штат Вайоминг, известно так называемое *medicine wheel* (медицинское колесо); оно подходит к координатам Теотиуакана и выверено по звездам Ригель и Альдебаран, т. е. удовлетворяет планетарным предписанным значениям других ориентиров: оно настроено на Теотиуакан и одновременно связано со звездами.

Теотиуакан был центром задуманной географической и космической системы, поэтому до начала строительства должны были быть заданы обе составляющие, ведь сооружения после их возведения «переставить» нельзя.

Дни летнего и зимнего солнцестояния определить довольно просто: когда столб отбрасывает на земле самую короткую тень, это 21 июня, а при самой длинной тени — 21 декабря. Если солнце не прячется за облаками, по наблюдению за изменяющимися углами тени за длительный период можно делать простые предсказания; если речь идет о данных орбит планет и звезд, следует вычислить квадранты, углы и т. д., но это уже высшая математика. Если же требуется определить направление на точки, находящиеся на большом расстоянии одна от другой, с точностью до одного метра, то нужны очень длительные периоды наблюдений, сеансы определения точек от холма до холма, от вершины к вершине, а также технические средства. И еще период хорошей погоды в несколько сотен лет!

Мне часто попадают в руки книги, в которых разумные авторы обращаются, видимо, к подросткам, которых можно одурачить. Они утверждают, что для удивительных наблюдений за небесными объектами и точного вычисления календарных дат народов Месоамерики нет

необходимости «ссылаться на загадочные технологии» [20]; не нужно «искать прибежище в утраченных тайнах, чтобы объяснить сооружение пирамид и дворцов». Якобы все было очень просто, потому что народы Месоамерики, жившие в каменном веке, в течение столетий смастерили из дерева или камня приборы для наблюдения и измерения. Авторы утверждают, что вычислять орбиты небесных тел и определять углы можно было из «бойниц с целиками», вроде тех, которые имеются в верхнем помещении обсерватории в Чичен-Ице, а комплексы зданий — таких, как в городе майя Уаксактун, — можно было расположить в определенном астрономическом направлении, поскольку «Солнце восходит за углом такого здания в определенный момент, если наблюдать с другого здания».

После таких утверждений напрашивается вопрос: почему серьезные ученые все еще теряют время на спорные домыслы, когда все объясняется так просто? Несведущий читатель теперь подумает, что все загадки решены. Нет, они, конечно, не решены.

Ловко, чтобы не сказать — путем махинаций, предвосхищаются факты, которые в хронологической последовательности имели место лишь *после* возведения овеянных загадками сооружений. «Бойницы с целиками» в обсерватории Чичен-Ицы были устроены *после того*, как было возведено здание. В Уаксактуне Солнце можно было наблюдать *после того*, как появилась возможность наблюдать «с высоты другого здания».

С вершины пирамиды Солнца в Теотиуакане получают горизонтальные линии визирования к исходным точкам на небосводе. Однако изначально и заранее нужно было определить местоположение и высоту пирамиды, поскольку линии визирования «открывались» лишь с вершины сооружения.

Это сооружение нельзя было — как сооруженные позднее бойницы с целиками — переместить при необходимости на несколько метров, если после его торжественной сдачи в эксплуатацию оказалось бы, что линии визирования не попадают на объекты наблюдения.

Планеты Уран, Нептун и Плутон — те, которые получили свои правильные отметки в модели Солнечной системы на так называемой Улице процессов за пирамидой Луны, — во времена строительства Теотиуакана не были известны. Уран открыл в 1781 г. астроном-любитель, музыкант Фридрих Вильгельм Гершель (1738–1822). С 1840 по 1845 г. на основании расчетов было высказано предположение о существовании Нептуна, но впервые наблюдал его Иоганн Готфрид Галле (1812–1910) в 1846 г. в Берлине. Крошечную планету Плутон обнаружили и вовсе в XX в.; его диаметр менее 6000 км, т. е. значительно меньше Марса и Земли, его свет настолько слаб, что небольшие телескопы не могут его уловить. Только в 1930 г. Клайд Уильям Томбо (1906 г.) в обсерватории Ловелла в Аризоне, США, после систематических поисков с помощью сделанных в телескоп фотографий открыл девятую планету Солнечной системы.

Поскольку ни майя с их предками, ни неизвестные строители Теотиуакана не имели телескопов, то они, следуя простой логике, не имели представления о существовании планет Уран, Нептун и Плутон, не говоря уже об их расстояниях до Солнца. Специалистам известно об этом, поэтому из дилеммы они выходят через черный ход. Или, говорят они, результаты поисков Хью Харлстона чистая случайность, или же обитатели Теотиуакана располагали инструментарием, позволявшим определять местоположение планет.

Несколько лет назад точно под центром пирамиды Солнца была обнаружена пещера, скрытая глубоко в ложе лавового потока. В специальной литературе я не обнаружил никаких сведений, было ли в этом подземном помещении еще что-нибудь найдено. Существование пещеры не оспаривается, остальное замалчивается. Вместе с тем это помещение под центром пирамиды Солнца еще раз доказывает, как точно по плану велось строительство; оно свидетельствует о точном выборе места, которое, так сказать, с первой лопаты было привязано к местности.

Несмотря на это, легче принимается любая отговорка, чем возможность того, что гости из Вселенной передали строителям большого города планы и все данные, кажушиеся нам непостижимыми.

Если допустить, что инопланетяне поделились астрономическими знаниями и градостроительными умениями, возникает вопрос: с какой целью они так поступили? Ответ: как раз с такой, которая стала действительностью через тысячи лет. Из этой махины огромных знаний умные ученые должны сделать выводы, правильные выводы. В противном же случае это будет свидетельствовать о неготовности земного уровня познания к началу космической эры.

Поразительное содержание календаря, знание, по крайней мере, некоторых параметров планет (Венера!) и небесной механики у народов Месоамерики неоспоримы; гениальные таблицы затмений *Дрезденского кодекса* подтверждают их знания о том, что Земля представляет собой шар и что она вращается. Однако бесспорен и тот факт, что в период существования этих высокоразвитых культур те же народы убили сотни тысяч (!) своих соплеменников, чтобы — охваченные лжеучением — сохранить живым солнце.

Противоречие очевидно: если теотиуаканцы и майя были знакомы с основами строения Солнечной системы, то тогда человеческие жертвы были бессмысленны; однако жертвы приносились ими «ради солнца», а значит, майя не понимали сущности и функции Солнца и вращающихся вокруг него планет. В то же время они знали о Юпитере, Сатурне, Уране, Нептуне и Плуtone. Существует ли вообще другое решение этого противоречия, кроме того, что первоначальные данные о планетах им сообщили «боги»?

Приблизительно 1000 лет Теотиуакан строился «в шесть разных этапов» [21]. Очевидно, что уже начиная с первой очереди весь комплекс существовал в виде плана, и за тысячелетний период его развития внесения корректив в строительство каких-либо сооружений не заметно. В рельефах и живописи всех шести периодов преобладают одни и те же мотивы: Кецалькоатль и тапир, обезьяна, гремучая змея и ягуар — животные, которые родом не с Мексиканского нагорья, а из лежащих южнее тропических лесов Гватемалы. Почитание «пернатого змея» в Теотиуакане видно повсеместно.

Следует предположить, что теотиуаканцы переместились из низменности на нагорье. Они поклонялись космическому богу, и, видимо, берущая от него начало религия была настолько сильной, запоминающейся и внушающей ужас, что полученный ими план строительства выполнялся как непреложный закон. В предании сказано, что в Теотиуакане состоялась встреча богов, на которой речь шла о людях. В предании говорится также о каменных отметках вокруг Теотиуакана, и что все это сделано «руками богов» [22].

И тут я хочу настоятельно подчеркнуть: я не утверждаю, что якобы «боги» построили Теотиуакан! Я знаю, что такие упреки будут возникать снова и снова, как неистребимое лох-несское чудовище. Мне и в голову не придет утверждать, что наши давние предки не были способны возвести монументальные сооружения.

Да, Теотиуакан был построен обитателями Мексиканского нагорья, которые на высоте почти 2400 м осуществили такие строительные работы, перед внушительными руинами которых мы все еще стоим в удивлении. Но индейцы приложили прямо-таки нечеловеческие усилия не из любви к труду. Они трудились, не разгибая спины, поскольку так потребовал и запланировал бог, от которого зависело их существование.

Настоящий сюрприз во время моей экскурсии в Теотиуакан в 1983 г. мне устроил Херардо Левет, мексиканский инженер, с которым я дружу много лет. Он пригласил меня на роскошный ужин в «Асиенда де лос Моралес»; среди многих замечательных ресторанов Мехико это один из лучших,

— Скажи-ка, ты уже видел в Теотиуакане камеру с большими слоями слюды? — спросил

Херардо еще за аперитивом.

— Понятия о ней не имею!

— Ты должен увидеть! Мне о ней рассказал мой давний друг, археолог, и признался, что их ученая братия столкнулась с загадкой. В Мексике почти нет слюды, а в Теотиуакане ее применяли широко, ее целыми слоями искусно уложили между слоями горной породы... Говорят, что из слюдяного помещения две трубы ведут в небольшую камеру... — шепотом сообщает мне Херардо, потому что это открытие считалось, очевидно, совершенно секретным. — Ты должен это знать. Все-таки люди каменного века знали очень много об особых, уникальных свойствах слюды, в конце концов, в нашей стране ее очень мало, видимо, ее ввезли из Бразилии или США, или еще откуда-нибудь...

После выполнения своего плана поездки я, естественно, еще раз отправился в Теотиуакан. В этот день из огромных автобусов выгружались толпы туристов; всем им не хватало опыта, чтобы с ходу миновать назойливых торговцев вразнос; они вступали в торг из-за предлагаемых слишком дорого бус, браслетов, фигурок богов, ковриков для молитвы и керамических флейт, чтобы в конце концов договориться о сумме, которая хоть и была на две трети меньше первоначального предложения, но оставалась все еще слишком высокой. Есть простой способ, как посвятить свое время не только торговцам, но еще и осмотру достопримечательностей: разносчики, как и ушлые мальчишки-индейцы, работают в «своем» районе, если продолжать идти, они отстают.

Ни один из охранников, которых я спрашивал о слюдяной камере, не имел о ней ни малейшего понятия. Мы с Ральфом и Хельмутом Вербом, журналистом и профессиональным фотографом, прошагали по Дороге мертвых — по правой стороне вверх и по левой стороне обратно к цитадели. Англоговорящий гид рассказывал своей группе что-то о магнитных полях, которые якобы обнаружены вдоль бульвара; мне показалось, что этот человек обладал достаточными знаниями. Он дал справку: «Отсюда, глядя от цитадели, вы найдете слюду меньше чем через километр перед пирамидой Солнца. Держитесь правой стороны, там вы увидите табличку с надписью «Шика!». Но вам не удастся осмотреть камеру, она закрыта двумя металлическими листами. Шика — по-немецки это слюда. Нас направили на правильный путь.

На месте, обозначенном табличкой, висел на стойке металлический лист и загоразживал собой второй, расположенный на несколько метров дальше; оба листа были прикреплены к земле цепями с тяжелыми замками. Мы осматривали приспособление и, честно говоря, раздумывали, как при необходимости можно было бы открыть замки, применив небольшую силу, когда к нам шагнул охранник территории с типичным взглядом человека, наделенного ограниченной властью.

— Представься археологом! — прошипел мне Хельмут, который как журналист был привычен к таким ситуациям.

— Я приехал из Швейцарии. Мексиканский коллега, археолог, сообщил мне, что здесь под листами находятся слои слюды. Можно ли на них посмотреть?

Служака сильно задумался, выбрал ключи из висящей на поясе связке, рядом с которой висел еще нож: в чехле. Он бросил на меня испытующий взгляд, потом опустил на колени и открыл висячие замки. Принять такое решение его могло заставить как невзначай упомянутое ключевое слово «археолог», так и поразивший его факт, что мне известно о тайне. С этого момента Хельмут щелкал все, что попадало ему в объектив.

В тот миг, когда солнце попало в яму, слепящий свет отразился от слюды, которая кусками от десяти до двадцати сантиметров покрывала дно. Такой эффект неожиданности возник еще раз, когда подняли второй металлический лист. Теперь мы увидели все в деталях: здесь, как в сэндвиче, слои слюды были уложены в каменной кладке, образовывавшей потолок находящегося

ниже помещения: потолок из уложенных друг на друга, соединенных раствором камней, потом слой слюды толщиной около семи сантиметров, потом снова полуметровый слой вмурованных камней.

— Какова протяженность этой искусственной вставки? — осведомился я у охранника.

— Пока 29 м, но слой может идти и дальше. Насколько далеко, выяснится при раскопке.

Охранник не запретил мне поднять одну пластинку, которая рассыпалась у меня в руках на мелкие кусочки. Пластинки были хрупкими, не толще пленки, прозрачными и при этом отлично отражали солнечный свет. Да, это мусковит (от *vitrum muscoviticum*), который наши деды называли «стекло из Москвы».

Мусковит, калиевый алюмогидросиликат, находят обычно вблизи гранита и в виде прожилок в граните. Небольшие месторождения есть в горах Сент-Готард в Швейцарии и в Циллертальских Альпах Тироля. Крупные месторождения имеются в Индии, на Мадагаскаре, в Южной Африке, Бразилии, США и вблизи озера Байкал в России. Страны Центральной

Америки зависят от импорта, поскольку горы здесь состоят преимущественно из вулканических пород. Откуда родом обработанная слюда, которой так много в Теотиуакане?

Слюда имеет такие свойства, которые делают ее просто незаменимой; она — при значительной прочности на растяжение — упруга, жароустойчива (до 800 °С), выдерживает внезапные температурные колебания; кроме того, она неуязвима для органических растворителей и большинства кислот. Однако ее самое выдающееся качество — электроизоляционная способность: она обладает дугостойкостью, стойкостью к токам утечки и электрическим разрядам. Благодаря прозрачности и жаростойкости она применяется в смотровых окнах домен. Тонкие пластины слюды находят разнообразное применение в электротехнике, например для изолирования радиоламп и кинескопов, в трансформаторах и

радиолокаторах. Наряду с многими другими способами применения слюда используется и в компьютерной технике. Низкосортную слюду перемалывают в порошок или расщепляют на чешуйки, а потом используют в промышленности (внутри утюгов, тостеров, стиральных машин) и как добавку к специальным сортам стекла.

Знали ли строители Теотиуакана о многочисленных свойствах слюды? На этот вопрос можно ответить утвердительно безо всяких натяжек, иначе они едва ли укладывали бы слюду между слоями камней!

Откуда они брали слюду в таких количествах и таких размеров, когда сегодня — при технически совершенных способах разработки — пластины от 30 до 40 см² считаются редкостью?

Что происходило в этой камере? Только это помещение было защищено от воздействий извне или их было несколько, и остальные еще просто не обнаружены?

Мне пришли в голову две возможности, но они обе меня не устраивают.

1. В камере создавалась высокая температура, которой некуда было выходить. Такое могло быть при работе плавильной печи. Но поскольку первым нагревался бы нижний слой потолка из камней, воздействие таких крайне высоких температур оставило бы свои следы. Нужно спросить, были ли археологами проведены подобные исследования.

2. Не требовалось ли изолировать помещение под многослойным покрытием от внешней жары? Такому варианту противоречит следующее обстоятельство: над слюдяной вставкой находится полуметровая каменная стена, которая давала бы колоссальную изоляцию от жары. Остается кажущееся фантастическим объяснение: на защищенное пространство постоянно действовала жара в несколько сотен градусов, но она была не столь высока, чтобы расплавить камни. Не проводились ли здесь эксперименты? Все-таки Херардо Левету было известно от одного археолога, что отсюда ведут две трубы к подземной камере пирамиды Солнца. Охранник ничего об этом не знал, а туннель к пирамиде закрыт металлической решеткой.

Не хранилась ли за тепловым экраном аппаратура богов? Совершенно неожиданный вопрос: не находился ли здесь центр энергоснабжения Теотиуакана?

Сколько ни задавай вопросов, пожалуй, неоспоримо лишь одно: проектировщики и строители знали о свойствах слюды, иначе не стали бы тратить силы на многослойную изоляцию.

Можно напасть на «противника» его же оружием? Считается, что застройщики Теотиуакана были народом каменного века, а следовательно, ничего не знали о высоких температурах, при которых может плавиться металл — которого они тоже не знали. То, что они не имели понятия об электричестве, премудрым тоже ясно. Не остается ли тогда единственный вывод, что камеру оборудовал таинственный незнакомец? Что кому-то был известен источник для импорта слюды и он, конечно, был осведомлен о ее свойствах?

В этой истории со слюдой менястораживает стремление сделать из всего тайну. Металлические листы. Висячие замки. Охранники, которые ни о чем не знают... И пожалуйста, не подходите ко мне с сомнительными объяснениями, что будто бы эту драгоценность нужно защищать от туристов! (В Чи-чен-Ице, например, туристам позволено по очереди залазить внутрь пирамиды, чтобы полюбоваться каменным ягуаром.) Для защиты от вандалов хватило бы двух охранников, работающих посменно. В крайнем случае, перед стенами можно было бы установить пуленепробиваемые стекла. Или здесь просто хотят отделаться от надоедливых вопросов?

«Увы, так устроен свет: глупцы твердо уверены в себе, а умные полны сомнений».

Бертран Рассел (1872–1970).

ПАЛЕНКЕ — ОБНАРУЖЕН, НО НЕ РАЗГАДАН

В сущности, наука начинает становиться интересной лишь там, где она заканчивается.

Юстус фон Аубиг (1803–1873)

Статист, сыгравший главную роль — Одного поля ягоды — Начало научной майяистики — Паленке сегодня — Названия — звук и дым — Храмы, храмы — цифры, цифры — Сенсационное открытие под зданием храма — Таинственный грот под пирамидой! — Встреча с Паленке — Надгробная плита из Паленке — Космический расизм

В 1773 г. в городке Тумбала — расположенном ныне в самом южном мексиканском штате Чьяпас — испанский разведывательный дозор доложил духовному куратору района, Антонио де Солису, что невдалеке находятся странные каменные строения, *casus de piedra*. Священнослужитель не воспринял доклад всерьез, ведь «дома» могли означать лишь примитивные хижины индейцев.

Однако через некоторое время слух о странных каменных строениях дошел до Района Ордонеса, священника в Сьюдад-Реале. Он велел нескольким своим людям взять в провозатые индейцев и осмотреть эти строения. По возвращении маленькая экспедиция представила священнику восторженные описания башен, пирамид и залов, которые они обнаружили на расстоянии всего двух лиг (= 8,76 км) от деревушки Санто-Доминго-де-Паленке.

Ордонес составил отчет, который после долгого прохождения по инстанциям достиг Королевской комиссии *Аудиенсия* в Гватемале. *Аудиенсия* приказала офицеру Антонио дель Рио более внимательно осмотреть место; она отправила с ним рисовальщика, который должен был зафиксировать на бумаге, что за странности скрывали джунгли.

От Санто-Доминго до цели не было и девяти километров, но густые заросли девственного леса и ненастная погода превратили путь через зеленый ад в утомительное предприятие. Только 3 мая 1787 г. дель Рио добрался до цели. Этот день можно считать датой открытия Паленке. 200 лет, прошедшие с тех пор, принесли много сенсационных результатов, но, несмотря на это, Паленке ожидает последней и настоящей разгадки.

Итак, капитан дель Рио со своим измученным отрядом добрался наконец до заросших девственным лесом руин. Две недели ушли на то, чтобы прорубить просеки в густых зарослях. И только после этого он оказался «посреди широкой прогалины и как зачарованный смотрел на развалины дворца, настоящего лабиринта из комнат и дворов, который стоял на огромной платформе из земли и обломков» [1].

На незваных гостей с оштукатуренных стен, усеянных непонятными символами и загадочными фигурами, глядели свирепые физиономии. Повсюду стекали капли дождя. Рои кровожадных москитов преследовали дель Рио и его людей. Капитан старался как можно скорее выполнить неприятное задание. Быстро и решительно он приказал раскопать несколько участков, был сделан очень грубый раскоп на первом этаже одной из башен. От его действий археологов даже сегодня охватывает ужас.

В результате были «добыты» 32 предмета; вместе с 25 рисунками, дополняющими доклад

Антонио дель Рио, они были доставлены в *Аудиенсию*. В Мадриде отчет об экспедиции вместе ящиками, в которых находились находки, пропал в ненасытном государственном архиве. Груды развалин в Новой Испании, как на родине называли захваченные территории, при дворе никого не интересовали.

Всем правил случай.

Через 45 лет доклад дель Рио необъяснимым образом попал в руки лондонского книготорговца и издателя Генри Бертуда, который в 1822 г. пустил его в продажу в виде небольшой книжки. Книжка не привлекла ни малейшего внимания. В то время археологии как науки еще не было. Исследование старины было хобби состоятельных эксцентричных личностей, или этим занимались авантюристы, гонявшиеся за кладами. У мира были другие заботы, на открытия в далекой Мексике он не обратил никакого внимания. Тем не менее лондонской книжке суждено было сыграть свою роль.

Время от времени интерес к многочисленным руинам возникал даже в мексиканских правительственных кругах. Французу Гийому Дюпе, отставному офицеру-артиллеристу, было поручено заняться «некоторыми развалинами». В его плане был и Паленке. Дюпе ничего не знал об аналогичном поручении Антонио дель Рио, но с ним также был художник, профессор Хосе Лусиано Кастаньеда. Три года, с 1805 по 1808 г., продолжалась эта достаточно серьезная экспедиция. Для раскопок нанимались местные жители, хотя индейцы в основном и были ненадежны.

Дюпе добрался до Паленке в 1807 г. Знакомый с высокоразвитыми культурами Мексики благодаря самозабвенному штудированию литературы, он был потрясен видом величественных сооружений даже в разрушенном состоянии. Основательная инвентаризационная опись Дюпе была великолепно проиллюстрирована его другом Кастаньедой. Краткое описание полученных в Паленке сведений должно было бы оторвать мексиканское правительство от его кресел, но и здесь, на родине древних сооружений, бюрократия проспала шанс: она отложила доклад Дюпе в долгий ящик. Впрочем, это даже хорошо, что получилось именно так, поскольку, по всей вероятности, испанцы и мексиканцы в диком разграблении древнего города превзошли бы сами себя. Паленке не был забыт. Эту местность посещали путешественники и исследователи, среди них Александр фон Гумбольдт (он был здесь в 1816 г.). Час X пробил лишь четверть века спустя.

Всем правит случай!

В истории открытия главную роль сыграл граф Жан-Фредерик де Вальдек. В свое время он считался яркой личностью, в буржуазных кругах его даже считали «немного помешанным». Откуда Вальдек появился, документально не зафиксировано; сам же он по-разному описывал свою жизнь, указывая местом рождения то Прагу, то Париж, то Вену. Пусть его репутация и не была безупречной, но его талант художника не вызывал сомнения.

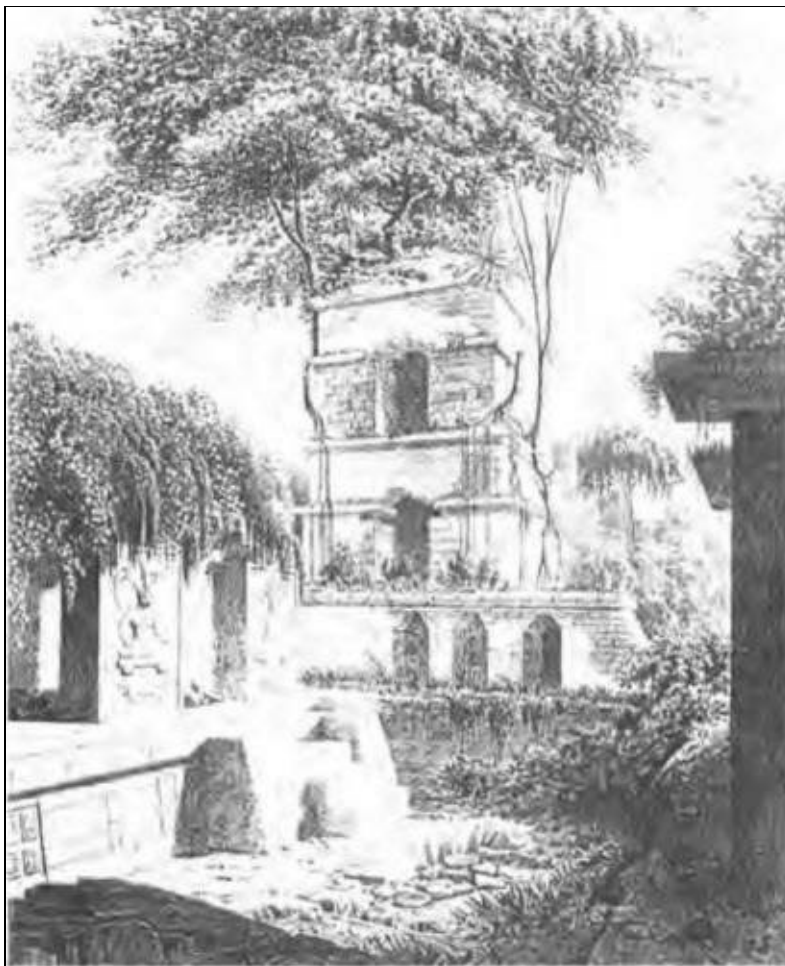
В 1821 г. Вальдек встретил лондонского издателя Генри Бертуда, который хотел издать доклад капитана Антонио дель Рио. Бертуд попросил графа сделать иллюстрации. Художник предоставил 16 рисунков, которые все же — как мы знаем — не смогли предотвратить провала издания.

От доклада дель Рио о Паленке Вальдек пришел в полный восторг и решил обязательно попасть в Мексику.

В марте 1822 г. Вальдек отправился в путь. Свою семью он оставил в Лондоне. Он начал малоприбыльный сбор пожертвований для Паленке, согласился на место в мексиканской горной компании (рисовать для нее схемы и обзорные планы), работал, кроме того, учителем и портретистом, а после рабочего дня делал бесконечные эскизы мексиканских древностей. Он в самом деле казался «немного помешанным».

Правительство дало Вальдеку официальное разрешение проводить в Паленке исследования.

«Именем мексиканского правительства» он просил индейцев помочь ему в раскопках развалин, но индейцы хотели видеть деньги, им не было дела до далекого правительства. 3000 мексиканских долларов, все состояние Вальдека, растаяли под палящим солнцем, как маленький кусочек масла. Но, даже полностью обанкротившись, Вальдек продолжал свое дело. Часто брошенный в одиночестве ненадежными работниками, измученный тропической природой, он прокладывал путь к покрытым растительностью храмам, изо дня в день просиживал на тропической жаре с планшетом на коленях, чтобы запечатлеть Паленке более чем в сотне видов. Чтобы укрыться от наполненного испарениями зноя, похожих на наводнения ливней и неистово жалящих насекомых, Вальдек в развалинах храма устроил скромный, словно для каторжников, лагерь — с тех пор как майя покинули Паленке, это был первый человек, поселившийся здесь в каменных строениях! По сей день сооружение, в котором обитал Вальдек, с ласковой иронией называют «храм графа».

Граф Жан-Фредерик де Вальдек запечатлел Паленке более чем на ста рисунках

Очарованный Паленке, граф Жан-Фредерик де Вальдек первым обнаружил в гипсовых рельефах головы слонов. Такое открытие привело его к выводу, что Паленке был построен, видимо, народом из Африки или Азии. Слоновьи головы Вальдека — до сих пор! — приводят ученых в замешательство. Вот уже более 12 000 лет в Центральной Америке нет ни слонов, ни мамонтов! Альтернатива гласила: должно быть, Паленке был построен переселившимся сюда народом, который знал слонов... или возраст этого народа более 12000 лет.

Позволю себе добавить, что спор о слонах Вальдека не закончен и по сей день. Специалисты, наделенные особым взглядом, с невероятной легкостью распознают в слоновьих

головах «маски богов дождя». Не страдающий профессиональной слепотой дилетант видит, как и Вальдек, головы слонов.

На древних рельефах Месоамерики, без сомнения, имеются головы слонов. На стене храма в городе развалин Монте-Альбан, в 250 км к юго-востоку от Мехико, я сфотографировал голову слона с вытянутым хоботом [2]; снимок настолько понятен, что никто не сможет молоть вздор о «маске бога дождя». Галлюцинаторным утверждением, что слоновьи головы Вальдека — это «маски богов дождя», проблема не решается. Как случилось, что изображения голов слонов оказались в Монте-Альбан? Между Монте-Альбан в долине Оаксака и Паленке в лесах штата Чьяпас почти 500 км по прямой, но, возможно, оба сооружения были возведены примерно в одно время — между 500 г. до н. э. и 600 г. н. э.

За два года, что Вальдек прожил в развалинах Паленке, он заложил мину замедленного действия. Он неистовствовал, когда местные жители осмеливались сбивать со стен гипсовые плиты, чтобы продавать их. Он ревниво наблюдал за посторонними посетителями, потому что ненавидел, когда другие делали эскизы «его» зданий.

Вальдеку удалось четче проработать изображения произведений искусства майя, чем это в состоянии сделать современная фотография

Обнищавший, измученный, но полный надежд, Вальдек весной 1834 г. отправился в Кампече, в бухте которого в 1517 г. высадились испанцы; он надеялся, что там ему удастся дорого продать свои рисунки. Сразу по прибытии граф узнал, что правительство, расположением которого он пользовался, смещено, а новым правителям он не доверял. Из предосторожности он сделал копии своих рисунков, а оригиналы доверил одному британскому чиновнику. У Вальдека было хорошее чутье. Вскоре явилась делегация от бургомистра, которая обыскала его багаж и конфисковала рисунки — копии! Мексиканские газеты стали вдруг упрекать Вальдека в том, что он вел себя в Паленке как вандал и тайком вывез сокровища. В этом не было ни слова правды.

Возмущенный и разочарованный, Вальдек покинул любимую Мексику и поселился с семьей в Париже. В 1838 г. Вальдек опубликовал свое «Романтическое археологическое путешествие на Юкатан», проиллюстрировав его 21 рисунком, оригиналы которых у него остались.

На эту книгу, как и на доклад Антонио дель Рио, почти не обратили внимания. То ли из-за таинственных сообщений из Новой Испании, то ли из-за репутации знатного

путешественника... в парижском обществе стали спрашивать небрежным тоном: «Мадам, вы уже слышали? Говорят, что в ужасных джунглях Новой Испании существуют настоящие каменные развалины!» Хотя специалисты по данному вопросу делали вид, что их не интересуют рассказы Вальдека, некоторые из них все-таки заразились тайной Паленке.

Одним из заразившихся был Джон Ллойд Стивенс. Он родился 18 ноября 1803 г. в Шрусбери, штат Нью-Джерси, США. Будучи высокоодаренным, Стивенс в 19 лет сдал юридический экзамен в Колумбийском колледже и обосновался на Уоллстрит в качестве адвоката. Стивенс приобрел репутацию юриста, умевшего излагать четкие аргументы в ярких выступлениях. Казалось, ему была предначертана блестящая адвокатская карьера, но этому помешало заболевание голосовых связок, поэтому Стивенс охотно последовал совету врачей поехать в Европу. Еще в студенческие годы путешествия стали его страстью. Он посетил Россию, Грецию, Турцию, Польшу, Египет и Палестину. Стивенс выучил французский и арабский, получил в Египте свидетельство экскурсовода, писал умные, приправленные юмором письма своим друзьям в Америку. Один из них опубликовал эти письма (правда, без ведома Стивенса), и адвокат вдруг стал успешным и независимым писателем, специализирующимся на путешествиях.

В Лондоне Стивенс посетил выставку «Панорама Иерусалима», на которой была представлена серия картин художника Фредерика Кетервуда. Он стал искать контакты с художником, чьи работы произвели на него столь глубокое впечатление. Через несколько дней они встретились в чайной. Кетервуд также много путешествовал, из стран Средиземноморья он привез целые папки с фантастическими рисунками древностей. Их сблизила общая страсть к путешествиям. Они стали строить планы, куда приведут их новые приключения?

Кетервуд читал доклад капитана дель Рио, а также книжку Вальдека. Стивенс был знаком с литературой о Юкатане и читал официальный протокол расследования по делу политического авантюриста и археолога-любителя полковника Хуана Галиндо (когда в 1802 г. он родился в Ирландии, его звали Джон). Тридцатичетырехлетний полковник предоставил для занесения в протокол описания храмов и развалин в Центральной Америке.

Молодых людей, преисполненных страстью к путешествиям и интересом к исчезнувшим мирам, заинтриговали подобные свидетельства бывшей высокоразвитой культуры. Что это была за культура? Пожалуй, предки индейцев не могли построить дворцы. Но кто же соорудил башни, храмы и пирамиды, о которых сообщали капитан дель Рио, граф Вальдек, Дюпе и Галиндо? Новые друзья были полны решимости выяснить суть дела.

Джон Л. Стивенс вернулся в Нью-Йорк и снова стал юристом; он подал прошение на пост дипломатического уполномоченного Соединенных Штатов в центральном офисе стран Латинской Америки в Гватемале. Удача и связи помогли ему. Стивенса назначили дипломатом, он получил желанный паспорт, который открывал перед ним многие двери, в его багаже была также пачка рекомендательных писем; но, прежде всего, у него теперь была возможность отнести на счет госбюджета значительную часть расходов по экспедиции. Тем временем Фредерик Кетервуд приехал в Нью-Йорк. Стивенс нанял его по контракту рисовальщиком экспедиции и гарантировал семье Кетервуда текущее содержание.

3 октября 1839 г. друзья отправились в путь. Цель путешествия — руины неизвестной культуры в Центральной Америке.

Во время двух путешествий страстные исследователи-любители посетили развалины 44 городов. Им удалось осуществить свой план: два издания (первое — в 1841 г., второе, исправленное — в 1843 г.) имели успех в научном мире и у широкой публики. Первая книга [3] выдержала в год выхода 12 изданий и была переведена на все основные языки мира. Стивенс написал первый археологический бестселлер, в котором исследованиям в Паленке посвящалось

более 60 страниц.

Турист, едущий сегодня в такси или в автобусе с кондиционером к превосходно отреставрированным развалинам, понятия не имеет, какие трудности пришлось преодолеть Стивенсу и Кетервуду без малого 150 лет тому назад.

Как раз начался период дождей, когда друзья — в сопровождении нескольких жителей близлежащей деревушки Санто-Доминго-де-Паленке — добрались до развалин. Девственный лес сочился дождем и был покрыт пеленой тумана. Они даже сначала не смогли разобрать, где находятся скрытые густыми джунглями и мхом «каменные строения».

Фредерик Кетервуд нарисовал «идиллию» проживания в развалинах

Как в свое время чудаку Вальдеку, так и Стивенсу и Кетервуду не оставалось ничего другого, как устроить лагерь в развалинах. В первую же ночь, превращенную москитами в ад, весь их багаж промок; от непрерывного дождя и влажности обувь, одежда и кожаные вещи покрылись плесенью, железные инструменты — кирки, лопаты и ножи — ржавели. Все еще не теряя чувства юмора, Стивенс писал: «Мы считаем, что ревматизм нам обеспечен».

Топоров, которыми можно было бы прорубить тропы к развалинам, не было; единственно подходящие инструменты — мачете (заточенные с одной стороны и изогнутые на конце ножи для рубки кустарника) были у индейцев — если те появлялись. Хотя Стивенс платил им по 18 центов в день, они были ленивы, приходили поздно и рано уходили: «Иногда приходило двое или трое, и один и тот же индеец редко приходил второй раз, так что за время нашего пребывания у нас побывали все индейцы деревни».

«Мы застыли в изумлении...» — открытия в Паленке на рисунке Кетервуда

К комарам, «этим убийцам отдыха», во время работы днем присоединялись ядовитые змеи, клещи и другие паразиты. Ночи были так же ужасны. Путешественники не могли зажечь свечей, потому что отблеск света привлекал мириады мучителей; только дым сигар удерживал насекомых на расстоянии.

Когда они через кустарник, мох и лианы пробились к платформам и пирамидам, то нашли растрескавшиеся камни, которые разрушила природа, и стены, разбитые капитаном дель Рио на мелкие осколки. Стивенс также обнаружил места, откуда дельцы украли гипсовые украшения. Потом его восторг вызвали фигуры богов, блиставшие остатками красной, синей, желтой, черной и белой красок. Физиономии демонов, украшенные перьями и шкурами фигуры означали бесконечную удачу для археологов. Потрясенные, стояли они перед стенами, на которых виднелись свирепые лица и россыпь непонятных символов. Гордо вззирающие статуи внушали благоговение: «Мы словно застыли в изумлении от выражения веселого спокойствия и их большого сходства с египетскими статуями». Несмотря на воспоминание о Египте, невольно возникшее у Стивенса, он сознавал уникальность культуры народа, который некогда воздвиг Паленке. «То, что мы увидели, было грандиозно, загадочно и весьма достойно внимания».

Стивенс увидел в Паленке грандиозное наследие народа, который вырос здесь и — без внешних влияний и наставников — развил свою культуру до состояния высшего расцвета. «Ничто, — говорил он, — в романе всемирной истории не потрясает больше, чем этот сенсационный, великий и прекрасный город». Все сведения о своих открытиях Стивенс излагал в статьях в стиле остроумной беседы, в них он демонстрировал доказательства своей компетентности и блестящей наблюдательности. Иллюстрации Кетервуда подтверждали

словесные описания точными изображениями объектов. Ке-тервуд был «первым иллюстратором, который принял искусство майя с его собственным стилем» [4]; даже сегодня его документальные рисунки остаются незаменимыми, поскольку отработанных до мельчайших штрихов деталей не может достичь никакая фотография. Таким образом, Стивенсу и Кетервуду принадлежит заслуга «открытия эры научной майяистики» [5].

Когда Стивенс и Кетервуд терялись в догадках, делая здесь первые шаги, они даже не подозревали о настоящих «чудесах». Еще не были расшифрованы иероглифы, не были известны удивительные календари.

Отреставрированный церемониальный центр лежит на холмах и искусственных платформах, которые разделены рекой Отулум на западный и восточный районы. Первое удивление возникает из-за этой речки.

Отулум был направлен в проложенный под землей сводчатый канал, по которому вполне могут идти рядом четыре человека; хитроумная система каналов направляла сюда же с крыш храмов потоки дождевой воды; в нескольких метрах западнее Храма надписей вода попадала в акведук и под землей подавалась во «дворец».

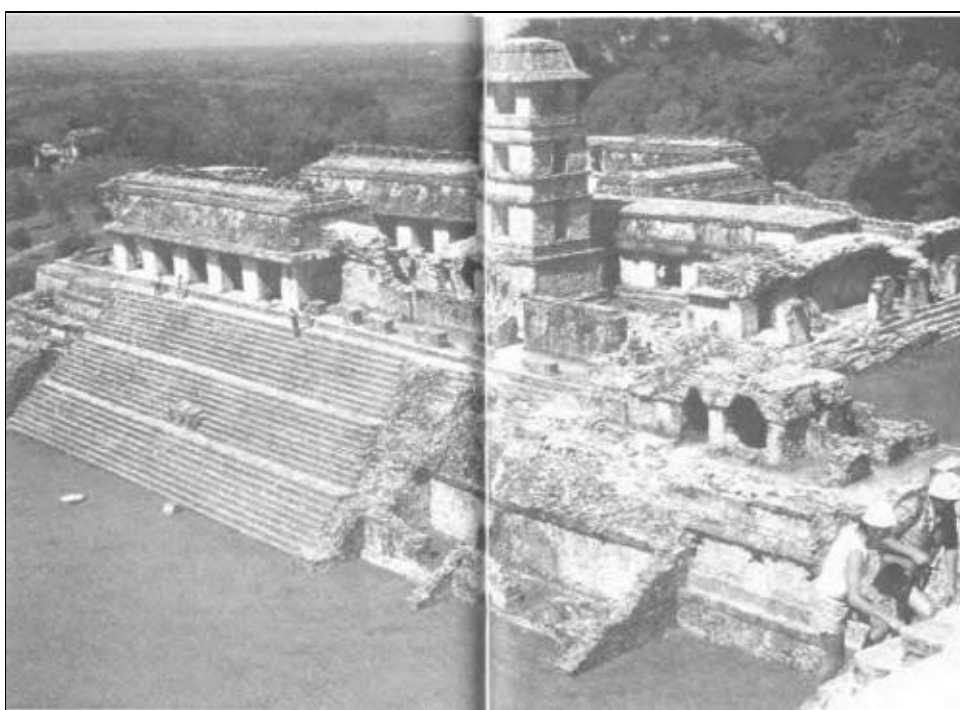
Дворец *Эль-Паласио* представляет собой внушительный комплекс сооружений на насыпанной слоями трапециевидной платформе, настолько запутанный, что туристы иногда теряют ориентацию.

Громадное сооружение разделено на дворы, маленькие и побольше, которые устроены на разных уровнях; сегодня их называют Главным, Западным, Восточным дворами и двором Башни; нижняя часть с южной стороны носит красивое название Субтерраниум (Подземный).

На протяженном западном фасаде доминируют пять квадратных колонн двухметровой толщины, покрытые гипсовыми фигурами. На одном из рельефов изображен индеец в сандалиях, привязанных ленточками к щиколоткам. Под подошвами видны самые настоящие колесики. У кого хватит смелости, может считать это своеобразными роликовыми коньками.

В стенах есть Т-образные слуховые окна, которые якобы представляют собой символ бога Солнца. В Восточном дворе была найдена каменная плита 2,40 x 2,60 м, на которой нанесены 262 уникальных глифа; речь идет о датах, головах богов, мифологических сценах, а также о людях и животных.

Гигантский дворец разделен на три главных уровня, ступенчато расположенных друг над другом. Размеры находящегося на уровне земли нижнего уровня 100 x 80 м [7].

Дворец — запутанный комплекс сооружений

В мозгу крутятся навязчивые, как комары, вопросы о назначении и цели возвышающегося над Паленке *Паласио*. «Спрашивай разумно, и тогда ты услышишь разумное», — сказал со смелым оптимизмом греческий трагик Еврипид (около 480–406 г. до н. э.). На разумные вопросы до сих пор следовали неразумные ответы: это были жилища жрецов, женский монастырь или дворец правителя.

По всему дворцу были «стратегически» расположены каменные туалеты со сливом

Разумный ответ я услышал от Белого Медведя, старого судьи индейцев хопи в резервации

штата Аризона. Он рассказал об университете, который был в родном городе его предков в Палаткуапи. С таким объяснением мне легче всего согласиться. *Паласио* расположен в центре и имеет аудитории разных размеров; здесь имеется «проточная вода» и несколько каменных туалетов со сливом, которые, так сказать, стратегически распределены по всему огромному зданию.

На первом этаже, как рассказал Белый Медведь, ученикам преподавали историю их народа; на втором этаже их обучали естествознанию и химии, а на третьем — прививали знания астрономии и математики. Такое описание идеально подходит и для *Паласио*.

Из лабиринта комнат и дворов на круглом основании 7 x 7,5 м поднимается 15-метровая башня с массивным цоколем; у нее четыре этажа примерно по 2,5 м. Широкие окна позволяют далеко видеть по всем странам света; найденный здесь и идентифицированный глиф Венеры указывает на использование сооружения в астрономических целях.

Конструкция башни вообще нетипична для архитектуры майя, да, эта уникальная башня. Сегодня ее называют обсерваторией, хотя еще недавно считали смотровой и сторожевой башней. В качестве наблюдательных постов полезнее были бы пирамиды на холмах, поскольку они по высоте превосходят вершину «башни». Майя не знали сторожевых башен; их города были незащищены, открыты со всех сторон. Странно, но внутри башни не было доступа на второй этаж, очень узкая лестница вела лишь на третий и четвертый этажи.

По подземному сводчатому каналу, над которым возведен *Паласио*, коридоры идут мимо кладовок. Самый длинный коридор (20 м) заканчивается возле лестницы, ведущей через отверстие в полу в центр дворца. Исследователь Джон Э.С. Томпсон [8] предполагает, «что эти коридоры использовались для мелких религиозных фокусов», а также «могли быть использованы в церемониях, которые были связаны с подземным миром»; свое второе объяснение Томпсон считает более разумным, потому что коридоры украшены рельефами, а потайные ходы обычно не украшали. Археолог Пьер Иванофф [6] еще больше упрощает задачу: «Следует упомянуть также о *налички* полуподвального этажа или скорее подвальных помещений, которые, однако, не имеют каких-либо особенностей». Однако если подземные коридоры *не имели* «каких-либо особенностей», зачем их нужно было закладывать с таким трудом да еще и украшать рельефами? И совсем уж неожиданным стало утверждение, что маленькие камеры были «парилками» [5]. Сауна в климате, который и без того при любом движении выжимает пот изо всех пор!

У кого хватит смелости, может считать, что это сандалии на роликовых коньках

Мне всегда казалось более разумным считать камеры небольшими лабораториями; они есть к любому естественноведческому университету и обычно располагаются таким образом, чтобы неудачные эксперименты не причиняли вреда. Подземное расположение было бы почти идеальным. Мое предложение считать подземные камеры лабораториями совершенно умозрительно, но всерьез говорить о «парилке» нельзя. Вероятно, скромно добавлю я, камеры еще служили кладовыми для ценного имущества, опасных видов энергии... или же для скоропортящихся товаров. Парилка? Надо же додуматься до такого.

Обнаружена сеть канализационных труб. Как предполагают, в то время, когда *Паласио* эксплуатировался во всю, существовала еще и вентиляционная система. Согласившись с существованием продуманной вентиляционной системы, можно ответить и на неясный вопрос об освещении темных коридоров в подземном мире дворца: при недостатке кислорода могут гореть имевшиеся у майя коптящие смоляные факелы! Однако смоляные факелы закоптили бы гипсовые рельефы — но копоти нет и следа. Я думаю, господам с археологического факультета следовало бы серьезно задуматься о системе освещения майя. До сих пор что-то важное осталось неоткрытым. Не обратиться ли за помощью в Скотланд-Ярд?

Научная литература использует придуманные ею же названия храмов и пирамид с такой величественной естественностью, как будто они получены от давних строителей.

Первоначальные названия всех зданий неизвестны, и даже «Паленке» не относится к эпохе основателей города.

Испанское слово *palenque* означает «ограда» или «место для турниров», иногда переводится и как «место палисадов». Специалисты считают, что название Паленке происходит от названия расположенной рядом деревни. Когда первые испанские поселенцы основали свою новую деревню, населенный пункт назывался не *Паленке*, а *Санто-Доминго*, Святое Воскресение. Только 20 лет спустя священники окрестили это место *Санто-Доминго-де-Паленке*. В XVI в. глухое селение в девственном лесу явно не было «местом для турниров», и причин считать, что в виде исключения оно было снабжено «оградой», нет никаких. «Местом палисадов» оно тоже не

было, потому что палисады были частоколом из толстых бревен перед оборонительным сооружением, однако тогдашняя маленькая деревня Паленке не была крепостью.

Существует ли решение этой задачи? Я предполагаю: да!

Для меня живой главный свидетель по истории майя — опять-таки Белый Медведь. Он говорит, что во времена его давних предков это место называлось *Палаткуапи*, и там среди индейцев жили качина, гости из космоса. Разве нельзя предположить, что индейцы сообщили испанским поселенцам старое название Палаткуапи и что испанцы переделали слово под свой язык? Так Палаткуапи мог стать Паленке, а Санто-Доминго превратилось в новое название *Санто-Доминго-де-Паленке*.

Город развалин Паленке по-прежнему лежит всего в 10 км от разросшегося до городка Санто-Доминго-де-Паленке, расположенного сегодня прямо на железнодорожной линии Коцакоалькос — Кампече. От крупного города Вилья-Эрмоса, столицы штата Табаско, до Паленке можно добраться по расширенной дороге длиной 107 км (по ней курсируют автобусы), есть также рейсовое сообщение двухмоторными винтовыми самолетами.

После такого выяснения названия «Храм Креста», «Храм Лиственного Креста» или «Храм Солнца» больше не следует считать названиями, данными строителями, они не имеют к ним никакого отношения.

На самом верхнем из четырех уровней усеченной пирамиды стоит Храм Солнца, длина стороны его имеющей форму квадрата горизонтальной проекции составляет 23 м. Толщина верхних стен один метр; высота сооружения с гребенчатым украшением конька крыши — 19 м; передний конек крыши — как и боковые стены — украшен прекрасными гипсовыми рельефами. Три входа ведут во внутреннее святилище, санктуарий. По обе стороны среднего входа на стенах имеются барельефы с двумя богато украшенными человеческими фигурами в натуральную величину. В небольшом помещении находится плита с изображением Солнца, давшая название храму.

Плита с изображением Солнца — это хорошо сохранившийся рельеф 3 x 1,10 м; она представляет собой щите двумя скрещенными, украшенными перьями копьями. Говорят, что на нем изображено лицо Ягуара-Солнца. Я очень старался разглядеть солнце или ягуара, но не смог. Видимо, нужно обладать взглядом специалиста, чтобы уметь понимать то, что они написали в своих комментариях. Справа и слева от рельефной композиции стоят жрецы «на телах рабов» [9]. Не изображены ли здесь символически боги, идущие по спине человечества? Здесь ни в чем нет окончательной определенности.

Декорации завершаются сериями иероглифов. Известный во всем мире археолог Герберт Дж. Спинден [10] расшифровал в надписях — наряду со сравнительно недавними датами, такими как 613 г. до н. э. и 176 г. н. э., — дату, относящуюся к глубокому прошлому: 14 октября 3373 г. до н. э. Правда, в споре ученые сошлись на дате 11 августа 3114 г. до н. э. — это начало календаря майя.

Храмы Паленке снабжены таким количеством дат, что даже специалисты их не понимают. Бесспорны годы жизни правителя майя Па каля, родившегося в 603 г. и умершего в 683 г. Была расшифрована также дата гибели Паленке: последний глиф с датой дал 780 г.

Профессор Спинден расшифровал такие глифы дат:

• в Храме Креста:

7 февраля 3379 г. до н. э.

8 апреля 3371 г. до н. э.

21 декабря 2619 г. до н. э.

• в Храме Солнца:

25 декабря 2619 г. до н. э.

- в Храме Лиственного Креста:

8 января 2618 г. до н. э.

20 апреля 2584 г. до н. э.

Даже если, согласно новейшей теории, от этих чисел отнять около 260 лет, все еще остаются даты, лежащие в далеком прошлом, о которых неизвестно, почему майя увековечили их на своих сооружениях. В эпоху тех дат, которые можно прочесть в Паленке, не было еще никаких майя!

В растерянности решусь на тихую реплику. Старый и мудрый индеец хопи Белый Медведь рассказал, что предки его народа переместились вверх из Южной Америки в Центральную. Возможно, эти индейцы запечатлели важнейшие даты своей миграции? Возможно, сомнительная исходная дата календаря 11 августа 3114 г. до н. э. обозначает день, когда с неба спустились качина? А дата 21 декабря 2619 г. до н. э. отмечает день, в который предки майя высадились на южноамериканском побережье, после того как их родной континент Каскара погрузился в пучину? Не обозначает ли 20 апреля 2584 г. до н. э. начало большого перехода с юга на север?

Этого мы не знаем. Однако с максимальной вероятностью можно исключить, что речь могла идти о вымышленных датах без связи с реальными событиями: они слишком точны и их слишком много. Если бы была только одна дата, которую изобретатели календаря установили бы для вымышленного начала, то я бы, пусть и неохотно, посчитал это возможным. Но этот загадочный букет дат, охватывающий тысячелетия, делает допущение о вымышленных датах (специалисты приписывают этот вымысел жрецам майя) неприемлемым.

Разумеется, в Паленке были также обнаружены и расшифрованы астрономические месячные циклы. Типичны циклы по 7260 и 144000 дней [11], но обнаружены также циклы по 18 700 или 370000 лет [12]. Расчетным путем одна надпись дает даже 455 393 401 день, а это — без високосных лет — 1 247 653 года.

Такие огромные циклы, конечно, не имеют никакого отношения к истории человечества. Сроки в тысячи и миллионы лет сохраняются за богами.

Среди многочисленных искусно украшенных зданий *Темпло де лас инскрипсьонес* — Храм надписей — самый таинственный; он расположен в юго-западном углу *Паласио* перед холмом, который археологи считают естественным тектоническим образованием. У меня есть сомнения по этому поводу. Ведь холм делится на четыре заметные террасы, на вершине храм и развалины трех строений сориентированы по оси, продолженная линия которой проходит параллельно нижней ступени храма и направлена точно на западную грань продолговатого здания. Этот поросший густым лесом холм закрывает вид с юга. Но пирамиды майя всегда стояли в местах со свободным обзором со всех сторон. Я вполне могу представить себе, что этот, как утверждают, естественный холм скрывает археологические сюрпризы.

Храм надписей

Храм надписей высится на продолговатой пирамиде из девяти расположенных друг на друге цоколей, высота которой 16 м. От предфасадной площади вверх к святилищу ведет крутая широкая лестница из 60 ступеней; по сторонам пяти открытых входов расположены шесть колонн с уникальными лепными украшениями. Внутри висят удивительные рельефные плиты с 617 иероглифами, давшими храму его название: Храм надписей. Отсюда в 1949 г. началась самая большая археологическая сенсация Месоамерики.

Доктор Альберто Рус Луильер, родившийся в Париже мексиканский археолог, был назначен Национальным институтом антропологии и истории директором раскопок в Паленке. Многие годы он руководил раскопками в засушливые месяцы с апреля по июль.

Особенно интересовал Руса Храм надписей, во-первых, из-за его значительной высоты на крыше пирамиды, а во-вторых, потому что святилище не было достаточно тщательно обследовано его предшественниками.

Рус находился на раскопках с утра до вечера. Однажды он наблюдал за работами внутри храма. Он заметил в полу слегка выступающий стык и тут же велел подмести пол. Оказалось, что стык имеет форму прямоугольника. В большой плите было двенадцать парных отверстий, словно пробитых по краям. Русу бросилось в глаза, что задняя стена не заканчивалась у пола, а явно продолжалась под плитой.

Доктор Рус велел принести рычаг, который вставили между стыком и отверстиями. Сначала его работники пыхтели от усилия, сантиметр за сантиметром поднимая тяжелую плиту пола, но потом они перестали замечать докучливых москитов и влажный воздух. С волнением и любопытством они вглядывались в темноту, открывшуюся под полом. Постепенно они разглядели камни и щебень, затем начало лестничной ступени. Они убрали верхний слой щебня: внутрь пирамиды вела лестница, ступени которой были тщательно отшлифованы; они прикоснулись руками к стенам: те были на ощупь как отполированные. Спуску препятствовали земля и камни: лестницу умышленно засыпали щебнем.

Работа превратилась в муку. Чем глубже продвигались археологи, тем тяжелее становились обломки камней. У них была керосиновая лампа, но было мало кислорода и душно. В узкой шахте рабочие извлекали камень за камнем и вытаскивали наверх, каждую бадью со щебнем поднимали лебедкой и уносили прочь.

К концу сезона раскопали 23 ступени. Альберто Рус был убежден, что на следующий год работа будет закончена и у пирамиды удастся отнять спрятанную в ней тайну. Он предполагал, что лестница может вести внутрь пирамиды или быть частью тайного хода к соседнему храму.

Крутую, почти вертикальную лестницу раскопали под руководством Альберта Руса после трех лет утомительного труда

За следующий сезон раскопали еще 21 ступень. Лестница с крутым уклоном шла в западном направлении, что усиливало предположение о ходе к другому храму. Большая неожиданность случилась в 1950 г. на 45-й ступени: пол стал ровным и сделал П-образный поворот. Потом лестница продолжилась, но теперь она уже шла в восточном направлении к сердцевине пирамиды.

Работу облегчил электрический свет. Воздух становился все удушливее, дышать можно было с трудом. Лаз под плитой пола — 15 м над местом проведения работ — оставался единственным соединением с внешним миром.

1951 г. Рабочие продолжают копать глубоко под землей. В стене обнаружили зияющее прямоугольное отверстие. Когда его освободили от щебня, люди буквально смогли вздохнуть. Отверстие было ходом к вентиляционной шахте, которая через восьмиметровую стену шла к западной стороне пирамиды. Уже в свежем воздухе археологи раскопали еще 13 ступеней. Перед 66-й ступенью лежал узкий ровный коридор. Сезон снова закончился. На этот раз доктор Рус

был убежден, что в следующий раз удастся добраться до цели, потому что работы велись всего в трех метрах над уровнем земли, основание пирамиды было почти достигнуто.

1952 г. Работам снова помешала стена из камней и раствора. Взломав ее, археологи очутились перед второй стеной, в которую был вмурован глиняный сосуд; в нем находились две серьги и семь украшений из нефрита, три небольших раскрашенных глиняных плитки и прекрасная жемчужина диаметром 13 мм. Не закрывали ли обе стены доступ к сокровищнице? Тяжелый труд еще не был закончен. Из щебня откопали несколько высоких ступеней, и снова возникла стена — препятствие четырехметровой толщины, на которое у археологов ушла неделя. Оно скрывало саркофаг с останками пятерых мужчин и одной женщины.

В 1952 г Рус со своей бригадой археологов стоял перед этой странной треугольной дверью

15 июня 1952 г. доктор Рус со своей бригадой стоял перед каменной плитой, своеобразной треугольной дверью размером 1,60 х 2,45 м. Ее с трудом отодвинули на ширину ладони и просунули в щель электрическую лампу. Рус прижался лицом к влажной плите и рассказал остальным о том, что увидел сам:

«Сначала я разглядел большое пустое помещение, похожее на ледяной грот, стены и потолок которого показались мне идеальными поверхностями, словно заброшенная часовня, с потолка которой свисали целые пологи сталактитов, как толстые оплывающие свечи» [13].

На стенах с висящими большими рельефами фигуры поблескивали, словно кристаллы инея; пол крипты был закрыт огромной плитой, сплошь покрытой заворачивающимися глифами.

Когда каменную дверь открыли достаточно широко, чтобы могли войти люди, от нетерпения и любопытства увидеть волнующее зрелище сталактиты с потолка посбивали.

Если бы остался хотя бы один сталактит, можно было бы вычислить, сколько лет этому подземному помещению, с каких пор в него не входили! Сталактиты, образующиеся на потолке (или сталагмиты, растущие с пола вверх), ежегодно увеличиваются на несколько миллиметров

или сантиметров; из слоя известняка они растут быстрее, чем из гранита. Все-таки подземная крипта, которую обнаружил доктор Рус, имела ширину 4 м и высоту 7 м. Сотни, тысячи лет на Паленке шли дожди, тропическая сырость проникала сквозь стены. Сведущие люди не смогли сказать мне, с какой скоростью сталактиты растут в описанной ситуации. В течение сотен лет, когда храм использовали, дождь, конечно, не просачивался через стены пирамиды, потому что майя тщательно ухаживали за своими церемониальными сооружениями. Беда пришла лишь через несколько десятков лет после бесследного ухода майя из города храмов; с тех пор никто больше не заделывал раствором трещины в оболочке пирамиды, в них стали попадать семена растений, пускать корни и ими разрушать сооружение. В Паленке часто идут дожди, полуостров Юкатан относится к зонам с наибольшим уровнем осадков; но есть и относительно сухие, жаркие месяцы. К тому же в пирамиду было уложено много известняка.

Пол крипты

У меня не укладывается в голове, чтобы геологи, метеорологи и физики не могли совместно вычислить, на сколько миллиметров или сантиметров в год росли сталактиты в существующих здесь условиях. Возможно, таким образом можно осуществить датировку Храма надписей, а может быть, даже найти опору для непонятных дат календаря.

Сориентированная с севера на юг, крипта находится на два метра *ниже* платформы, на которой стоит Храм надписей, т. е. на два метра *под* основанием пирамиды. На гипсовых рельефах шествует процессия разодетых жрецов. Пол покрыт огромной монолитной плитой (длина — 3,80 м, ширина — 2,20 м, толщина — 25 см, вес — примерно 9 т).

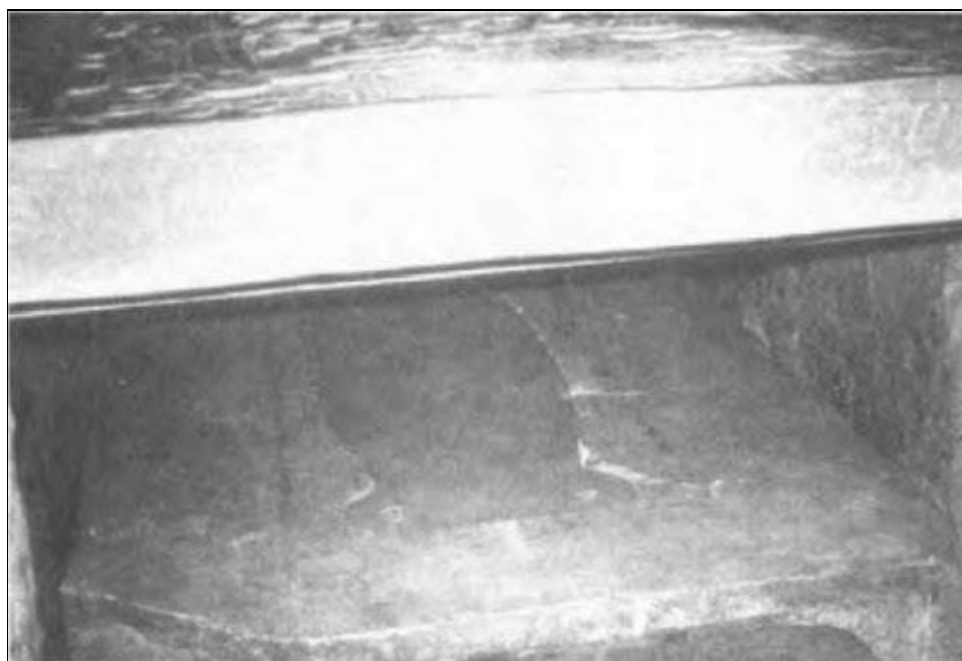
Когда плиту подняли, натолкнулись на 20-тонный саркофаг, в котором лежал прах мужчины. На скелете нашли украшения из нефрита, серьги с выгравированными иероглифами, жемчужное ожерелье; глиняная труба вела из саркофага в коридор. Зачем? Говорят, для того чтобы позволить отлететь духу умершего. Разве с таким же успехом это не может быть труба, через которую нагнетались ядовитые пары?

В специальной литературе в последнее время часто пишут, что умерший — Пакаль,

правитель Паленке. Это предположение вовсе не так достоверно, как звучит.

Существуют глифы с датами, явно относящиеся к правителям, которые правили с 603 по 683 г. н. э. Полагают, что Пакаль взшел на престол двенадцатилетним и правил почти 70 лет. С таким возрастом его можно считать Мафусаилом среди майя, потому что жили они недолго (в среднем 35 лет).

Доктор Рус установил, что даты на надгробной плите «не могут быть точно определены, потому что они повторяются каждые 52 года». Стали искать глифы, которые можно было бы связать с глифами в гробнице, и обнаружили их в *Паласио*. С тех пор в литературе мелькают утверждения, что якобы на надгробной плите расшифрованы годы 603 и 633 н. э. Это неверно. В действительности в глифах дат на надгробной плите, как сказал доктор Рус, указаны только циклы, и их затем пересчитали с помощью других глифов дат вне Храма надписей. Расчет не сходится по другой причине. Нельзя установить, что правление Пакаля было с 603 по 683 г., и одновременно утверждать, что последняя (самая свежая) дата, якобы стоящая на надгробной плите, является 633 г. Ведь тогда надгробная плита была бы изготовлена за 50 лет до смерти Пакаля и снабжена неправильной датой смерти. Ну позвольте, господа!

В 20-тонном саркофаге лежал прах мужчины

Помимо глифов дат, на надгробной плите имеется еще очень характерное изображение фигур. Если надгробная плита — это памятник правителю Пакалю, то этот самый Пакаль и должен быть изображен на камне. Разве не так? Нет, говорят ученые, это не Пакаль, это бог кукурузы Юм Кош [5]! Что же в самом деле изображено на надгробной плите в Паленке?

Как все переменялось с 1965 г., когда я в последний раз был в Паленке! В Вилья-Эрмоса новый аэропорт, дорога Вилья-Эрмоса — Кампече превосходно заасфальтирована. Там, где почти 20 лет тому назад был только тропический лес, сегодня простираются пастбища и поля на фоне сельского пейзажа. А Пакалю, последнему индейскому правителю Паленке, у въезда в столицу поставлен памятник; его каменное лицо с таким вниманием обращено к небу, словно он хочет первым сообщить о возвращении богов.

Современные индейцы поставили этот памятник Пакалю, последнему правителю Паленке

Санто-Доминго-де-Паленке остался грязным городишком, который, однако, старается с помощью нескольких аттракционов извлечь валюту из потока туристов. Пусть далее отели предлагают открытые плавательные бассейны с неподвижной («Лас руинас») или проточной водой («Нутутун»), однако — как тогда, так и сейчас — остается нерешенной проблема чистой кухни. Того, кто сам не чистит фрукты, не ест лишь отварные овощи и не отвергает телятину, говядину и свинину, неминуемо настигнет месть Моктесумы. Голод следует утолять обжаренными на гриле цыплятами или жареной рыбой.

Пабло Зуттер, мой соотечественник-швейцарец, уже четверть века живущий в Паленке, говорит на шести языках; он считается «самым интернациональным» среди экскурсоводов. Мы дебатировали на самом высоком плато Храма надписей с видом на окрестности, оккупированные толпами туристов. Мы обсуждали вопрос, откуда могли прийти майя.

«На прошлой неделе я водил группу русских туристов, мы говорили на эту же тему. Я в разговоре высказал новейшую теорию, согласно которой американский континент якобы был заселен через замерзший Берингов пролив. Русские громко расхохотались. В прошлом году, сказали они, там наверху у Северного Ледовитого океана была температура минус 61 °С, а несколько лет тому назад даже минус 74 °С, все живое пробирало до костей, ни двуногие, ни четвероногие не могли бы двигаться». Худощавый господин Зуттер посмотрел на меня задумчиво: «Люди не будут добровольно подвергать себя смертельной опасности, смертельному холоду, тем более без цели. Те, кто в древности пересекал Берингов пролив, могли не подозревать, где закончится их путешествие. Нет, нет, следует наконец покончить с легендой о переселении через Берингов пролив!» И лукаво добавил: «Я даже в шутку больше не буду упоминать эту теорию, я хочу оставаться серьезным, знаете ли...»

— А откуда, по-вашему, пришли майя?

— Из Азии! — ответил Пабло Зуттер как о чем-то само собой разумеющемся. — Они прибыли на тихоокеанское побережье Гватемалы, переместились через вулканические горы и

основали в Тикале свое первое большое поселение.

— Почему в Тикале?

Мой соотечественник Пабло Зуттер работает экскурсоводом, общаясь с туристами на шести языках

Знающий местность опытный проводник вынул из кожаной сумки, висевшей у него на плече, географическую карту и расстелил ее на земле. Я увидел, что от Тикаля как центра расходятся нарисованные концентрические круги.

— Посмотрите: Тикаль находится в центре всей культуры майя. Если иглу циркуля поставить на Тикаль и нанести круги, то они пересекут самое южное и самое северное, самое восточное и самое западное поселения майя. Из Тикаля царство майя распространилось во всех направлениях.

Мне вспомнился вопрос гватемальца Хулио Чавеса над крышами Тикаля: «Почему именно здесь, дон Эрик?!» В самом деле, Тикаль находился в центре царства майя, и все-таки самоуверенное утверждение Зуттера не было безупречным. Если бы Тикаль был основан как центр будущего царства, то тогда оттуда исходили бы обязательные распоряжения: поселяться можно только здесь, только там, только на таком или этаким расстоянии. Самое главное: переселенцам из Азии было знакомо колесо, они принесли бы его и использовали. Майя колеса не применяли.

Во время нашего диспута я видел поток любопытных, стремившихся ко входу в гробницу. Разумеется, мне захотелось снова увидеться с моим «богом-астронавтом». Воздух был точь-в-точь как тогда: горячий, удушливый, затхлый, но крутая лестница в шахту пирамиды была теперь освещена. Спустившись вниз, я был крайне разочарован: камера закрыта металлической

решеткой, за решеткой вид закрыт проволочной металлической сеткой, и — чтобы довести защитные мероприятия до максимума — в довершение всего имеется стекло, которое во влажной жаре постоянно запотеваает, не давая свободно рассматривать ценнейший объект Паленке; самый интересный объект из наследия майя невозможно и сфотографировать.

Понятно, что такую ценность, как эта надгробная плита, следует защитить от прикосновений рук посетителей. Для этого здесь, как и где-нибудь в другом месте, хватило бы металлической решетки. Не означают ли тройные меры безопасности нечто большее, чем защиту объекта? Мое подозрение вызвано одним наблюдением. Там, где ныне индейцы предлагают сувениры мастеров художественного промысла, например вырезанные из стеатита головы жрецов или глифы, тогда, 19 лет назад, ходким товаром были разных размеров фрагменты рельефа надгробной плиты. Не произошла ли здесь полная распродажа? Впрочем, не стоит недооценивать деловых индейцев, они в кратчайший срок доставили бы из семейных предприятий новую партию.

В переулках Паленке я зашел в несколько мастерских каменотесов; в них кипела работа, там резали, гравировали, делали модели всевозможных фрагментов рельефов по образцам, находящихся на гипсовых стенах культовых сооружений майя, — но ни один ремесленник не воспроизводил надгробную плиту! Не хотят ли — какая честь! — воспрепятствовать, чтобы у моей интерпретации нашлись последователи? Точно соответствующая оригиналу копия надгробной плиты имеется в Антропологическом музее в Мехико, но ее едва ли можно сфотографировать: запрещено пользоваться вспышкой — запрещено становиться на скамейку, чтобы поднять камеру над парапетом, ниясе которого лежит плита; сделать там снимок мог бы только циркач с квалификацией гуттаперчевого человека. Как мне сказали, еще пару лет тому назад в гостиничных магазинах и сувенирных лавках продавались копии из камня или фотографии на многоцветных постерах. Поскольку я хотел знать наверняка, я предложил одному торговцу большую сумму за копию. Того, что я хочу, здесь больше не делают, был его ответ. Да, спрос велик, но он считает, что была дана команда «сверху» прекратить изготовление копий, поскольку они наводят «массы» на глупые мысли. Если это так, то опасный грандиозный объект культуры майя нужно еще раз поставить на обсуждение.

В своей первой книге *«Воспоминание о будущем»* [14] я с воодушевлением описал странное существо в центре плиты как изображение астронавта, который якобы сидит в своего рода капсуле космического корабля и обслуживает сложные приборы; позади него я предполагаю струи пламени — в контексте: реактивная струя.

Крайне разочарованные, туристы сидят перед металлической решеткой

Вход в гробницу через Храм надписей

Реакция была своеобразной. Сначала специалисты лишились дара речи от такой трактовки дилетанта. Когда книга получила всемирный успех и была экранизирована, когда Паленке стал местом паломничества туристов, которые желали увидеть моего «астронавта», башня из слоновой кости вдруг превратилась в растревоженный улей. Правда, ни один археолог не спросил у меня, не пересмотрел ли я свои еретические взгляды, однако в 1973 г. в Паленке состоялся конгресс экспертов, на котором всезнайки ответственно смогли объяснить общественности, что же, по мнению академической науки, действительно изображено на надгробной плите. Ответственное определение дано не было. Я же был лишен права участвовать в обсуждении.

После моего первого спонтанного описания прошло почти 20 лет. Десять лет назад в книге «Мой мир в картинках» я изменил первоначальное мнение. Я кое-чему научился, но все еще различал в рельефе похожее на астронавта существо, которое сидело в явно техническом аппарате. А сегодня?

Сегодня мне известна основная литература о надгробной плите, я знаю, что означают отдельные глифы, я основательно занимался календарем майя и попытался — *by the way*^[19], как говорят американцы, — «проникнуться» миром представлений табличек с надписями. В конце концов, именно тогда я заметил, насколько шатки археологические толкования.

Несомненно, на надгробной плите имеются глифы и графические изображения, известные также по другим центрам майя, такие, например, как птица кецаль (ныне геральдическое животное Гватемалы) или так называемый крест жизни. Чтобы суметь рассмотреть птицу кецаль, сидящую на голове фигуры, нужно, видимо, надеть на глаза специальные очки для археологов. В кресте жизни усматривают то древо жизни, то крест разделенной на четыре части Вселенной. Вариант прочтения зависит от того, какую школу археолог посещал (в этой школе, естественно, имеет вес только одно мнение — мнение профессора). Разные школы единодушны в том, что надписи, идущие по краям надгробной плиты и охватывающие ее как лентой, большей частью не поддаются расшифровке. Расшифрованы некоторые глифы — глифы дат,

астрономические символы Венеры, Солнца, Полярной звезды и Луны. Но от того, что нафантазировали о сидящей фигуре, «волосы в бороде бога погоды» встают дыбом!

Против предположения, что речь идет о боге кукурузы Юм Кош [5], выступает Марсель Брион:

«В центре надгробной плиты высечена фигура человека, возможно, портрет умершего; покрытый украшениями, сильно подавшись телом вперед, он покоится на большой маске, изображающей бога земли, смерть».

Пьер Иванофф [6] видит совершенно иное:

«Символическое значение этого странного изображения... загадывает несколько загадок. Бог мертвых из-за своей связи с подземным миром одновременно является, по верованиям майя, богом плодородной земли. Мужчина над ним своей выпрямляющейся позой похож на возникающую жизнь. Его лицо напоминает лицо бога кукурузы, поэтому он мог бы быть воплощением развивающейся природы. Разделенная на четыре части Вселенная, крест, который одновременно является отображением мира, времени и смены власти, вместе с церемониальным жезлом несет авторитет и силу. Наконец, птица моан символизирует смерть». Милослав Стингл [9] надел другие очки: «...видна фигура юноши, в которой, очевидно, изображено не конкретное лицо, а человек — просто род человеческий. Из его тела вырастает крест, символизирующий кукурузу, дающую жизнь. Из кукурузных листьев по обе стороны извиваются двуглавые змеи... таким образом, из тела юноши вырастает жизнь, но сам он покоится на лице смерти — отвратительной голове фантастического животного, из пасти которого торчат острые клыки».

Доктор Альберто Рус Луильер [13] увидел...

«...юношу, откинувшегося назад на большую маску монстра-земли... над его телом высится крест, идентичный знаменитому кресту другого храма в Паленке. Из двуглавой змеи бьют фонтаном маленькие мифологические персонажи, над ними птица кецаль с маской бога дождя. Мы полагаем, что эта сцена изображает фундаментальные понятия религии майя...» В новейших публикациях высказывается мнение, что речь идет все-таки о жреце или властелине, возможно, о правителе Па кале, во всяком случае, о фигуре, которая падает в раскрытую пасть чудовища. То, что позади фигуры я по наивности описал как струи пламени, в действительности является «очень четко различимым чудовищем-землей» [16]. Прямо сегодня я схожу к окулисту, и пусть со мной ходит Поль Риве, знаменитый археолог, потому что он видит там «стилизованные волосы бороды бога погоды»!

После всей этой профессиональной тарбарщины я еще раз выдвигаю на обсуждение надгробную плиту из Паленке. Поскольку ее, как было сказано, в данное время больше сфотографировать нельзя, я осмелюсь показать особенность на соответствующем оригиналу изделии каменотеса, которое несколько лет тому назад живущий в Паленке индеец сделал для меня в результате многомесячного труда.

Я не считаю, что на надгробной плите капсула с астронавтом изображена превосходным образом с точки зрения техники. Я могу различить нагнувшееся вперед человеческое существо, носящее сложный головной убор, напоминающий техническое устройство, от которого назад

идут двойные шланги, — по мнению археологов, в целом это прическа. Существо почти уткнулось носом в прибор, которым он манипулирует (с помощью каких-то ручек или рычагов) обеими руками, — по мнению археологов, существо сидит перед «крестом жизни». Меня упрекали в том, что свой «эффект, ракеты» я могу достичь только в том случае, если рассматривать надгробную плиту как поперечный рисунок, а это недопустимо; мне очень хорошо подходит вертикальный формат, тогда языки пламени загораются как раз снизу (под капсулой), что вполне обычно для взмывающих в небо ракет. Нигде мне не удалось обнаружить ни «чудовище-землю», ни «птицу кецаль».

Допустим, что умный жрец майя хотел в образной форме сообщить будущим поколениям о посещении инопланетян — со своей точки зрения, точки зрения бога. Правда, этот набожный человек понятия не имел о технике с ее аппаратами и двигателями, а тем более об одноместном космическом корабле, на котором инопланетный гость курсировал между Землей и кораблем-носителем. У жреца, человека каменного века, запечатлелось в памяти то, что он видел, все это было перенесено на рельеф, который сегодня заставляет теряться в догадках, — и, естественно, сопровождается пояснениями с помощью единственного известного письма, глифов. Поэтому я совсем не удивлен, что на надгробной плите наряду с наивным графическим отображением техники возникают также астрономические символы. Доктор Альберто Рус видит во фризе с сидящим в центре существом «космическую среду, окружающую человека, в которой звезды правят неизменным ходом времени».

Меня упрекают в избытке фантазии, к тому же необузданной. Но, на мой взгляд, нужна еще более буйная и безудержная фантазия, чтобы распознавать стилизованные волосы бороды бога погоды, чудовище-землю, монстров, кукурузные початки и птицу кецаль.

Приукрашивание сиятельных «научных выводов» туманной болтовней, в которой слышна далее не ученость, а беспомощность, ни на шаг не приближает к настоящему объяснению.

Мне говорят: странно, что в Паленке не обнаружены стелы, которых в других местах множество; при этом Паленке считается одним из крупнейших и старейших церемониальных центров майя. Меня не удивил факт отсутствия в Паленке стел. В Тикале и Копане стелы посвящались династиям правителей и жрецов как символам богов: от тех позаимствовали они божественную силу. Однако в Паленке-Палаткуапи боги присутствовали самолично, жители видели их каждый день на занятиях в университете. И им не требовались никакие стелы, заменяющие богов. Альберт Эйнштейн писал:

«Большинство основных идей науки сами по себе просты и, как правило, могут быть переданы понятным каждому языком».

После всего, что было высказано в связи с Паленке, можно только надеяться, что когда-нибудь будут предложены толкования на понятном каждому языке. Если этого не произойдет, то из утверждения Эйнштейна напрашивается вывод от противного, что речь может идти не о научных основных идеях. Ну кто поймет туманную, неясную речь?

Пабло Зуттер сказал мне, что с помощью новейших технических средств под другой пирамидой обнаружили еще одну гробницу и возможна новая сенсация.

— А почему ее не раскапывают?

— В Мексике на все требуется время, и ни у кого нет денег. Если университет или меценат вложит в раскопки, скажем, 100000 долларов США, сюда попадут в лучшем случае 10000! Видите ли, мексиканцы считают так: 6×4 дает 24. Пиши 4, у тебя останется 20!

Кроме того, я узнал, что в Мексике непросто добиться разрешения на раскопки, даже если есть достаточно денег. В парламенте индейцы имеют право высказать свое мнение; если они не захотят, чтобы производились раскопки одного из их древних святилищ, раскопки не состоятся.

Археологи охотно поработали бы в Паленке, Чичен-Ице и других городах майя, но их усилия часто терпят неудачу из-за упорного сопротивления индейцев: они оберегают свои святыни — и у них много, много времени. Но если где-нибудь ведутся раскопки, трудятся исключительно рабочие-индейцы.

На меня сердит американский археолог У. Рэтджи [17]. По его мнению, «недооценка достижений майя» со стороны господина Дэникена и «его явное признание превосходящих духовных и технических возможностей расы господ из Вселенной является новой формой расизма — космическим расизмом».

В таком же тоне можно было бы сказать, что речь идет о коварном выпаде фашистского толка. Я лучше объявлю себя сторонником изречения Людвиг Тика (1773–1853): «Я сделал своим законом действовать по моему внутреннему убеждению, не заботясь о том, как я при этом выгляжу и правильно ли меня понимают».

По существу вопроса:

Мне никогда бы не пришло в голову «недооценивать» огромные достижения майя, поскольку именно *они* возвели все эти грандиозные храмы и пирамиды, а не какая-то «раса господ из Вселенной»! Достижений майя я никогда не оспаривал, однако неизменно мое мнение о том, что для майя или их предков наставниками и советчиками были существа из Вселенной. Всего остального, что мне ложно приписывает археолог У. Рэтджи, нет ни в одной из моих книг и я этого не говорил. Я отношусь к самым прилежным и самым внимательным читателям археологических книг, и цюрихский еженельник *«Вельтвохе»*, конечно, прав: «Если место археологических находок обещает новых научные выводы, там обязательно присутствует фон Дэникен». Я был бы всем сердцем предан археологам, если бы они немного быстрее, немного смелее переступали через барьер накопившихся мнений, чтобы они наконец получали свои толкования с точки зрения нашей современности, достаточно прогрессивной в техническом плане.

Но пока им присуща способность удивляться, еще не все потеряно. Линда Шеле, профессор университета штата Алабама, США, догадывается, что Храм надписей — «чудо»! Так, она обнаружила [18], что 21 декабря, в день зимнего солнцестояния, солнце опускается точно «в» Храме надписей, зрелище, которое весной повторяется в обратном направлении: солнце поднимается «из» Храма надписей. Лучшее всего это зрелище видно с крыши Храма Солнца, расположенного к востоку от Храма надписей. Такое наблюдение со всей очевидностью показывает, что здания не случайно стоят на том месте, где они находятся, и приводит к неизбежному выводу, что 20-тонный саркофаг вместе с девятитонной надгробной плитой был опущен в землю, *прежде* чем над ним выросла пирамида, поэтому надгробная плита на веки вечные будет оставаться на своем месте, ее нельзя вытащить на свет божий по узким и крутым лестницам.

Итак, сначала была гробница (или святилище) правителя, жреца или качина; возможно, крипта существовала несколько веков, пока над ней не была построена пирамида. Независимо от того, когда ее построили, она была сооружена по плану и астрономически сориентирована для возвращения богов. Не слишком ли это сложно для народа каменного века, который, помимо упоминавшихся астрономических расчетов, еще обладал знаниями о Плеядах и непостижимых звездных богах? В *«Книге жрецов-ягуаров»* [19] о них сказано:

«Они спустились с дороги звезд...»

Они говорили на таинственном языке звезд неба...»

Да, их предзнаменование — это наша уверенность, что они пришли с небес...»

Когда они спустятся снова, тринадцать богов и девять богов, то они заново приведут в порядок то, что сотворили прежде».

Приложение

КТО БЫЛ КТО?

ОЛЬМЕКИ

Народ, который в доклассический период проживал на территории мексиканских штатов Веракрус и Табаско. Ольмеков считают носителями первой высокоразвитой культуры в Новом Свете, расцвет которой пришелся на начало первого тысячелетия до нашей эры; ее окончание датируется примерно 400 г. до н. э. Ольмеки были, так сказать, предками культуры майя.

МАЙЯ

Состояли из многих племен и в целом были самым значительным древнеамериканским народом с высокоразвитой культурой. Майя населяли Гватемалу, полуостров Юкатан, частично мексиканские штаты Табаско и Чьяпас, Белиз, часть Гондураса и Сальвадора. Происхождение майя неясно.

Археология классифицирует их историю следующим образом:

- ранний доклассический период — 2000–1200 г. до н. э.;
- средний доклассический период — 1200—400 г. до н. э. — в течение этих двух периодов возникли древнейшие культурные центры;
- поздний доклассический период — 400 г. до н. э. — 300 г. н. э.;
- ранний классический период — 300–600 гг.;
- поздний классический период — 600–900 гг.;
- ранний постклассический период — 900—1200 гг.;
- поздний постклассический период — 1200–1520 гг. (прибытие испанцев).

АЦТЕКИ

Индийский народ, который обитал преимущественно на Мексиканском нагорье. Около 1345 г. на территории современного Мехико они основали свою столицу Теночтитлан. Спустя 100 лет их влияние достигло побережья Мексиканского залива, а около 1510 г. ацтеки проживали от побережья залива до самого Тихого океана и Гватемалы. Этот воинственный народ практиковал человеческие жертвоприношения. В 1520 г. они потерпели сокрушительное поражение от Эрнандо Кортеса.

ТЕОТИУАКАНЦЫ

Были строителями огромного комплекса Теотиуакан, в 48 км к северо-востоку от современного Мехико. Неизвестно, откуда пришли теотиуаканцы и кем они были.

МЕСОАМЕРИКА

Культурно-географический термин, введенный в 1943 г. археологом П. Кирхгофом. Месоамерикой называют царства майя и их предшественников, а также ацтеков.

1. Воображаемая поездка в каменный век

1. Palacio, Diego Garcia de — *Carta dirigida al Rey de España*, Honduras und San Salvador 1576
2. Girard, Rafael — *Die ewigen Mayas*, Zurich 1969
3. Adams, Richard E. W. — «Ancient Maya Canals». Aus: *Archaeology*, Vol. 35 No. 6, Dezember 1982
4. Stephens, John L. — *Incidents of Travel in Central America, Chiapas and Yucatan*, New York 1969

2. Начало конца

1. Grunfeld, Frederic V. — *Spiele der Welt — Tlachtli*, Hrg. Schweiz. Komitee für UNICEF, Zurich o. J.
2. Landa, Diego de — *Relacion de las cosas de Yucatan, 1566* Landa, Diego de — *Yucatan before and after the Conquest*, translated by William Gates, New York 1978
3. Diaz del Castillo Bernal — *Historia verdadera de la Conquista de la Nueva España*, Hrg. Joaquin Ramirez Cabanas, Mexico City 1969
4. Westphal, Wilfried — *Die Maya — Volk im Schatten seiner Väter*, München 1977
5. Prescott, William H. — *History of the Conquest of Mexico*, Paris 1844
- Prescott, William H. — *Geschichte der Eroberung von Mexiko*, Bande 1 + 2, Leipzig 1845
6. *Der große Brockhaus* — Wiesbaden 1953
7. Ceram, C. W. — *Getter, Graber und Gelehrte*, Hamburg o. J.
8. Lehmann, Walter — *Die Geschichte der Königreiche von Colhuacdn und Mexiko*, Stuttgart/Berlin 1938
9. Nicholson, Irene — *Mexican and Central American Mythology*, London/New York 1967
10. Honore, Pierre — *Ich fand den Weifien Gott*, Frankfurt am Main 1965

3. Дикари — белые — чудесные книги

1. Girard, Rafael — *Die ewigen Mayas — Zivilisation und Geschichte*, Zurich 1969
2. Fagan, Brian M. — *Die vergrabene Sonne*, München 1979
3. Vollemaere, Antoon Leon — *The Maya Year of 365 Days in the Codices*, Mechelen/Belgien 1973
4. Landa, Diego de — *Relacion de las cosas de Yucatan, 1566* Landa, Diego de — *Yucatan before and after the Conquest*, translated by William Gates, New York 1978
5. Acosta, Jose de — *Historia natural y moral de los Indios*, Band VI, Sevilla 1590
6. Deckert, Helmut — *Maya Handschrift der sächsische Landesbibliothek Dresden, Codex Dresdensis*, Berlin 1962
7. Anders, Ferdinand — *Codex Tro-Cortesianus (Codex Madrid)*, Graz 1967
8. Zimmermann, Gunter — *Die Hieroglyphen der Maya-Handschriften*, Hamburg 1956
9. Stuart, George E. — «The Maya, Riddle of the Glyphs», in: *National Geographic*, Vol. 148, No. 6, Dezember 1975
10. *Die Welt* — vom 14. August 1978: «Die Schrift der Maya wird entschleiert», von Harald Steinert
11. *Bremer Nachrichten* — vom 4. Februar 1976: «Maya-Hieroglyphen entschlüsselt»
12. Barthel, Thomas — «Die gegenwärtige Situation in der Erforschung der Maya-Schrift», aus: *Proceedings of the thirty-second International Congress of Americanists*

13. Barthel, Thomas — «Mayahieroglyphen», aus: *Bild der Wissenschaft*, Heft 6, 4. Jahrg., Juni 1967
14. Wilhelmy, Herbert — *Welt und Umwelt der Maya*, Munchen 1981
15. Dittrich, Arnost — «Der Planet Venus und seine Behandlung im Dresdener Maya-Kodex», *Sonderausgabe aus den Sitzungsberichten der Preußischen Akademie der Wissenschaften, Phys. - math. Klasse*, XXIV, 1937
16. Forstemann, Ernst — «Die Astronomie der Mayas», aus: *Das Weltall*, Berlin, 4. Jahrg., Heft 19, 1. Juli 1904
17. Willson, Robert W. — «Astronomical Notes on the Maya-Codices», *Papers of the Peabody Museum of American-Archaeology and Ethnology*, Harvard University, Vol. VI, No. 3, Cambridge/Mass. 1924
18. Forstemann, Ernst — «Blatt sechzig der Dresdener Maya-Handschrift», aus: *Das Weltall*, Berlin, 6. Jahrg., Heft 16, 15. Mai 1906
19. Noll-Husum, Herbert — «Grundlegendes zur Zeitbestimmung der Maya», aus: *Zeitschrift für Ethnologie*, Berlin, 69. Jahrg., Heft 1/3, 1937
20. *Weltraumatlas* — Bern 1970
21. Rowan-Robinson, Michael — «Mayan astronomy», aus *New Scientist*, 18. Oktober 1979
22. Morley, Sylvanus Griswold — *La Civilizacion Maya*, Mexiko 1947
Morley, Sylvanus Griswold — *The ancient Maya*, Stanford 1946
23. Thompson, John Eric S. — *Die Maya — Aufstieg und Niedergang einer Indianerkultur*, Munchen 1968
24. Henseling, Robert — «Das Alter der Maya-Astronomie und die Oktaeteris», aus: *Forschungen und Fortschritte, Nachrichtenblatt der deutschen Wissenschaft und Technik*, Berlin, 25. Jahrg., Heft 3/4, 1949.

4. Это случилось 11 августа 3114 г. до н. э.?

1. Wilhelmy, Herbert — *Welt und Umwelt der Maya*, Munchen 1981
2. Henseling, Robert — «Das Alter der Maya-Astronomie und die Oktaeteris», aus: *Forschungen und Fortschritte, Nachrichtenblatt der deutschen Wissenschaft und Technik*, Berlin, 25. Jahrg., Heft 3/4, 1949
3. Dittrich, Arnost — «Die Korrelation der Maya-Chronologie», aus: *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften, physikalisch-mathematische Klasse*, Nr. 3, Berlin 1936
4. Vollemaere, Antoon Leon — «Die Entzifferung der Hieroglyphenschrift der Maya», aus: *Belgischer Beitrag zum historischen Erbe der Welt*, Nr. 91. Hrg. Ministerium für auswärtige Angelegenheiten, Briissel 1979
5. Morley, Sylvanus Griswold — *La Civilizacion Maya*, Mexiko 1947
Morley, Sylvanus Griswold — *The ancient Maya*, Stanford 1946
6. Girard Rafael — *Die ewigen Mayas — Geschichte und Zivilisation*, Zurich 1969
7. Kiessling, S. — Brief an EvD vom 15. März 1981
8. Kiessling, S. — Brief an EvD vom 14. Mai 1981
9. Colligan, Douglas «Mayan astronomy — Science of a super civilization*», aus: *Science Digest*, Vol. 75, Nr. 2, Februar 1974
10. *Weltraumatlas* — Bern 1970
11. Ruppe, Harry O. — *Die grenzenlose Dimension Raumfahrt*, Band 2, Dusseldorf 1982
12. Clube, Victor & Napier, Bill — *The cosmic serpent — A catastrophist view of Earth History*, London 1982
13. Horedt, G. P. — «Origin of the asteroids: Collision of a small planet with a large comet», aus:

14. Papagiannis, Michael — «The need to explore the asteroid belt». Vortrag am 33. Kongress der International Astronomical Federation, Paris, 27. Sept. — 2. Okt. 1982 (Zu beziehen bei: IAA, 1290 Av. of the Americas, New York, NY 10104)
15. *Neue Zürcher Zeitung* — «Wasserreiche Ceres», vom 1. Sept. 1982
16. Taube, M. — *Evolution of Matter and Energy*, 8659 Kill-wangen/ Switzerland
17. Daniken, Erich von — *Erinnerungen an die Zukunft*, Dusseldorf 1968
18. ohne Autor — «God and Science: Survey findings show pupil doubts*», aus *Malvern Gazette*, Worcs./England, vom 14. April 1983
- Schoolboys air their religious beliefs, aus: *Church Times*, London, 8. April 1983
19. Whitehouse, David — «A decade (and more!) of pseudo-science*», aus: *New Scientist*, London, 7. April 1983

5. Когда с неба упал огонь

1. Chargaff, Erwin — *Warnungstafeln — Die Vergangenheit spricht zur Gegenwart*, Stuttgart 1982
2. Cordan, Wolfgang — *Geheimnis im Urwald — Entdeckungsfahrten auf den Spuren der Maya*, Dusseldorf/Köln 1961
3. Riese, Berthold — *Geschichte der Maya*, Stuttgart 1972
4. Müller, Johann Georg — *Geschichte der amerikanischen Urreligionen*, Basel 1855
5. Brasseur de Bourbourg, Charles-Etienne — *Histoire des nations civilisées du Mexique et de l'Amérique-Centrale*, Tomes I–VI, Paris 1857, 1858, 1859
- Brasseur de Bourbourg, Charles-Etienne — *Popol Vuh, le livre sacré et les mythes de l'antique américaine*, Paris 1861
6. Schultze-Jena, Leonhard — *Popol Vuh — Das heilige Buch der Quiche-Indianer von Guatemala*, Stuttgart/Berlin 1944
7. Cordan, Wolfgang — *Das Buch des Rates — Popol Vuh, Schöpfungsmythos und Wanderung der Quiche-Maya*, Dusseldorf/Köln 1962
8. Daniken, Erich von — *Reise nach Kiribati*, Dusseldorf 1981
9. Daniken, Erich von — *Prophet der Vergangenheit*, Dusseldorf 1979
10. Daniken, Erich von — *Beweise*, Dusseldorf 1977
11. Roys, Ralph L. — *The Book of Chilam-Balam of Chumayel*, Washington 1933
12. Lehmann, Walter — *Die Geschichte der Königreiche von Colhuacan und Mexiko*, Stuttgart/Berlin 1938
13. Preuss, Theodor K. — *Forschungsreisen zu den Kagaba*, Wien 1926
14. Schmidtke, Friedrich — *Der Aufbau der babylonischen Chronologie*, Münster 1952
15. Burckhard, Georg — *Gilgamesch — Eine Erzählung aus dem Alten Orient*, Wiesbaden 1958
16. Dopatka, Ulrich — «Cargo Kulte: Vorgestern — Heute — Gestern», aus: *Ancient Skies*, Nr. 4, Feldbrunnen/Schweiz 1980
17. Nicholson, Irene — *Mexikanische Mythologie*, Wiesbaden 1967
18. Blumrich, Joseph F. — *Kassara und die sieben Welt en — Weifler Bar erzdhlt den Erdmythos der Hopi-Indianer*, Dusseldorf 1979
19. Parker, Richard A. — *The calendars of ancient Egypt*, Chicago/ Cambridge 1950
20. Craighill, Handy E. S. — *Polynesian Religion*, Bernice P. Bishop Museum, Bulletin Nr. 34, Honolulu 1927
21. Autorenkollektiv — *Kiribati, Aspects of History*, Ministry of Education, Training and Culture, Tarawa 1979
22. Aveni, Anthony F. — *Skywatchers of Ancient Mexico*, University of Texas Press 1980

23. Hammond, Norman — «The earliest Maya», aus: *Scientific American*, New York, März 1977
24. Craine, Eugene & Reindorp, Reginald — *The Codex Perez and the Book of Chilam-Balam of Mani*, University of Oklahoma 1979
25. Kautzsch, Emil — *Die Apokryphen und Pseudepigraphen des Alten Testaments*, Band II, Hildesheim 1962
26. Sahagun, Bernardino de — *Wahrsagerei, Himmelskunde und Kalender der alten Azteken*. Übersetzt von Prof. Dr. Leonhard Schultze-Jena, Stuttgart 1950
27. Anders, Ferdinand — *Das Pantheon der Maya*, Graz 1963
28. Halstead, L. B. — *Die Welt der Dinosaurier*, Hamburg 1975
29. Sanger-Bredt, Irene — *Spuren der Vorzeit — Ungeldste Ratsel der Schopfung*, Band 2, Dusseldorf 1972
30. Biedermann, Hans — *Altmexikos heilige Bucher*, Graz 1971
31. Nowotny, Karl Anton — *Codex Borgia*, Vollständige Faksimile-Ausgabe des Codex im Originalformat, Graz 1976

6. Теотиуакан — огромный город по планам богов

1. Sahagun, Bernardino de — *Wahrsagerei, Himmelskunde und Kalender der alten Azteken*. Übersetzt von Prof. Dr. Leonhard Schultze-Jena, Stuttgart 1950
2. ohne Autor — *Teotihuacan, Guia oficial*, Instituto National de Antropologia e Historia, Mexiko 1965
3. Seler, Eduard — *Gesammelte Abhandlungen zur Amerika-nischen Sprach- und Altertumskunde*, 4. Band, Graz 1961
4. Kohlenberg, Karl F. — *Entrdtselfe Vorzeit*, Wien 1970
5. Lehmann, Walter — *Die Geschichte der Konigreiche von Colhuacan und Mexiko*, Stuttgart/Berlin 1938
6. Thompson, John Eric S. — *Die Maya — Aufstieg und Nie-dergang einer Indianerkultur*, Mtinchen 1968
7. Muller, Johann Georg — *Geschichte der amerikanischen Urreligionen*, Basel 1855
8. Sejourne, Laurette — *Pensiamiento y religion en el Mexico Antiguo*, Mexiko 1957
9. Portner, Rudolf & Davies, Nigel — *Alte Kulturen der Neu-en Welt*, Dusseldorf 1980
10. Irwin, Constance — *Fair Gods and stone faces*, London 1964
11. Honore, Pierre — *Ich fand den Weifien Gott*, Frankfurt am Main 1965
12. Davies, Nigel — *Die versunkenen Konigreiche Mexikos*, Dusseldorf 1983
13. Daniel, Glyn — *Enzyklopeddie der Archaologie*, Bergisch-Gladbach 1980
14. Girard, Rafael — *Die ewigen Mayas — Geschichte und Zi-vilisation*, Zurich 1969
15. Tompkins, Peter — *Die Wiege der Sonne*, Bern/Munchen 1977
16. Harleston, Hugh — «A mathematical analysis of Teotihua-can», aus: *XLI International Congress of Americanists*, Mexiko 1974
17. Helfritz, Hans — *Die Gotterburgen Mexicos*, Koln 1967
18. Tichy, Franz — *Deutung von Orts- und Flurnetzen im Hoch-land von Mexico als Kult*, Bonn 1974
19. Aveni, Anthony F. & Hartung, Horst — «Space and Time in the Cosmvision of Mesoamerica», Band 10 der *Lateiname-rika-Studien*, aus: *XLIII International Congress of Americanists*, Mtinchen 1982
20. Stierlin, Henri — *Maya, Architektur der Welt*, Biel 1964
21. Alcina, Jose — *Die Kunst des alten Amerika*, Freiburg 1979
22. Hunt, Eva — *The Transformation of the Hummingbird*, Cornell University Press 1977

7. Паленке — обнаружен, но не разгадан

1. Fagan, Brian M. — *Die vergrabene Sonne*, Munchen 1979
2. Daniken, Erich von — *Reise nach Kiribati*, Dusseldorf 1981
3. Stephens, John L. — *Incidents of Travel in Central America, Chiapas and Yucatan*, Band II, New York 1841
4. Kampen, M. E. — *The Religion of the Maya*, Leiden 1981
5. Wilhelmy, Herbert — *Welt und Umwelt der Maya*, Munchen 1981
6. Ivanoff, Pierre — *Maya — Monumente grofier Kulturen*, Luxemburg 1974
7. Coe, Michael — *Die Maya*, Bergisch-Gladbach 1968
8. Thompson, John Eric S. — *Die Maya — Aufstieg und Nie-dergang einer Indianerkultur*, Munchen 1968
9. Stingl, Miloslav — *Den Maya aufder Spur*, Leipzig 1971
10. Spinden, Herbert J. — *The Reduction of Mayan Dates*, Cambridge/Mass. 1924
11. Forstemann, Ernst — «Drei Inschriften von Palenque», aus: *Globus*, Braunschweig, Band LXXVI, Nr. 11 vom 16. Sept. 1899
12. Bowditch, Charles — *The Temples of the Cross of the foliated cross and of the sun at Palenque*, Cambridge/ Mass. 1906
13. Ruz Lhuillier, Alberto — «The Mystery of the Temple of the Inscriptions», aus: *Archaeology*, Band VI, Cambridge/ Mass. 1953
14. Daniken, Erich von — *Erinnerungen an die Zukunft*, Dusseldorf 1968
15. Krupp, Edwin — *Astronomen, Priester, Pyramiden*, Munchen 1980
16. Wilhelmy, Herbert — *Welt und Umwelt der Maya*, Munchen 1981
17. Rathje, W. — «The Ancient Astronaut Myth», aus: *Archaeology*, Nr. 31,1978, Cambridge/Mass.
18. Seler, Eduard — «Beobachtungen und Studien in den Ruinen von Palenque», aus: *Abhandlungen derkonigl. Preufiischen Akademie der Wissenschaften*, Nr. 5,1915
19. Makemson, Worcester M. — *The Book of the Jaguar Priest, a translation of the book of Chilam Balam of Tizimin with commentary*, New York 1951

---

notes

Сейба — капоковое дерево, из 15-сантиметровых семенных коробочек которого получают волокно, применяемое как набивка для мебели и наполнитель спасательных кругов.

Азимут — это горизонтальный угол, измеряемый по ходу часовой стрелки от 0° до 360° от северного направления магнитного меридиана до определяемого направления.

Область высокоразвитых культур майя — от севера Мексики и до южных районов Центральной Америки, от Никарагуа до Панамы, которые больше тяготеют к прикарибским и южноамериканским традициям.

Базальт — вулканическая излившаяся горная порода. Диорит — полевой шпат, роговая обманка и биттит; сегодня добывается для изготовления могильных плит и мостового камня. Обсидиан — застывшая лава с высоким содержанием кремния.

Manana (исп.) — разг. дудки!; держи карман шире. — *Примеч. пер.*

Цифры в скобках отсылают к пронумерованным поглавным библиографическим ссылкам в конце книги.

Для сравнения: площадь Швейцарии — 41000 км, Германии — 248 000 км.

Индийская языковая группа в Центральной и Южной Мексике.

Площадь основания — 35 x 35 м, высота — 25 м.

В общем и в частности (франц.). — Примеч. пер.

Положение двух небесных тел на одном градусе долготы.

Гелиакический (греч.: относящийся к Солнцу): ежегодные восходы и заходы звезд.

Синодический период обращения — промежуток времени, в течение которого какое-либо тело Солнечной системы, двигаясь по своей орбите, возвращается при наблюдении с Земли в прежнее положение относительно Солнца.

Триллион — миллион миллион миллион = 10^{18} .

Какчикель — народ в Гватемале, относящийся к группе майя.

Возможно, бог кукурузы

Андезитовая лава — молодая вулканическая излившаяся порода.

Полярный радиус — окружность Земли на Полярном круге.

Кстати (англ.). — Примеч. пер.